

DAUGAVPILS UNIVERSITĀTE
SOCIĀLO ZINĀTŅU FAKULTĀTE
HUMANITĀRO UN SOCIĀLO ZINĀTŅU INSTITŪTS

DAUGAVPILS UNIVERSITĀTES
SOCIĀLO ZINĀTŅU FAKULTĀTES
STARPTAUTISKO ZINĀTNISKO KONFERENČU
RAKSTU KRĀJUMS

Starptautiskās zinātniskās konferences
“*Sociālās zinātnes reģionālajai attīstībai 2017*”
materiāli
(2017. gada 20.–21. oktobris)

I DAĻA. SOCIOLOĢIJAS AKTUALITĀTES

PROCEEDINGS OF THE INTERNATIONAL
SCIENTIFIC CONFERENCES OF
FACULTY OF SOCIAL SCIENCES OF
DAUGAVPILS UNIVERSITY

The materials of the International Scientific Conference
“*Social Sciences for Regional Development 2017*”
(20th–21st October, 2017)

PART I. ISSUES OF SOCIOLOGY

~ DAUGAVPILS UNIVERSITĀTES
AKADĒMISKAIS APGĀDS “SAULE” ~

2018

Apstiprināts DU Humanitāro un sociālo zinātņu institūta Zinātniskās padomes sēdē 2018. gada 16. aprīlī, protokols Nr. 5.

Meņšikovs V. (zin. red.) *Daugavpils Universitātes Sociālo zinātņu fakultātes starptautisko zinātnisko konferenču rakstu krājums. Starptautiskās zinātniskās konferences “Sociālās zinātnes reģionālajai attīstībai 2017” materiāli. I daļa. Socioloģijas aktualitātes*. Daugavpils: Daugavpils Universitātes Akadēmiskais apgāds “Saulē”, 2018. 178 lpp.

Rakstu krājuma redakcijas kolēģija:

Prof., Dr. sc. soc. **V. Meņšikovs** (Daugavpils Universitāte, Latvija) – zinātniskais redaktors
Vadošā pētniece, Dr. oec. **O. Lavriņenko** (Daugavpils Universitāte, Latvija) – zinātniskā redaktora vietniece (ekonomika)
Prof., PhD **Dz. Iliško** (Daugavpils Universitāte, Latvija) – zinātniskā redaktora vietniece (socioloģija)
Prof., Dr. iur. **J. Teivāns-Treinovskis** (Daugavpils Universitāte, Latvija) – zinātniskā redaktora vietnieks (tiesību zinātne)
Prof., Dr. hab. paed., Dr. hab. psych. **A. Vorobjovs** (Daugavpils Universitāte, Latvija) – zinātniskā redaktora vietnieks (sociālā psiholoģija)
Prof., Dr. oec. **T. Bogoliḃ** (Perejaslava Hmeļnicka Grigorija Skovorodas vārdā nosauktā Valsts pedagoģiskā universitāte, Ukraina)
Prof., Dr. hab. oec. **V. Kosiedovskis** (Nikolaja Kopernika Universitāte Toruņā, Polija)
Prof., Dr. hab. sc. soc. **A. Matulionis** (Lietuvas Sociālo pētījumu centrs, Lietuva)
Asoc. prof., Dr. iur. **J. Neimanis** (Latvijas Universitāte, Latvija)
Pētniece, Dr. psych. **M. Ņesterova** (Daugavpils Universitāte, Latvija)
Doc., Dr. paed. **I. Ostrovska** (Daugavpils Universitāte, Latvija)
Pētniece, Dr. oec. **V. Špilova** (Daugavpils Universitāte, Latvija)
Prof., Dr. sc. soc. **M.J. Šoutena** (Beira *Interior* universitāte, Portugāle)
Dr. iur. **M. Potapovs** (Novosibirskas Valsts Tehniskā universitāte, Krievija)
Pētniece, Dr. oec. **O. Ruža** (Daugavpils Universitāte, Latvija)
Prof., Dr. oec. **J. Vankeviča** (Vitebskas Valsts Tehnoloģiskā universitāte, Baltkrievija)
Prof., Dr. iur. **V. Zahars** (Daugavpils Universitāte, Latvija)

Recenzenti:

Prof., Dr. hab. sc. soc. **A. Matulionis** (Lietuvas Sociālo pētījumu centrs, Lietuva)
Prof., Dr. sc. soc. **V. Meņšikovs** (Daugavpils Universitāte, Latvija)
Prof., Dr. sc. soc. **S. Partickis** (Lūblinas Katoļu Universitāte, Polija)

Rakstu krājumā iekļauti Daugavpils Universitātes Sociālo zinātņu fakultātes un Humanitāro un sociālo zinātņu institūta starptautiskās zinātniskās konferences (2017. gada 20.–21. oktobris) materiāli: augstskolas zinātnieku, doktorantu, kā arī citu Latvijas un ārzemju sadarbības augstskolu zinātnieku raksti socioloģijas nozarē.

Par rakstos atspoguļotajiem faktiem, viedokļiem un terminoloģiju atbild rakstu autori.

Ir iekļauts datu bāzē: / Included in the database: / Включён в базу данных:

Electronic Journals Library of University of Regensburg.

ISSN 2255-8853

ISBN 978-9984-14-844-1

© Daugavpils Universitāte, 2018

SATURS

<i>Monika Dorota Adamczyk</i> (Poland) AGING OF THE SOCIETY AS A CHALLENGE TO SUSTAINABLE DEVELOPMENT – FOR EXAMPLE THE POLISH AND LATVIAN SOCIETY	5
Старение населения как проблема устойчивого развития – на примере польского и латвийского общества	
<i>Alina Betlej</i> (Poland) SOCIAL CAPITAL OF THE LUBELSKIE VOIVODESHIP. BASED ON SELECTED RESEARCH	13
Социальный капитал Люблинского воеводства. На основе отдельных исследований	
<i>Dorota Kurek</i> (Poland) THE CAUSES AND CONSEQUENCES OF POLES' LABOR MIGRATION – SELECTED ASPECTS	26
Poļu ekonomiskās migrācijas cēloņi un sekas – izvēlētie aspekti	
<i>Ivāns Jānis Mihailovs, Aira Aija Krūmiņa</i> (Latvija) OTRGADNIECĪBA LATVIJAS PAMATIZGLĪTĪBAS IESTĀDĒS: SITUĀCIJA UN RISINĀJUMU MEKLĒJUMI	36
Второгодничество в основных образовательных учреждениях Латвии: ситуация и поиск решений	
<i>Sławomir Partycki, Agnieszka Drewniak, Dawid Błaszczak</i> (Poland) RELATIONAL CAPITAL IN NETWORK SOCIETY	44
Реляционный капитал в сетевом обществе	
<i>Marzena Piotrowska-Trybull</i> (Poland) REDUNDANCIES OF THE MILITARY PERSONNEL – CAUSES, SCOPE AND FORMS OF SUPPORT FOR THE DISMISSED	56
Сокращения военного персонала – причины, масштабы и формы поддержки уволенных	
<i>Nataliia Stukalo, Anastasiia Simakhova</i> (Ukraine) TRANSITION MODEL OF SOCIAL ECONOMY: PROBLEMS OF DEVELOPMENT	70
Транзитивная модель социальной экономики: проблемы развития	
<u><i>Татьяна Боголиб</i></u> (Украина) РЫНОК ТРУДА В УКРАИНЕ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА И СТРУКТУРНЫХ РЕФОРМ	77
The Labour Market in Ukraine in the Context of Crisis and Structural Reforms	

<i>Вера Васильева, Галина Жигунова</i> (Россия)	
ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ НА ТЕРРИТОРИИ МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ИХ ПЕРСПЕКТИВЫ	97
The Environmental Situation in the Murmansk Region: Regional Problems and Prospects	
<i>Ольга Волкова</i> (Латвия)	
ВЗАИМОСВЯЗЬ ЗДОРОВЬЯ С СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКИМ СТАТУСОМ НАСЕЛЕНИЯ	112
Relationship between Health and Socioeconomic Status of the Population	
<i>Виктор Воронов, Мария Воронова</i> (Россия)	
МОДЕЛИРОВАНИЕ И ПРОГНОЗИРОВАНИЕ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ	128
Modeling and Forecasting of Interethnic Relations in the Russian Regions	
<i>Екатерина Кения-Арестова</i> (Латвия)	
ЭЛИТЫ В РЕТРОСПЕКТИВЕ	143
Elites in Retrospect	
<i>Валерий Никифоров, Никита Никифоров</i> (Латвия)	
ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ВУЗОВСКОГО ОБУЧЕНИЯ	155
The Problems and Solution Approaches for Improvement of Learning Effectiveness in Higher Education Institutions	
Ziņas par autoriem	173
Vispārīgās prasības zinātniskam rakstam	175
General requirements for the paper	177

Monika Dorota Adamczyk (Poland)

**AGING OF THE SOCIETY AS A CHALLENGE
TO SUSTAINABLE DEVELOPMENT –
FOR EXAMPLE THE POLISH AND LATVIAN SOCIETY**

It is the objective of the article to show aging of the Polish and Latvian society in the context of challenges presented by the process to sustainable development. It focuses on issues connected with aging of the population in the context of selected sustainable development ratios such as public health and demographic changes.

Key words: the ageing of the population, sustainable development.

Introduction

The demographic aging of the population of European and other highly developed world countries is a global process. It is forecasted that in the perspective of the coming decades the process is going to become more intensive and will lead to significant changes in the proportions between older and younger people (CSA. Population forecast..., United Nations 2009, United Nations 2017). Data from 2011 show that older adults, meaning people aged 60 and more, constituted 11% of the world population, and it is estimated that in 2050 every fifth inhabitant of the Earth will belong to that age group (Łobodzińska 2016). The changes in age structure mean that the number of young people in reproductive age will constantly diminish, whereas the number of older people requiring support and care will grow. As a result, the increasing needs resulting from these changes will be accompanied by declining demographic resources to satisfy them. What is the meaning of the above-mentioned processes for sustainable development?

**The characteristics of the aging processes of
the population of Poland and Latvia**

In recent years, there has been a growing interest in the issues of old age and aging, undoubtedly related to the processes of demographic changes, which are progressing very rapidly in Europe. Until recently, the aging of the population was identified only with highly developed countries. At present, a significant part of the elderly population lives in

countries referred to as the countries of the Global South. Although Poland and Latvia do not belong to the countries of the Global South, the demographic situation is just the same there, the aging of the population is a quickly occurring phenomenon in both countries leading to a situation when demographic changes outpace economic growth (Łobodzińska 2016). In this context, the basic problem to be recognized is the fact that developed economies, which have recognized the demographic changes and their consequences, had time to at least partially prepare for the consequences of the aging process (eg developing the social security system, solutions that extend the employment opportunities for people over 60) (Crampton 2009), whereas less developed countries, including Poland and Latvia, are facing a situation in which demographic changes occur so quickly that they make it difficult to respond to the emerging challenges.

In the public discourse, the fact that old age constitutes an equally important phase of human life is beginning to be emphasized, and the recognition and analysis of the aging processes in all spheres of life will not only contribute to enlarging the general knowledge about man, but will also enable to prepare various spheres of social and economic life to welcome the constantly growing population of older adults. According to the data of the Central Statistical Office, the population in Poland in 2017 amounted to 38,315,463 (for comparison, in 2013 it were 38,495,659 people) (CSO. Communication on the Number..., Eurostat. Population on 1 January...), with 22,971,887 town residents and 15,343,576 inhabitants of rural areas (CSO. Local Data bank...). In the case of Latvia, the population in 2013 counted 2,021,000 people, and in 2016 it diminished to 1,963,000 (CSO. Area and population...). Since 2013 there has been negative population growth in Poland, and according to EUROSTAT data, negative population growth has been noted in Latvia since 1995¹. In 2013 in Poland it amounted to -0.5, and in 2016 - 0.7. In the case of Latvia in 1995 it was -7, and in 2016 -3,4 (CSO. Area and population...). Detailed data are presented in table 1.

¹ In public statistics population growth is determined by the difference between the number of life births and the number of deaths in a given period (CSO. Concepts used...)

Table 1

Natural growth in Poland and Latvia in the years 1995–2016

Year	Poland	Latvia
1995	1.2	-7.0
2000	0.3	-5.0
2001	0,1	-5,7
2002	-0.1	-5.4
2003	-0.4	-4.9
2004	-0,2	- 5.1
2005	-0.1	-4.9
2006	0.1	-4.6
2007	0.3	-4.1
2008	0.9	-3.0
2009	0.9	-3.7
2010	0.9	-4.9
2011	0.3	-4.7
2012	0.0	-4.5
2013	-0.5	-4.0
2014	0,0	-3.4
2015	-0.7	-3.3
2016	-0.2	-3.4

Source: CSO. *Local Data bank...*, CSO. *Area and population...*

In the present analysis, due to the different limits of old age used in literature, state documents and official statistics, it was decided to use the widest approach, considering the age of 60 as the beginning of old age. In social sciences, most frequently the division between mature and old age is done at the level of 65 or 60 (Szarota 2004). The World Health Organization (WHO) also suggests the age of 60 as the conventional limit for old age (Szarota 2004). However, many researches postulate to use the age of 55 as the beginning of old age (Trempała 2000, Bromley 1969). In the current analysis the division into third and fourth age is also important according to the division criteria adopted on the basis of psychological activity and life style (Węgrzyn 2006). The period between 60–90 years belongs to the third age and is further divided. In its first phase, from 60 to 79, people are usually active and independent. In the second part of this period of life, the rate of activity decreases. Persons in the fourth age become less psychophysically fit and most often dependent from others (Brzezińska 2011).

According to the CSO forecasts, by 2050 significant changes will occur in the size and demographic structure of the Polish population. By 2050, the population of Poland is expected to decline by nearly 4.5 million people, it was 38,369 people in 2016, and according to estimates of the Central Statistical Office, in 2050 it will amount to 33,950 people (CSO. Population Forecast...).

Table 2
Changes in the population of Poland in the period 2016–2050

	Year				
	2016	2020	2030	2040	2050
Polska	38,369,390	38,137,804	37,185,073	35,668,232	33,950,569

Source: *own study based on CSO Forecast for the Years 2014–2050...*

According to EUROSTAT forecast (Eurostat 2017), the population in Europe is declining and in 2060 it will reach 79 million in the UK, 74 million in France, 66 million in Germany, 65 million in Italy and 52 million in Spain. In Poland, the population will diminish to 32.7 million. It means that while in Spain, population is expected to increase by 13.9%, in Poland it is going down by 14.3%, and the difference in population between Poland and Spain, which in 2010 was around 8 million, will increase in 2060 to almost 20 million people.

Additionally, as a result of the aging processes in EU countries, the percentage of people in post-working age will increase significantly – from 17.4% in 2010 to 29.5% in 2060. In Poland, the number of people over 65 in the same period will increase from 13.5% to 34.5%. The deterioration of the demographic structure will be much more profound in Poland than the EU average (in 2060, the share of people over 65 will be higher than the EU average by 5 percentage points). Data published by Eurostat indicate that the structure of society in Poland will be one of the worst in Europe. Only Latvia and Romania will have more people in post-productive age than Poland – 35.7% and 34.8% respectively. The table below presents demographic forecasts for Poland and Latvia in the years 2015–2080.

Table 3

**Demographic forecasts for Poland and Latvia
in the years 2015–2080**

	Year							
	2015	2020	2030	2040	2050	2060	2070	2080
Poland	38,005	37,930	37,213	35,840	34,372	32,848	30,966	29,044
Latvia	1,986	1,911	1,743	1,598	1,506	1,426	1,342	1,284

Source: *own study based on Eurostat 2016*

Demographic forecasts constitute some scenarios that provide information on the possible future size and structure of the population. EUROSTAT’s forecasts are one of many predicted scenarios for population changes based on specific assumptions regarding fertility, mortality and net migration. However, regardless of the adopted forecasts, such drastic demographic changes must trigger huge tensions both in the health care system and in the pension system. The aging of the population causes an increase in the cost of health care, as well as the cost of payment of pension benefits, with a smaller number of people of working age, and thus able to finance these benefits.

Perceiving the aging of the population through the prism of economic consequences is related to the issue of the proportion between “producers” (working people) and “consumers”, achieving such a growth in productivity of people currently active in the labor market, which would be able to compensate for the lack of employees is, according to many analysts, not possible. This situation may lead to a weakening of the economic growth of European countries, including Poland and Latvia, and to a weakening of the socio-economic order (Börsch-Supan 2006).

Table 4

**Population forecast for Poland according to
economic age groups (in %)**

Age		2014	2015	2020	2025	2030	2035	2040	2045	2050
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
POLAND	Total	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0
	Pre-pro- duction	18.2	18.0	17.9	17.7	17.2	16.0	15.3	14.8	14.6
	Pro- duction	63.8	63.7	63.5	62.5	61.2	61.6	61.9	61.7	59.4

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
POLAND	Mobile	39.8	39.7	39.5	37.3	34.3	31.6	29.4	28.2	27.7	
	Immo- bile	23.9	24.0	24.1	25.2	26.9	29.9	32.5	33.5	31.6	
	Post- produc- tion	18.1	18.3	18.6	19.9	21.6	22,5	22.9	23.6	26.1	

Source: *own study based on CSO. Population Forecast for the Years 2014–2050...*

The forecasted demographic changes for the period 2017–2050 will cause a significant increase in the population aged 60 and over. It is estimated that it will amount to 4,410,866 people (from 9,288,921 people in 2017 to 13,699,788 people in 2050), which means that they will constitute 40% of the population of Poland.

Table 5
The increase in the number of people aged 60+ in Poland
in the years 2017–2050

Year	Five-year age groups					
	60–64	65–69	70–74	75–79	80–84	85 and more
2017	2,77,422	2,361,343	1,443,925	1,082,711	863,211	762,309
2050	2,602,299	2,875,348	2,605,358	2,079,284	1,465,684	2,071,814

Source: *own study based on CSO. Population Forecast for the Years 2014–2050...*

If we take a look at the number of people aged 65 and over, as per 100 people aged 15–64, that is in production age in Poland and Latvia, we can notice that in both countries older people constitute a key factor shaping socio-economic policy in the coming decades. The **elderly dependency rate** is unfavourable for both countries.

Table 6
Projected old-age dependency ratio

	Year							
	2015	2020	2030	2040	2050	2060	2070	2080
Poland	22.2	27.8	37.0	42.2	54.6	64.8	62.4	61.5
Latvia	29.5	32.7	43.2	51.0	59.3	65.7	54.1	51.7

Source: *own study based on Eurostat. Projected old-age dependency ratio...*

Considering these changes, it should be noted that older people are a key group involved in sustainable development, in many societies they perform important functions. At the same time, this is the part of population that is exposed the most to the consequences of environmental changes (Łobodzińska 2016).

Conclusions

By 2050, the percentage of older people will increase in every region in the world. The growing share of older people in the population of Poland and Latvia brings along a number of consequences, of which the most essential is that older people are not only participants of sustainable development, but also its co-creators. The data and forecasts presented in the article indicate that in the face of demographic changes taking place in both countries, the present economic growth does not give a sufficient opportunity to adequately prepare for the effects of aging of both societies.

Bibliography

- Börsch-Supan A. (2006) Global ageing: What is at stake? *Ageing Horizons*, No. 4, pp. 3–5.
- Bromley D.B. (1969) *Psychologia starzenia się*, PWN, Warszawa. (In Polish)
- Brzezińska M. (2011) *Proaktywna starość. Strategie radzenia sobie ze stresem w okresie późnej dorosłości*, Difin, Warszawa, pp. 18–19. (In Polish)
- Crampton A. (2009) Global aging: Emerging challenges. *The Pradee Papers*, No. 6 / August, pp. 15–16.
- CSO (2014) *Population Forecast for the Years 2014–2050*, annex, Available: <http://stat.gov.pl/obszary-tematyczne/ludnosc/prognoza-ludnosci/prognoza-ludnosci-na-lata-2014-2050-opracowana-2014-r-1,5.html> (accessed on: 20.03.2017).
- CSO. *Area and population*. Available: <http://stat.gov.pl/statystyka-miedzynarodowa/porownania-miedzynarodowe/tablice-o-krajach-wedlug-tematow/terytorium-i-ludnosci/>, (accessed on: 25.02.2018).
- CSO. *Communication on the Number of Inhabitants*. Available: <http://stat.gov.pl/dla-mediow/komunikaty-prasowe/komunikaty-i-oswiadczenia/wyjasnienie-dotyczace-liczby-mieszkanow-polski,10,1.html> (accessed on: 25.02.2018).
- CSO. *Concepts used in public statistics*. Available: http://stat.gov.pl/metainformacje/slownik-pojec/pojecia-stosowane-w-statystyce-publicznej/405_pojecie.html (accessed on: 23.03.2017).
- CSO. *Local Data Bank*. Available: <https://bdl.stat.gov.pl/BDL/dane/podgrup/tablica> (accessed on: 23.03.2017).

- Eurostat (2016) *Population projections*. Available: <http://ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&init=1&language=en&pcode=tps00002&plugin=1> (accessed on: 23.03.2017).
- Eurostat (2017) *Baseline projections: demographic balances and indicators*. Available: http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=proj_15ndbims&lang=en (accessed on: 23.03.2017).
- Eurostat. *Population on 1 January*. Available: <http://epp.eurostat.ec.europa.eu/tgm/table.do?tab=table&init=1&language=en&pcode=tps00001&plugin=1> (accessed on: 22.03.2017).
- Eurostat. *Projected old-age dependency ratio*. Available: <http://ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&init=1&language=en&pcode=tps00200&plugin=1> (accessed on: 27.02.2018).
- Łobodzińska A. (2016) Starzejące się społeczeństwo wyzwaniem dla zrównoważonego rozwoju, *Prace Geograficzne*, issue 144, pp. 127–142. (In Polish)
- Szarota Z. (2004) *Gerontologia społeczna i oświatowa. Zarys problematyki*, Wydawnictwo Naukowe Akademii Pedagogicznej, Kraków. (In Polish)
- Trempała J. (2000) *Model rozwoju psychicznego. Czas i zmiana*, Wydawnictwo Uczelniane Akademii Bydgoskiej im. Kazimierza Wielkiego, Bydgoszcz. (In Polish)
- United Nations (2009) *World Population Ageing 2009*, United Nations Department of Economic and Social Affairs/Population Division, New York.
- United Nations (2015) *World Population Prospects: The 2015 Revision*, United Nations Department of Economic and Social Affairs / Population Division. Available: https://esa.un.org/unpd/wpp/Publications/Files/WPP2015_Volume-I_Comprehensive-Tables.pdf (accessed on: 02.06.2017).
- United Nations (2017) *Revision of World Population Prospects 2017*. Available: <https://esa.un.org/unpd/wpp/Publications/pdf> (accessed on: 02.06.2017).
- Węgrzyn K. (2006) Jaka będzie polska starość? in: S. Steuden, M. Marczuk (ed.), *Starzenie się a satysfakcja z życia*, Wydawnictwo KUL, Lublin, p. 113. (In Polish)

**Старение населения как проблема устойчивого развития –
на примере польского и латвийского общества**

Резюме

Цель статьи – показать старение польского и латвийского общества в контексте проблем, связанных с процессом устойчивого развития. В работе основное внимание уделяется вопросам, связанным со старением населения в контексте отдельных показателей устойчивого развития, таких как общественное здравоохранение и демографические изменения.

Ключевые слова: старение населения, устойчивое развитие.

SOCIAL CAPITAL OF THE LUBELSKIE VOIVODESHIP. BASED ON SELECTED RESEARCH

Author analyses the role of social capital in the process of regional development of the Lubelskie Voivodeship. Social capital is one of the most important factor of social and economic sustainable development. The categories “social capital” and “network” belong to the collection of the notions characteristic for quality perspective of sociological research and they pose much more analytical problems than the economic categories. How should the term be analyzed in the context of global development of small regions? What factors of social capital and “networking” could be rediscovered for social researchers? Research conducted in the Lubelskie Voivodeship bring an interesting assumptions connected with the given questions.

Key words: social capital, networks, regional development.

Our social networks can have dramatic effects on our lives. Your chances of becoming obese, giving up smoking, being happy or depressed, or getting divorced are all influenced by how many of your close friends do these things. A good social network could even help you live longer since laughing with friends triggers the release of endorphins, which seem to “tune” the immune system, making you more resilient to disease. So what factors influence the form and function that our social networks take.

/Robin Dunbar¹

Introduction

Social capital is a popular term which is used in social sciences. In the literature of the subject there could be found many different definitions (Woolcock 2001). Many times the scientists were undertaken a difficult task which was an attempt to measure its’ level and quality (Zarycki 2004). Test results indicated the presence of an interesting socio-economic dependencies. Social capital is an endogenous growth’ factor of specific social structures. These dependencies were characteristic especially in the studies of small social structures. The quality of social capital has an

¹ Robin Dunbar about social networks: <https://socialcapital.wordpress.com/tag/mark-granovetter/>

impact on the large structures' development. The studies of social capital have developed dynamically in the United States of America and in Western Europe. The interesting example of those attempts undertaken to redefine this concept are research on social capital conducted in Poland (Betlej, Sępoch 2013). Author describes the example of the Lublin Voivodship and selected studies on social capital conducted on its' terrain. Let us start by trying to operationalize the term and to characterize the region.

The concept of social capital is not new in social sciences, though the scientific debate is relatively recent. This term seems first to have appeared in the work of Lyda J. Hanifan in 1916, who used it in the context of the characteristics of rural areas (Hanifan 1916). Researcher noticed the interesting correlations connected with the functioning of the neighborhood communities. Neighborly cooperation on villages reduced labor costs and made it easier to manufacture goods and impacts revenue.

The term social capital has got significance in the 1980s of the 20th century. Than it was the subject of numerous studies and scientific discussions. In this period the most famous to this day definitions of social capital have been operationalized. Robert D. Putnam in "Bowling Alone: America's Declining Social Capital" has provided one of the most contemporary cited definition. In his opinion "social capital are those features of social organization, such as networks (systems) units or households and the related standards and values that create externalities for the community" (Putnam 2008). Putnam studied the large communities. He emphasized the economic importance of the weak relationship at the level of the larger social structures. Putnam legitimized trust and common values of communities' members as an important features of social capital (Putnam 1995). Among the mentioned indicators of the social capital are bottom-up manifestations of people' self-organization and citizens' involvement (Putnam 2001).

James Coleman, one of the most influential social scientists of the last fifty years, studied the social capital through the prism of small social groups, where strong relationships are established. People come together in groups in order to accomplish their own purposes, create at the same time a new dimension of cooperation, a new quality of relationality (Coleman 1990). Social capital is not created by humans on purpose. It is made up of the emergence of a strong ties in small communities. Coleman called individualism "a broadly perpetrated fiction in modern

society.” “This fiction is that society consists of a set of independent individuals, each of whom acts to achieve goals that are independently arrived at, and that the functioning of the social system consists of the combination of these actions of independent individuals” (Coleman 1990).

The concept of social capital also appeared in works of Francis Fukuyama. He defined it in terms of the attribute of only stable communities in which operates a strong political and legal system. According to the author “social capital can be simply defined as a set of formal values and ethical standards common to the members of the specified group and to enable them to effective interoperability” (Fukuyama 1997). Common standards and values respected by members of the community form the basis for the emergence of social trust and healthy social relationships. According to Fukuyama the emergence of high social capital enables the reduction of transaction costs associated with entering into agreements, litigation and other formal actions in the economic sphere of life. In other areas a high level of social capital means the existence of a healthy civil society in which there are numerous groups and associations which form a bridge between the State and the family. The lack of social capital results in the formation of social polarization and can lead to a lack of or decreased on the economic development.

The concept of social capital could be also found in works of Pierre Bourdieu. He drew attention to the existence of the so-called individual social capital. The author has defined it as follows: “social capital is the set of actual and potential of different resources, which are linked to possession of a durable network of more or less institutionalised relationships supported by the mutual knowledge and recognition – or in other words, membership in the group, which provides each of its members support in the form of capital held by the collective faith of dignity, which gives them access to credit in the broadest sense of the word” (Bourdieu 1985). Bourdieu stressed the negative meaning of social capital that can become the basis for the formation of social inequalities. High social capital is a characteristic feature of the world’s poorest communities.

In numerous works dedicated to the issues of social capital authors have repeatedly pointed to the economic context of quality of the capitals held by the communities (Betlej, Błaszczak 2013). Social capital is an economic idea that refers to the connections between individuals and entities that can be economically valuable. Social networks that include people who trust and assist each other can be a powerful asset. Rela-

tionships, cooperation, attitudes, values, commitment to grass-roots initiatives, the concern for the common good, all of these elements affect the socio-economic growth. Social capital is a very important category in social sciences. It is difficult to be studied and operationalized. Along with economic capital, social capital is a valuable mechanism in economic growth. As technological advancements continue to make the world smaller and the global population more interconnected, companies rely on social capital more than ever to drive business.

The thesis statement could be put that in social sciences we still know very little about the nature and importance of social capital in practice. An extremely interesting task seems to be an attempt of measuring the level of social capital with regard to a particular socio-economic structure of the province.

The Lublin Voivodeship

The Lublin Voivodeship is a unit of local government and administrative division in eastern Poland. Is it an area of 25122.46 km². It is the third largest region in Poland (8% of the territory of the country) (About Lublin Voivodeship (1)). Lublin Voivodeship is bordered by Subcarpathian Voivodeship to the south, Świętokrzyskie Voivodeship to the south-west, Masovian Voivodeship to the west and north, Podlaskie Voivodeship along a short boundary to the north, and Belarus and Ukraine to the east. Polish-Ukrainian Frontier Province also sets the border of the European Union. Within the province there are 4 city counties, 20 counties and 213 municipalities within which is 41 cities, and rural villages of 4116.

We observe the systematic decline in the population of a few thousand per year in the Lublin Voivodeship. In the year 2016 in the province lived 2135715 people in total, including 1034911 men and 1100804 women (About Lublin Voivodeship (2)). In the cities lived 991586 persons. Rural areas were inhabited by 1144129 people. In the Lublin Voivodeship the negative natural growth rate is also observed. Lublin Voivodeship has a high endogenous potential for development: human resources, geographical location, natural resources, economic operators, universities, scientific research institutes, institutions of the business environment. Despite this fact, is considered one of the poorest provinces in Poland. This unit of local government is an interesting subject of research in the context of assessment the extent of the impact of social capital on the level of economic development.

Research on social capital in Lubelskie Voivodeship

In traditional societies, everyone in the community is related to everyone else, either as biological relatives or in-laws. In post-industrial societies this is no longer true – we live among strangers, some of whom become friends. As a result, our social circles really consist of two separate networks – family and friends – with roughly half drawn from each group.

/Robin Dunbar²

Part I

In Lublin Voivodeship there were conducted two editions of research on the intellectual capital of the Lublin Region in a large-scale, in which social capital was listed (Robin Dunbar about social networks...) (About the Research Projects...). They were financed from the European Social Fund. Their goal was an attempt to measure intellectual capital of the province and to identify the major development potentials and problem areas requiring special intervention.

The first edition of the research: “The intellectual capital of the Lublin Region: a study of the potential of the region” was made in the year 2006/2007 (About the Research Projects...). The authors of the study referred to the popular in the late 90’s of the 20th century solutions used in the world in enterprises management field. They adopted the methodological solutions of Professor Leif Edvinsson from the University of Lund in Sweden, which were implemented in the international financial Corporation of Skandia (About the Research Projects...). The research inspiration was the method of intellectual capital measuring called the Skandia Navigator.

The authors of the study were interested in the report of Y. Malhorty, where could be found the summarization of the international trends in the studies of intellectual capital of regions, as well as the potential for the development of cities and municipalities. The way of defining the intellectual capital as the capacity of the region to generate new values based on the resources was also taken from this publication. This way of conceptualization of intellectual capital of the region was very innovative then. The proposed conceptual model assumed the existence of four categories of intellectual capital of the region:

² Robin Dunbar about social networks: <https://socialcapital.wordpress.com/tag/mark-granovetter/>

1. Human Intellectual Capital;
2. Social Capital;
3. Structural Capital;
4. Relation Capital.

For each partial capitals (human, social, structural, relation) further categories and subcategories were specified. They were combinations of various indicators. The conceptual model has been subjected to statistical verification and modified. The research team of the project adopted a number of important methodological assumptions that were used in the confirmation analysis of the model (Betlej, Błaszczak 2013):

The coefficients occurring at the lowest level are aggregated to the constructs.

These constructs are subjected to further aggregation.

There is no correlation between the factors of different groups of constructs.

The model of social capital was a combination of constructs:

Awareness of the phenomenon of globalization.

The openness of the society.

A sense of belonging and commitment.

Entrepreneurship and self-employment.

The results of the first project edition pointed out to the fact that the inhabitants of the Lublin Region are rather pro-socially focused, willing to help another, feeling the strong ties with the nearby neighborhood and region:

- 44,9% benefits from the neighborhood help, 34% helped themselves in the physical work, 30% helped by providing small loans.
- 41.5% of respondents replied in the affirmative way to a question about participation in social initiatives (ever).
- Their willingness to unpaid work for neighbor's were declared on an average level of 4.3. 35% of people did not want to work for free to help others.

The inhabitants of the Lublin Region were involved in political and social activities on a very low level (Betlej, Błaszczak 2013):

- 88.8% stated not belonging to any organization, 70% were interested in running for the Parliament, 15% would like to stand as a candidate in elections to the Municipal Council.
- 20,5% of people say they have clearly defined political views.

The authors of the study pointed out two cities: Biała Podlaska and Lublin as the two counties with the highest intellectual capital of the region. A high value of the general intellectual capital was also assigned to Chełm. The analysis of the research results on the human and social capital indicators at the level of the chosen counties pointed out an interesting correlation. In many cases the level of human intellectual capital and social capital interacted with one in the opposite manner- the higher the indicators of social capital, the lower the human intellectual capital. A high level of social capital has been found by the authors of the survey as a “negative growth” capital, distinctive for poor rural areas. Lublin Voivodeship was recognized even as the “autistic” region with a very low potential for development.

Part II

More than 60 per cent of our social time is devoted to our five closest friends, with decreasing amounts given over to those in the layers beyond, until at the edge of the 150 layer are people we perhaps see once a year or at weddings and funerals. Nevertheless, the outer reaches of our social networks have a positive role to play. The sociologist Mark Granovetter at Stanford University in California has argued that these weak links in our social networks are especially useful in the modern world. It is through this widespread network of contacts that we find out about job vacancies and other economic or social opportunities. More importantly, perhaps, 70 per cent of us meet our romantic partners through these contacts.

/Robin Dunbar³

In the second edition of the project (2010–2013) the test method and the questions in the questionnaire were expanded for a few important issues (Betlej, Sępoch 2013). The results of the study indicated the occurrence of the regional capacity growth. There were reached much more higher rates of social capital. The authors’ attention were paid to the study results which indicated that the social capital model consisted of the 4 factors:

1. Tolerance;
2. Activity;

³ Robin Dunbar about social networks: <https://socialcapital.wordpress.com/tag/mark-granovetter/>

3. The percentage of persons engaged in artistic activities;
4. The proportion of working age self-employed inhabitants.

The tolerance was the most strongly determined by:

- answer to the question: can a person of another race/religion become a member of my family?
- answer to the question: can a person of another race/religion live in the same house?
- answer to the question: can a person of another race/religion live on the same street?

The activity consisted of two subcategories (Betlej, Sępoch 2013):

- electoral activity,
- social activity.

Social activities were mostly determined by:

- willingness to work together,
- social initiative.

The results of the II edition of the survey confirmed the idea of increasing social capital of residents in those development areas (Betlej, Błaszczak 2013):

- 15% of the respondents in the tax return document wrote a public benefit organization to be given the 1% of tax refund.
- 10,5% of people were involved in activities for the local community's benefits.
- 29,4% did not work for public benefit organization.
- 63,1% of people with higher education work for public benefit organizations.
- Most of the people had a positive attitude to democracy. 49% of the villagers believed that democracy is rather a good form of government.
- 37,8% of respondents participated in the elections to the National Parliament, 37,1% in the elections for local authorities.

There were seen the increase of social activity of the inhabitants of the Lublin Region in relation to the first studies' edition. Social activity, the development of civil society are the thematic areas, which in particular should be taken into account by the policy makers responsible for targeting the most proper development path for the Lublin Voivodeship. An interesting indicator was the level of the trust. In the first edition of the studies this factor had not been included, therefore they could not be compared.

The residents of the Lublin Region trusted the close family, further family, friends and acquaintances. The trustworthily were Parliament (20.5%), the European Institutions (24.7%), the authorities of the State (28.7%).

The starting point for the exploration of a new dependencies was the discovery of an unusual outcome in the first edition of the study: one of the indicators that have been incorporated into the conceptual model of social capital (the percentage of self-employed) had a negative weight (Betlej, Sępoch 2013). It meant a negative correlation with social capital. This result could mean that the higher the derived indicator, the lower levels of social capital is reached. The authors missed this interesting searching path and stayed by the assumption of separation of the indicators of the intellectual capital model.

On the results basis there have been created the ranking of Lublin province' districts in respect of each type of capitals' values. The results have spurred researchers on interesting correlations between the level of intellectual capital and social capital. The higher the social capital of the County, the lower its individual human capital level. A high rate of social capital was characteristic for poorer counties, with less development potential, inhabited by less-educated residents. The well-developing districts, inhabited by educated people achieved lowest levels of social capital.

Conclusions

As group size increases so too does the number of relationships that need servicing. Social effort is not spread evenly. Individuals put most effort into their closest relationships to ensure that these friends will help out when they need them. At the same time they maintain the coherence of the group. As a result, social networks resemble a nested hierarchy with two or three best friends linked into larger groupings of more casual friends, and weaker relationships bonding the entire group. This hierarchy typically has a scaling ratio of three – each layer of decreasing intimacy is three times larger than the one before it...

/Robin Dunbar/⁴

What are these results? How can we interpret the obtained data? The picture of the Lublin Region emerging from a number of studies is

⁴ Robin Dunbar about social networks: <https://socialcapital.wordpress.com/tag/mark-granovetter/>

often negative, therefore we have been expected that the capital' levels of the individual districts will be very low. The situation is different. We have obtained a rather average values by comparing the Lubelskie Voivodeship with other polish regions and of course taking into account the specificities of the region: the ratio of rural areas to urban areas, available infrastructure, etc.

What should become a subject of a special scientific attention accordingly to the data' evaluation? The studies covered a very large and representative sample of the population therefore we can even use the phrase "inhabitants of the Lublin region" instead of the traditional "respondents". The responses given by the inhabitants of the Lublin Region revealed an interesting picture of the Voivodeship:

- as an area differentiated internally in terms of the achieved level of development and its dynamics,
- as an area divided into counties with a clear trend of growth and stagnation in the different fields of social activities.

However, taking into account the specificities of the Lublin Region and the theoretical knowledge can areas with the highest indicators of social capital be called the geographical areas of growth?

An attempt to answer the question why these areas of the Lublin Region are characterized by the lowest indicators of social capital should be considered. What actions should be taken by the local authorities to counteract the potential negative effects of inhibition of socio-economic development?

For the analysis of the obtained data, we may use a variety of theories, however, let us apply a kind of a different approach. Let us go with the analysis of statistical data and try to "pick out the theory". The research results show that the level of social capital does not increase in a special way, as it might seem, in these geographical areas which are inhabited by people with a university degree, with higher income, a high position in society (e.g. Lublin has a high level of individual human capital, while the low social capital level), professionally active.

Social capital is treated very often as a factor that should facilitate interoperability, which is formed as a direct result of social interaction, the good for networking and cooperation (Coleman 1990). A very important indicator of social capital is the level of trust, norms and values, emerging in the process of structuration (Putnam 2001; Fukuyama 1997). Using the indicator of social capital we can measure the ability of people to

cooperate in groups, to perpetuate the communality based on the system of social ties and interaction. A high level of social capital should be connected with the potential possibilities of obtaining certain economic profits (social trust assets held by the group can be translated into productivity growth of other capital-physical, material, etc.). By analyzing the ranking of the counties we see that social capital “occurs”, or is characteristic for the poorest areas, less developing counties, etc. How can we explain this situation? The national research results on social capital (e.g. M. Adamczyk) indicate that Poland is characterized by high levels of bonding capital, while the low rate of bridging one. Bonding and bridging represent two forms of social capital. Bonding social capital is social capital that arises from the connections formed by homogeneous groups, such as employees within a single company or enthusiasts of a specific hobby. Bridging social capital, by contrast, results when members of different groups forge connections to share ideas and information. Even the areas that had the big structural potential: high level of infrastructure for development, institutional support, a large percentage of the non-governmental organisations, activation programs-have low rates of bridging capital.

The situation of the Lublin Region, as we can see, does not differ significantly from the results of the national tests. These areas, which are characterized by high levels of individual human capital- achieve higher results of social capital. Social structure, or the demographic structure of the region (which should initiate the formation of networks), the level of education, incomes, middle class-does not imply growth of social capital, in some cases, we observe even an opposite trend.

How to interpret the results? The progressive individualization of society, changes in the sphere of values, the promotion of consumerism as a preferred way of life, are not conducive to the development of social capital. People occupying high social positions take rather a strategy for self-made-men, rather than willingness to cooperate for the common good (Baumann 1996). Social capital can be a factor for social exclusion reproduction (Bourdieu 1985).

Social capital should not always be connected with the positive features. People occupying high positions in the social structure may want to cooperate for specific purposes but this strategy is not necessary for them. Representatives of the poorer classes to survive need to choose the strategy of cooperation-therefore, neighbourhood ties, or in general strong ties

will have a greater impact on the poorest areas. Poorer people, who occupy the lower positions in the social structure without an effort (an effort of cooperation, teamwork) will not be able to overcome structural difficulties. Research results show that without a doubt the Lublin Region occurs a high level of bonding capital: we trust the closest friends and we maintain strong ties with family, etc. We also observe the dependencies between individual human capital and social capital—they are inversely correlated: the higher the first of them, the lower the level of the second and vice versa.

Bibliography

- About Lublin Voivodeship (1). Available: <http://lublin.stat.gov.pl/dane-województwie/województwo-895/> (accessed on: 20.02.2018).
- About Lublin Voivodeship (2). Available: <http://www.lubelskie.pl/> (accessed on: 20.02.2018).
- About the Research Projects. Available: <http://kil.lubelskie.pl/> (accessed on: 20.02.2018).
- About the research. Available: http://kil.lubelskie.pl/?page_id=1238 (accessed on: 20.02.2018).
- Bauman Z. (1996) *Etyka Ponowoczesna*, Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa. (In Polish)
- Betlej A., Błaszczak D. (2013) *Analiza lokalnych obszarów wzrostu i stagnacji w regionie lubelskim*, Lublin. (In Polish)
- Betlej A., Sępoł A. (2013) Analiza konfirmacji będącej próbą porównania sytuacji regionu w zakresie kapitału intelektualnego w stosunku do wcześniejszych zrealizowanych badań empirycznych przeprowadzonych przez UMCS w latach 2006–2007, w ramach *Projektu systemowego Kapitał Intelektualny Lubelszczyzny w latach 2010–2013*, Lublin. (In Polish)
- Bourdieu P. (1985) *The Forms of Capital*, w John G. Richardson (red.), *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*, Greenwood, New York.
- Coleman J. S. (1990) *Foundations of Social Theory*, Harvard University Press, Cambridge.
- Fukuyama F. (1997) *Zaufanie. Kapitał społeczny a droga do dobrobytu*, tłum. Anna i Leszek Śliwa, PWN, Warszawa-Wrocław. (In Polish)
- Hanifan L. J. (1916) *The Rural School Community Center*, <http://www.jstor.org/stable/1013498> (accessed on: 20.02.2018).
- Putnam R. (2008) *Samotna gra w kregle. Upadek i odrodzenie wspólnot lokalnych w Stanach Zjednoczonych*, Warszawa, p. 21. (In Polish)
- Putnam R., (1995) *Demokracja w działaniu. Tradycje obywatelskie we współczesnych Włoszech*, Warszawa – Kraków, p. 69. (In Polish)

- Putnam R. (2001) *Social Capital: Measurement and Consequences*, [in:] Canadian Journal of Policy Research, <http://www.oecd.org/dataoecd/25/6/1825848.pdf> (accessed on: 20.02.2018).
- Robin Dunbar about social networks. Available: <https://socialcapital.wordpress.com/tag/mark-granovetter/> (accessed on: 20.02.2018).
- Woolcock M. (2001) The place of social capital in understanding social and economic outcomes, Canadian. *Journal of Policy Research*, t. 2, nr 1, pp. 11–17.
- Zarycki T. (2004) Kapitał społeczny a trzy polskie drogi do nowoczesności. *Kultura i Społeczeństwo*, t. 48, nr 2, pp. 45–65. (In Polish)

**Социальный капитал Люблинского воеводства.
На основе отдельных исследований**

Резюме

Автор анализирует роль социального капитала в процессе регионального развития Люблинского воеводства. Социальный капитал является одним из важнейших факторов социально-экономического устойчивого развития. Категории «социальный капитал» и «сеть» относятся к совокупности понятий, характерных для качественной перспективы социологических исследований, и они представляют собой гораздо более аналитические проблемы, чем экономические категории. Как следует анализировать этот термин в контексте глобального развития малых регионов? Какие факторы социального капитала и «сетей» могут быть вновь открыты для социальных исследователей? Исследования, проведенные в Люблинском воеводстве, дают интересные предположения, связанные с заданными вопросами.

Ключевые слова: социальный капитал, сети, региональное развитие.

Dorota Kurek (Poland)

THE CAUSES AND CONSEQUENCES OF POLES' LABOR MIGRATION – SELECTED ASPECTS

Taking into consideration the scale and changes of the quantitative and directional aspects of migration, the purpose of this study is to present the main causes and effects of the labor migration of Poles. In the article the author explains the notion of migration and labor migration, pointing out the complexity of migration processes and their variability in time. Referring to the available research results, the author presents the scale of Polish labor migration in the years 2003–2017, at the same time creating a profile of a migrating Pole and describing the main directions of labor migration. Further in the article the causes for Polish labor migration are shown, including migration barriers. Subsequently the study has made it possible to identify also the consequences of migration, both positive and negative for the state, regional development, organizations and families.

Key words: labor migration, unemployment rate, labor market.

Introduction

In the globalised world migration is a natural process. Open borders make people look for better, more attractive life and work conditions. However, excessive migration generates various problems, with which some countries have been struggling for many years. Upon Poland's accession to the European Union and opening of the European labor market, the problem of labor migration has become the subject of various discussions and analyses of Polish economists, sociologists and psychologists since migration combines psychological, cultural, economic, demographic, legal and political aspects through the prism of which both the causes and effects of labor migration can be identified.

Labor migration – the core of the phenomenon

Globalization and the resulting openness of national economies has caused the increase in labor migration. The term “labor migration” itself is not unequivocally understood which results in many problems especially in conducting studies on the subject.

From an etymological point of view the term *migration* derives from the Latin word *migratio*, which means wandering, resettling (The Dictionary

of...). Currently the term *migration* is defined as “mass movement of people, usually in order to find better living conditions” (PWN...) or as “mass wandering, moving of people within one country or between countries in order to change place of residence permanently or temporarily, caused by political, ethnical, religious or economic reasons” (Dunaj 1996). Taking into consideration the above mentioned definitions and applying the criterion of the area of migration, internal and international migration can be distinguished. Internal migration refers to crossing the border of an administrative unit, e.g. a voivodeship in order to settle permanently or temporarily in another unit on the territory of the country. International migration in turn involves crossing the state border and a relatively permanent change of the place of residence. Within internal migration intra-regional and interregional migration can be identified. In respect of the direction of internal migration one can observe: migration from rural to urban areas, from urban to rural areas, from cities to cities and from villages to villages. Analysing international migration, the following phenomena can be distinguished: emigration, immigration, remigration, repatriation and expatriation.

The phenomenon of migration can also be analysed with regard to the criteria of time and motive. As far as motives are concerned, the following types of migration can be listed: economic, educational, political, religious, settlement, ethnic as well as migration connected with personal reasons (e.g. medical treatment). A specific type of migration is labor migration. The term is defined for example as: “voluntary leaving of one’s home country in order to undertake paid employment” (Kryńska 2001), “mobility of labor resources or employee movements” (Sulima 2005), or as “spatial movement of professionally active people with the aim of improving the conditions of their own life and the lives of their families” (Skoczylas 1997).

The most problematic criterion used for analysing migration, including labor migration, is time. The following types of migration can be distinguished: permanent, temporary (periodic or seasonal) and circular (daily movement to and from work). However, many authors, such as A. Giddens (Giddens 2007), O. Puryginaor, G. Sardak (Purygina, Sardak 2007), when defining migration, do not take into account whether the discussed change in place of residence is permanent or temporary, while M. Okólski, for example, talks about “a relatively permanent change of the place of residence” (Okólski 2004). Nevertheless, in case of migration time plays a significant role, especially in the process of measuring the

phenomenon. Very often estimates produced by various institutions can only be treated as approximate calculations. Different systems of recording migration flows functioning in various countries use different periods of stay as the criterion to recognise somebody as an immigrant, while different accessibility of migration data makes it very difficult to demonstrate the real scale of the phenomenon. In many cases research results do not take into account people who have emigrated permanently, have dual citizenship or people who have changed their country of residence for example due to better access to social benefits.

The scale and directions of Polish labor migration

Analysing the history of Poland one can notice that labor migration is permanently inscribed in the character of the Polish labor market, which is illustrated by the data of the Central Statistical Office of Poland presented in figure 1. In recent years the migration boom resulted from Poland's accession to the European Union. It has changed the conditions Polish workers have to meet to access labor markets of specific EU member states and European Economic Area countries. The biggest emigration wave was observed in the years 2004–2007, while the number of people emigrating from Poland permanently nearly doubled between the years 2005–2006. In the year 2005 1.45 million Poles stayed outside Poland, in 2006 almost 2 million, and in 2007 – 2.3 million (about 6.6% of the population) (GUS 2015).

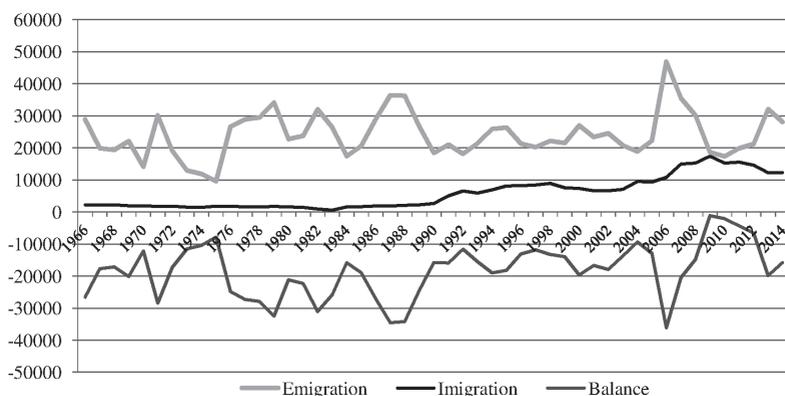

Figure 1. Emigration and immigration in the years 1966–2014

Source: GUS 2015

According to the results of research conducted by CBOS¹ in the year 2006, 31% of the Poles surveyed declared that somebody from their immediate circle had left abroad looking for a job (CBOS 2006). The falling tendency of the migration flow started in 2008 mostly as a consequence of the financial and economic crisis, leading to the decline in the number of jobs. After 2008 those who came back to Poland were mainly middle-aged people with basic vocational education. Younger emigrants with higher education show a lower tendency to come back to their home country.

The analysis of the available data from the last three years shows that in the year 2015 2 098 000 Poles stayed in Europe (in total around 2 397 000 outside Poland) while in 2016 1.5 thousand Poles more came back home than emigrated (GUS 2016). At the beginning of 2017 almost 2.5 million Poles stayed outside Poland and another 2.4 million were considering going abroad. The biggest number of Polish citizens, over 646 000 are currently working in Great Britain, in 2017 the country still being one of the most popular destinations of Polish migration (19% – increase by 5,5% as compared to 2016), followed by Germany (15% – decline by 2%), the Netherlands (12% – increase by 11%), Norway (9%), Sweden (4%) and Ireland (3%). The people declaring the intention to go abroad are mostly young, between 18 and 24 years old (40%), living in villages or towns up to 100 000 inhabitants (60%), coming from the north of Poland (23%), with primary or secondary education (84%) (Work Service 2017).

Causes for Polish labor migration – selected aspects

According to J. Nakoneczna “the decision to migrate is the result of push factors in the person’s place of origin and pull factors in the potential place of residence as well as obstacles the emigrant has to overcome in order to get to their destination” (Nakoneczna 2007). Analysing the causes for Polish labor migration one should primarily examine the situation on the labor market and the financial status of Polish citizens. One of the indicators used to assess the situation on the labor market is the registered unemployment rate. Analysing the unemployment rate since 2003 (one year before Poland’s accession to the EU) one can observe a stable downward trend of registered unemployment rate between the

¹ Public Opinion Reserch Center (in Polish – Centrum Badania Opinii Społecznej).

year 2003 and 2008. At the end of 2003 3175.7 thousand people were registered at employment offices and the unemployment rate amounted to 20% while in 2008 the unemployment rate reached 9.5% (decline by 11.5%). Since then unemployment was rising steadily reaching 13.4% in the year 2013. After that year a decline in the rate was observed and the trend has continued up to the present day (fig. 2). At the end of May 2017 the number of the unemployed reached 1202.1 thousand, which was lower than a year earlier in all voivodeships and amounted to, for example, 4.4% in Malopolskie voivodeship and 12.7% in Kujawy-Pomeranian voivodeship.

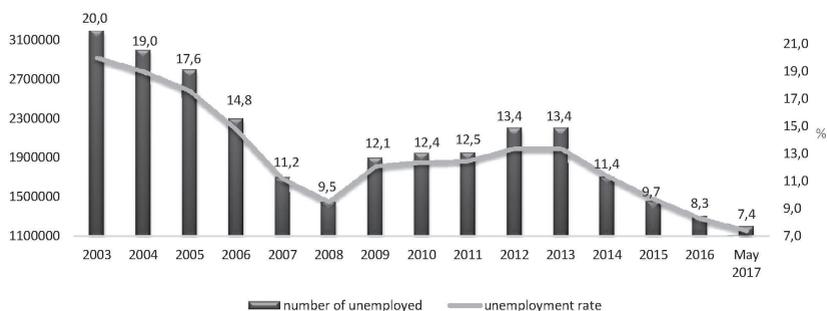

Figure 2. The number of the registered unemployed and the unemployment rate in the years 2003–2017 (at the end of the reporting period)

Source: MRPiPS 2017

Considering the significant regional differentiation of unemployment, it comes as no surprise that consequences of unemployment are more visible in the voivodeships where a high percentage of the jobless has been reported for many years. Negative results of unemployment affect not only the unemployed, but also their families as well as the whole economy. High unemployment rate has caused impoverishment of parts of the society and lowering of living standards in many households. According to the data collected by the Central Statistical Office of Poland in 2005 in households with at least one jobless person, the extreme poverty rate was about 27%. In the year 2016 5% of Poles lived in extreme poverty (7% in 2015) and less than 14% in relative poverty (16% in 2015) (GUS 2017). Undeniably, the situation of Polish families after Poland’s accession to the EU was one of the leading causes of the migration

boom. It has been proved by a research conducted by Work Service which has showed that for many years the main motives for labor migration have been mainly the possibility of obtaining a higher salary than in Poland (70%) and a better standard of living abroad (40%) (Work Service 2017). Worth mentioning is also the data collected by Eurostat, according to which among the 22 countries covered by the survey (where the minimum wage had been introduced) Poland ranks 14 with monthly gross salary of €453. In the countries where Poles seek employment the minimum salary is at least twice as high (Eurostat 2017). Pole's belief that it is possible to find a better paid job abroad comes not only from reports presented by domestic and foreign research institutes, but primarily from the information provided by people who have already left Poland in search of employment. However, in some cases the accounts do not mention the problems of the purchasing power of money which lower significantly the potential financial benefits drawn from labor migration.

As far as the remaining reasons for labor migration are concerned, it is worth emphasizing that the order of priority of these factors has changed in the last 4 years. At present Poles mention primarily: chance to travel and see the world (33% – increase by 10% compared to 2014), more prospects for professional development (31% – increase by 5%), better social conditions (20% – increase by 2%), lack of suitable jobs in Poland (28% – increase by 3%), more favourable tax system (26% – increase by 15%), more friendly administration (21% – increase by 12%) and more favourable geopolitical location (15% – increase by 11%) (Work Service 2017).

Analysing the reasons for labor migration one should also discuss factors which decrease the motivation for going abroad, such as: attachment to family and friends (72%), attractive job at home (35%), the language barrier (20%) and differences concerning culture and mentality (12%). Among the remaining factors important is also the lack of financial means necessary to travel abroad, which was mentioned by 1 in 10 respondents. It is worth noting that year by year the language barrier of Poles is diminishing (decrease by 9%) and people are becoming more and more optimistic about their qualifications (increase by 5%) as well as financial means necessary to go abroad (increase by 2%). Differences concerning culture and mentality remain an important disincentive with growing attachment to family and friends as well as better prospects for attractive employment in Poland (Work Service 2014, 2017).

Factors which could also influence the emerging migration barriers are the changes that have occurred in Poland for the last 14 years, such as: increase in gross minimum wage from PLN 824 in 2004 to PLN 2000 in 2017; introduction of the minimum hourly rate for work on the basis of mandate contracts and service contracts (PLN 13); introduction of the governmental programme “Family 500+” aimed at families with children; lowering of the retirement age for women (60 years) and men (65 years); increase in employment in Polish companies; and high satisfaction with work declared by 84% of Polish citizens (ADP 2017).

Nevertheless, it is still difficult to measure the exact influence of particular changes on the decisions of Polish nationals since in many cases the impact is not direct but indirect.

Effects of Polish labor migration – selected aspects

In many publications concerning the consequences of the Polish labor migration the authors point mainly to demographic, economic (including the influence of migration on the situation on the labor market) and socio-cultural effects as well as its regional and local impact. In this article the author presents subjective division into positive and negative effects since in many cases, applying the most popular classification it is difficult to make a clear distinction.

Among the positive results of Polish labor migration are:

- increase in money transfers to Poland resulting in the growth in consumption – according to the data collected by the National Bank of Poland “Polish migrant workers transferred PLN 4.2 billion to Poland in the fourth quarter of the year 2016, PLN 100 million more than in Q4 2015. Long-term migrants transferred PLN 100 million less in Q4 of last year, but transfers from short-term migrants increased by PLN 200 million” (NBP 2017);
- Poles returning from abroad bring home not only experience and command of foreign languages but also contacts and investment capital (transfer of knowledge and skills);
- improvement of the quality of life in the country of origin;
- increase in the sense of social safety of the migrants and their families;
- increased demand for agencies finding jobs abroad;
- development of international transport services;
- intensification of bilateral trade.

- Negative results, in turn, may include:
- shortage of medical staff in Poland, including aging of the medical staff;
 - outflow of attractive employees (outflow of valuable human capital) resulting in staff shortage in businesses connected with construction and industry, gastronomy, transport and services;
 - down-skilling – taking jobs abroad below one's qualifications;
 - fraudulent employment agencies;
 - distortion of age structure, mainly in rural areas, where faster aging of the population can be observed, resulting from international migration of young people; depopulation;
 - slowdown in local economic activity (outflow of the most resourceful inhabitants);
 - decline in birth rate caused by migration of young people;
 - the crisis of the family as an institution, euro-orphanhood and behaviour issues of the new generation;
 - imbalance on the local labor market (decrease in the employment rate).

Listing advantages and disadvantages of Polish labor migration it is often difficult to identify the exact role of particular phenomena due to the lack of systematic research on the subject. Most problematic to assess are, however, social consequences of migration, especially with regard to temporary migrations.

Conclusions

In conclusion, labor migration has both beneficial and unfavourable influence on the countries where people emigrate, as well as on the states that their citizens leave. Because of the scale of the phenomenon in Poland in recent years, the problem of labor migration has been subject to constant analysis by the state, public institutions and private organizations (including employment agencies). The obtained results of research concerning the scale, causes and effects of migration should lead to creating a relevant migration policy at the same time serving as a stimulus to introduce in Poland changes relating to issues such as employment policy, educational systems or social policy. Consequences of labor migration can be analysed at macro-scale – at the level of the country – however, it is the effects at micro-scale that seem most crucial for migrants. The most affected by

labor migration are the migrants themselves and their families. They are the first to calculate their profits and losses. As long as benefits exceed costs, labor migration will continue to take place.

Bibliography

- ADP (2017) *The Workforce View in Europe 2017*. Available: <https://www.adp.pl/assets/vfs/Account-109205/other/the-workforce-view-pl/workforce-pdf.pdf> (accessed on 03.10.2017). (in Polish)
- CBOS (2006) *Praca Polaków w krajach Unii Europejskiej. Raport listopad 2006, Komunikat z badań*. Available: http://www.cbos.pl/SPISKOM.POL/2006/K_175_06.PDF (accessed on: 11.10.2017). (In Polish)
- Dunaj B. (1996) *Słownik współczesnego języka polskiego*, Warszawa: WILGA. p. 521. (In Polish)
- Eurostat (2017) *Monthly minimum wages below €500 in east and well above €1000 in northwest*. Available: <http://ec.europa.eu/eurostat> (accessed on 02.10.2017).
- Giddens A. (2007) *Socjologia*, Warszawa: PWN. p. 302. (In Polish)
- GUS (2015) *Główne kierunki emigracji i imigracji w latach 1966-2014* (migracje na pobyt stały). Available: <http://stat.gov.pl/obszary-tematyczne/ludnosc/migracje-zagraniczne-ludnosc/glowne-kierunki-emigracji-i-imigracji-w-latach-1966-2014-migracje-na-pobyt-staly,4,1.html> (accessed on 10.10.2017). (In Polish)
- GUS (2016) *Informacja o rozmiarach i kierunkach czasowej emigracji z Polski w latach 2004–2015*. Available: <http://stat.gov.pl/obszary-tematyczne/ludnosc/migracje-zagraniczne-ludnosc/informacja-o-rozmiarach-i-kierunkach-emigracji-z-polski-w-latach-20042015,2,9.html> (accessed on 10.10.2017). (In Polish)
- GUS (2017) *Zasięg ubóstwa ekonomicznego w Polsce w 2016 r.* Available: <http://stat.gov.pl/obszary-tematyczne/warunki-zycia/ubostwo-pomoc-spoeczna/podstawowe-dane-dotyczace-zasiegu-ubostwa-w-polsce-w-2016-r-,19,1.html> (accessed on 06.10.2017). (In Polish)
- Kryńska E. (2001) *Dylematy polskiego rynku pracy*, Warszawa: IPiSS. p. 141. (In Polish)
- MRPiPS (2017) *Bezrobocie rejestrowane w Polsce. Raport miesięczny – maj 2017 r.* Available: <https://www.mpips.gov.pl/analizy-i-raporty/bezrobocie-rejestrowane-w-polsce/rok-2017/> (accessed on 16.08.2017). (In Polish)
- Nakonieczna J. (2007) *Migracje międzynarodowe a rozwój państwa*, Warszawa: UW. p. 44. (In Polish)
- NBP (2017) *Bilans płatniczy Rzeczypospolitej Polskiej za IV kwartał 2016 r.* Available: http://www.nbp.pl/Publikacje/Bilans_platniczy/bilans_platniczy_2016_4.pdf (accessed on 03.10.2017). (In Polish)

- Okólski M. (2004) *Demografia. Podstawowe pojęcia, procesy i teorie w encyklopedycznym zarysie*, Warszawa: Wydawnictwo Naukowe Scholar. p. 82. (In Polish)
- Purygina O.G., Sardak S.E. (2007) *Miżnarodna migracja*, Kijów: Wydawnictwo Akademia. p. 23. (In Ukrainian)
- PWN Dictionary of the Polish Language, Available: <https://sjp.pwn.pl/szukaj/migracja.html> (accessed on 18.09.2017). (In Polish)
- Skoczylas M. (1997) Współczesne migracje zarobkowe. In: Zamojski J.E. (red.) *Migracje i Społeczeństwo. Zbiór studiów 2*, Warszawa: Instytut Historii PAN. p. 23. (In Polish)
- Sulima E. (2005) Uwarunkowania zewnętrzne migracji zarobkowych na przykładzie Polski. *Studia Ekonomiczne*. Nr 4 (28). Białystok: Uniwersytet w Białymstoku. pp. 89–104. (In Polish)
- The Dictionary of Words and Phrases of Foreign Origin by Władysław Kopaliński*. Available: <http://www.slownik-online.pl/kopalinski/BD3FCDA30CA816CDC12565DB004A4CDA.php> (accessed on: 10.10.2017). (In Polish)
- Work Service (2017) *Labour migration of Poles IV*. Available: www.workservice.pl (accessed on 08.10.2017).

Poļu ekonomiskās migrācijas cēloņi un sekas – izvēlētie aspekti

Kopsavilkums

Ņemot vērā migrācijas virzienu un plūsmas mēroga aspektu, galvenais raksta mērķis ir vērst uzmanību uz galvenajām poļu ekonomiskās migrācijas cēloņiem un sekām. Šajā rakstā autore izskaidro migrācijas un ekonomiskās migrācijas jēdzienu, norādot uz migrācijas procesu sarežģītību un to mainīgumu laika gaitā. Atsaucoties uz pieejamo pētījumu rezultātiem, autore iepazīstina ar poļu ekonomiskās migrācijas mērogu laikā no 2004–2017 gadam, tostarp, norāda uz migrējošo poļu profilu un galvenajiem ekonomiskās migrācijas virzieniem. Tālāk rakstā izklāstīti poļu ekonomiskās migrācijas cēloņi, tai skaitā migrācijas šķēršļi. Tā rezultātā veiktie pētījumi parādīja gan pozitīvās, gan negatīvas migrācijas sekas, attiecībā uz valsti, reģionālo attīstību, organizācijām un ģimeni.

Atslēgas vārdi: ekonomiskā migrācija, bezdarba līmenis, darba tirgus.

Ivans Jānis Mihailovs, Aira Aija Krūmiņa (Latvija)

OTRGADNIECĪBA LATVIJAS PAMATIZGLĪTĪBAS IESTĀDĒS: SITUĀCIJA UN RISINĀJUMU MEKLĒJUMI

Otrgadniecība ir viena no aktuālākām problēmām izglītībā vairākās valstīs, tomēr Latvijas Republikā otrgadniecības pētījumi līdz šim faktiski nenotika.

Rakstā ir atspoguļoti 2016. gadā veiktā apkopojošā otrgadniecības pētījuma rezultāti, aptverot 70 Latvijas izglītības iestādes, kuras īsteno pamatizglītības programmas. Pētījuma mērķis – apzināt otrgadniecības stāvokli, cēloņus un sekas vispārējā pamatizglītībā Latvijā un izstrādāt priekšlikumus otrgadniecības samazināšanai.

Pētījuma metodes – anketēšana un intervijas ar izglītības iestāžu direktoriem un citām atbildīgām personām (izglītības iestāžu direktora vietnieki, atbalsta personāls – sociālie pedagogi, logopēdi u.c.), kuras ikdienā strādā ar otrgadniekiem.

Ievērojot pētījuma specifiku un visaptverošo raksturu, šajā rakstā ir atspoguļoti tikai atsevišķi būtiski otrgadniecības problēmjautājumi, īpašu uzmanību pievēršot otrgadnieku skaitam, otrgadniecības iemesliem un izglītības iestāžu rīcībai otrgadniecības novēršanā, ļaujot iegūt vispārēju priekšstatu par esošo situāciju un tās risinājumiem.

Atslēgas vārdi: otrgadniecība, vispārējās izglītības iestādes, pamatizglītība, otrgadniecības iemesli, otrgadniecības novēršana.

Ievads

Otrgadniecība ir aktuālā problēma ikvienas valsts izglītības sistēmā (Mācību gada atkārtošana obligātās izglītības posmā Eiropā: normatīvais regulējums un statistika), tomēr Latvijas Republikā līdz 2016. gadam nebija veikti apkopojoši pētījumi, aptverot visu valsts teritoriju, analizējot otrgadniecības iemeslus, apzinot esošo situāciju pamatizglītībā un izglītības iestāžu īstenotās pieejas otrgadniecības novēršanā, kā arī piedāvājot iespējamus risinājumus gan normatīvā regulējumā līmenī, gan izglītības iestāžu darbības prakses pilnveides līmenī.

Rakstā aplūkots pētījums tika veikts 2016. gadā 70 Latvijas izglītības iestādes, kuras īsteno pamatizglītības programmas (t.i., apt. 10% no visām šāda tipa izglītības iestādēm), aptverot visus Latvijas reģionus un izglītības iestāžu tipus. Pētījuma mērķis bija apzināt otrgadniecības stāvokli, cēloņus un sekas vispārējā pamatizglītībā Latvijā un izstrādāt priekšlikumus otrgadniecības samazināšanai.

Pētījuma metodes – anketēšana un intervijas ar izglītības iestāžu direktoriem un citām atbildīgām personām (izglītības iestāžu direktora vietnieki, atbalsta personāls – sociālie pedagogi, logopēdi u.c.), kuras ikdienā strādā ar otrgadniekiem.

Ievērojot pētījuma specifiku un aptverošo raksturu, šajā rakstā ir atspoguļoti tikai atsevišķi būtiski otrgadniecības problēmjaudājumi, īpašu uzmanību pievēršot otrgadnieku skaitam, otrgadniecības iemesliem un izglītības iestāžu rīcībai otrgadniecības novēršanai, ļaujot iegūt vispārējo priekšstatu par esošo situāciju un tās risinājumiem.

Otrgadnieku skaits

Uzsākot pētījumu, tika konstatēts, ka līdz šim plašākais apkopojums par otrgadniecību Latvijā ir 2012. gadā sagatavotais informatīvais ziņojums (Informatīvais ziņojums “Par situāciju skolēnu sekmībā vispārējā izglītībā”), kurā cita starpā konstatēts, ka:

- valstī vispārējā vidējā izglītībā ik gadu uz otro vai pat trešo reizi tajā pašā klasē paliek 2–2,5% izglītojamo;
- vidēji otrgadnieku skaits nav būtiski mainījies jau vairākus gadus;
- vislielākais otrgadnieku skaits ir bijis 1. klasē un 9. klasē;
- otrgadnieku – zēnu (65%) ir ievērojami vairāk nekā meiteņu (35%).

Savukārt, ja salīdzina šos datus ar citu – iepriekš, 2008. gadā, publicētu ziņojumu (Informatīvais ziņojums par pasākumiem, lai samazinātu skolēnu ar zemiem mācību sasniegumiem daudzumu vispārējā izglītībā), jākonstatē, ka, piemēram, 2006./2007. mācību gadā vispārējā izglītībā dienas skolās vidēji ir bijis 3,5% otrgadnieku, t.sk.: 1. klasē – 5%, 9. klasē – 3,8%, bet 7. klasē pat 5,5% izglītojamo, kuri pamatizglītības programmu apguvuši otro vai trešo gadu.

Tomēr 2016. gadā situācijā bija atšķirīga, jo saskaņā ar spēkā esošo tiesisko regulējumu izglītojamo vispārējās pamatizglītības programmā 1.–8. klasē ir tiesības atstāt uz otru mācību gadu tajā pašā klasē tikai vienu reizi (t.i., trešgadniecība vairs nav pieļaujama, tomēr tā joprojām tika konstatēta pētījuma laikā), savukārt izglītojamam, kurš par vispārējās pamatizglītības programmas apguvi ir saņēmis liecību, ir tiesības mācīties 9. klasē atkārtoti (līdz pilngadības sasniegšanai) (Ministru kabineta 2015. gada 13. oktobra noteikumi Nr. 591 “Kārtība, kādā izglītojamie tiek uzņemti vispārējās izglītības iestādēs un speciālajās pirmsskolas izglītības grupās un atskaitīti no tām, kā arī pārceļti uz nākamo klasi”).

Pētījuma rezultāti liecina, ka vidējais otrgadnieku skaits valstī vispārizglītojošās dienas skolās nepārsniedz 1% no izglītojamo skaita (t.i., attiecīgi 1577 otrgadnieki uz 2014./2015. mācību gada sākumu un 1708 otrgadnieki uz 2015./2016. mācību gada sākumu) (Otrgadnieku un trešgadnieku skaits vispārizglītojošajās skolās (mācību gada sākumā)), un tas ir pakāpeniski samazinājies salīdzinājumā ar iepriekšējiem gadiem. Pārsvārā lielākais otrgadnieku skaits visās skolu grupās ir 7.–9. klašu grupā (76% visu otrgadnieku), mazākais – 2.–4. klašu grupā, kurā tas sastāda tikai nepilnus 9% dienas skolās. Salīdzinoši daudz otrgadnieku ir 1. klasē (3,7%).

Joprojām vairāk ir otrgadnieku – zēnu, nekā meiteņu. Salīdzinājumā ar 2011. gada un 2008. gada statistiskajiem datiem mazāk otrgadnieku ir 9. klasē, kas tostarp saistīts ar to, ka daļa nepietiekamus vērtējumus saņēmušo izglītojamo mācības ir pārtraukuši vai izmantojuši iespēju turpināt mācīties vakarskolās vai tālmācības skolās.

Tādēļ satraucoši liels otrgadnieku skaits ir vakara, vakara (maiņu), neklātienes, un tālmācības skolās, kurās otrgadniecības īpatsvars sastāda līdz pat 27–30% no izglītojamo skaita. Vakarskolas savlaicīgi neatskaita otrgadniekus pēc 18 gadu vecuma sasniegšanas. Šādu rīcību faktiski veicina pietiekami vispārīgs regulējums un izveidojusies prakse aizbaidināties ar to, ka pilngadīga persona “*varbūt atsāks mācības*” un “*palikšana skolā dod šai personai cerību vai iespēju reiz pamatizglītību iegūt*”.

Izveidojusies situācija rada tiešus zaudējumus valstij, jo otrgadnieku mācības finansē valsts, bet tās rīcībā joprojām nav precīzu datu par otrgadnieku faktisko skaitu, atbalsta pasākumiem un piešķirto budžeta līdzekļu lietderīgu izmantošanu.

Otrgadniecības iemesli

Pētījuma laikā tika konstatēti dažādi otrgadniecības iemesli, pie tam tie ir atšķirīgi noteiktās izglītojamo vecumā grupās un klasēs.

Sakarņojot konstatētos otrgadniecības iemeslus prioritārā secībā, redzams, ka posmā no 1. klases līdz 4. klasei tie ir šādi:

- vāja vispārējā sagatavotība skolai (attiecīgi bērns nav apmeklējis pirmskolas izglītības iestādi vai pirmsskolas izglītības iestādē bērnam netika sniegts atbilstošs atbalsts);
- vecāku nevēlēšanās un neprasme iesaistīties sava bērna audzināšanā un izglītošanā;

- sliktais veselības stāvoklis (tostarp skolas nav informētas par bērna patieso veselības stāvokli. Tādas diagnozes kā slēpta šizofrēnija, disleksija, disgrāfija u.c. tiek konstatētas novēloti, kas savukārt kavē savlaicīgu atbilstošas izglītības programmas / izglītības iestādes izvēli), uzvedības traucējumi, kuri ietekmē spējas mācīties.

Vienlaikus kā papildu faktori, kas ietekmē mācības un ir otrgadniecības iemesls šajā posmā, ir jāmin: vāja lasītprasme un nespēja ilgstoši koncentrēties viena veida darbībai, teksta lasīšanas grūtības, tā uztvere klausoties; arī vecāku emocionālais stāvoklis, nabadzība, bezdarbs un vecāki prombūtnē – ārzemēs – bērnus audzina vecvecāki ar nereti ļoti ierobežotiem finansiāliem līdzekļiem pietiekami bieži ietekmē mācības.

Kā dominējošie otrgadniecības iemesli posmā no 5. klases līdz 9. klasei ir jāmin:

- skolas neapmeklēšana (t.i., neattaisnoti mācību kavējumi) un sociālās problēmas ģimenē (kā pirmais prioritārais iemesls minēts 46 gadījumos);
- mācību motivācijas trūkums, argumentācija – “(..) pēc gada pārceļš tāpat (..)” (kā pirmā prioritāte minēta 16, gadījumos, kā otrā – 42 gadījumos);
- mācīšanās grūtības, nespēja uztvert un izprast mācību vielu;
- spēju neatbilstība izvēlētajai izglītības programmai (visbiežāk minēta kā otrā un trešā prioritāte).

Tāpat otrgadniecību ietekmē vecāku vienaldzība, ģimenes sociāli-ekonomiskais stāvoklis (tostarp nepieciešamība pieskatīt brāļus un māsas, vēlme / nepieciešamība pelnīt iztiku), izglītojamo uzvedības problēmas un konflikti ar klases / skolas biedriem.

Atsevišķiem izglītojamajiem par otrgadniecības iemeslu kļūst pārslodze, mācības skolā apvienojot ar ārpus skolas dzīvi (mākslas, sporta, mūzikas skolas, dažāda veida vaļasprieki un nodarbes).

Vienlaikus jāatzīmē, ka sākumskolā bieži vien ir pietiekami saudzējoša mācību un sadarbības vide, kur klases audzinātāja, kura māca lielāko mācību priekšmetu skaitu, pilda savdabīgu “mātes” lomu un ne tikai māca un audzina, bet arī “pieskata” bērnu, bieži kontaktējoties ar vecākiem, sniedzot atbalstu utt. Arī mācību saturs ir salīdzinoši viegls. Savukārt, pieaugot mācību satura sarežģītības pakāpei un mainoties mācību režīmam, vecākajās klasēs līdz ar savstarpējo attiecību maiņu, mainās izglītojamo attieksme pret mācību procesu, vienlaikus pieaug nepieciešamība

pēc paškontroles un pašorganizācijas prasmēm, kas tieši ietekmē mācības, kā arī ir viens no otrgadniecības cēloņiem.

Kopumā vērtējot, ir jākonstatē, ka starp dominējošiem otrgadniecības iemesliem visās klasēs ir jāizdala divi: *ģimenes sociāli-ekonomiskie apstākļi* (kas novērojams arī citās valstīs (Skolēnu labklājība Latvijā starptautiskā salīdzinājumā – OECD PISA 2015 jaunākie rezultāti un secinājumi) un *izglītojamo veselības, mācību un audzināšanas/uzvedības problēmas*, kas likumsakarīgi aktualizē jautājumu par savlaicīgiem un efektīviem izglītojamo atbalsta mehānismiem. Līdz ar to otrgadniecība nav efektīva, ja netiek atrisinātas konstatētās problēmas un nav pietiekams nepieciešamais atbalsts. Tas nozīmē, ka otrgadniecība var un bieži vien sasniedz pretēju efektu plānotajam, t.i., otrgadnieki, kuri nav motivēti mācīties, nesadarbojas ar pedagogiem un atbalsta personālu (tāpat kā viņa vecāki), nākamajā gadā skolu bieži neapmeklē, aizbaidinās, ka vairākus mācību priekšmetus ir jau apguvuši, faktiski regresē savās zināšanās un prasmēs, praktiski tiek pārcelti uz nākamo klasi ar sliktākiem mācību sasniegumiem (zināšanām), nekā tie ir bijuši iepriekšējā reizē.

Turklāt otrgadniecība bieži vien ir arī viens no priekšlaicīgas mācību pamešanas indikatoriem (Konceptuālais ziņojums “Par politikas alternatīvu veidošanu priekšlaicīgas mācību pārtraukšanas problēmas risināšanai, lai nodrošinātu 8.3.4. specifiskā atbalsta mērķa “Samazināt priekšlaicīgu mācību pārtraukšanu, īstenojot preventīvus un intervences pasākumus” ieviešanu”).

Izglītības iestāžu rīcība otrgadniecības novēršanā

Lai noskaidrotu, kā konkrētajā izglītības iestādē notiek darbs ar esošajiem un potenciālajiem otrgadniekiem, kā arī skolēniem, kuriem ir mācīšanās grūtības, aptaujā tika ietverts jautājums: *Vai un kādus atbalsta pasākumus izglītības iestāde īsteno darbā ar izglītojamiem, kuriem ir mācīšanās grūtības?*

Apkopojot atbildes uz minēto jautājumu, konstatēts, ka vairums pētījumā iesaistīto skolu (66%) ir izstrādātas savas iekšējās kārtības, kā strādāt ar izglītojamiem, kuriem ir mācīšanās un uzvedības grūtības. Pasākumi, kas apliecinājuši rezultativitāti, ir, piemēram, – individuālie mācību plāni, apņemšanās “solī pa solim”, īstermiņa darbības, kas mērāmas ar konkrētu rezultātu, konsultāciju apmeklējuma grafiks, pedagoga rakstisks novērtējums pēc stundas par darbu tajā, pamudinājums, uzslava, atgādņu izmantošana mācību stundās u.tml. Tāpat diezgan plaši tiek izmantotas

papildu mācību iespējas, pagarinot mācību gadu, t.i., 43 izglītības iestādes norāda, ka pārsvarā pagarināto mācību gadu praktizē mācību gada noslēgumā (jūnijā) un tikai īpašos gadījumos gala vērtējumu skolēnam izliek augustā, savukārt 27 izglītības iestādes pagarināto mācību gadu regulāri īsteno arī augusta beigās, uzskatot, ka zināšanu nostiprināšana pirms jaunā mācību gada uzsākšanas ir mērķtiecīgāka.

Izglītības iestādes cenšas savlaicīgi apzināt katra izglītojamā problēmu loku un “vājās vietas” izglītības saturā, taču tām bieži vien pietrūkst cilvēkresursu un zināšanu/metodiskā atbalsta, lai problēmas risinātu. Minētais faktiski liecina par pedagogu kompetences trūkumu un nespēju atrast piemērotāko metodi konkrētas situācijas risināšanai. Tāpat sadarbība ar pašvaldību bieži vien ir novēlota un nav veiksmīga (īpaši ja izglītojamais deklarēts vienā pašvaldībā, bet mācās – citā).

Vienlaikus pētījuma laikā konstatēts, ka skolām ir nepieciešams lielāks pašvaldību atbalsts, jo īpaši atbalsta personāla (logopēds, sociālais pedagogs, skolas psihologs) finansēšanai un kopējo likmju skaita palielināšanai, kā arī atbalsts otrgadniekiem un viņu vecākiem, lai nepieciešamības gadījumā apmeklētu speciālistu (logopēda, psihologa) konsultācijas ārpus izglītības iestādes.

Nobeigums

Noslēdzot rakstu, ir jākonstatē, ka kopumā vidējais otrgadnieku skaits valstī vispārizglītojošās dienas skolās nepārsniedz 1% no izglītojamo skaita, un tas ir samazinājies salīdzinājumā ar iepriekšējiem gadiem.

Pētījumā iesaistītajās izglītības iestādēs lielākais otrgadnieku skaits visās skolu grupās ir 7.–9. klašu grupā (76% visu otrgadnieku), mazākais – 2.–4. klašu grupā, kurā tas sastāda tikai nepilnus 9% dienas skolās un 4% otrgadnieku vakarskolās. Salīdzinoši daudz otrgadnieku ir 1. klasē (3,7%).

Otrgadniecību veicina vairāku iemeslu kopums, un faktiski katrs otrgadnieks ir jāvērtē individuāli, īpaši izvēloties atbalsta pasākumus.

Starp biežāk konstatētiem iemesliem ir jāmin skolēna veselības un attīstības problēmas, ģimenes sociāli ekonomiskais stāvoklis, neattaisnotie mācību stundu kavējumi un motivācijas trūkums mācīties, kā arī vecāku vienaldzība un izglītības kā vērtības zemais prestižs. Tāpat starp otrgadniecības iemesliem ir jāmin arī savlaicīga pedagoģiskā atbalsta trūkums, izglītības iestādes pasivitāte, novēlota problēmsituāciju risināšana, kā arī nepietiekama speciālistu (psihologs, sociālais pedagogs, logopēds u.c.)

iesaiste skolēnu problēmu diagnosticēšanā un risināšanā, sadarbības ar vecākiem nepietiekamība.

Viena no efektīvākajām otrgadniecības samazināšanas un novēršanas iespējām ir mācību gada pagarināšana un individuālais darbs ar izglītojamo, kā arī nepieciešamo speciālistu atbalsts un sociāli-finansiāla palīdzība ģimenei. Tomēr tās efektivitāte tiešā veidā ir saistīta ar skolēna un viņu vecāku ieinteresētību, skolas apmeklēšanu.

Lai gan likuma "Par pašvaldībām" 15. pantā (Likums "Par pašvaldībām") ir noteikta pašvaldību autonomā funkcija *gādāt par iedzīvotāju izglītību*, t.sk. nodrošināt iedzīvotājiem noteiktās tiesības izglītības iegūšanā, sniegt organizatorisku un finansiālu palīdzību izglītības iestādēm, skolu sadarbība ar pašvaldību un tās iestādēm otrgadniecības novēršanā ne vienmēr ir savlaicīga un veiksmīga, kā arī trūkst finanšu resursu un attiecīgo speciālistu. Situāciju sarežģī gadījumi, ja skolēna dzīvesvieta ir deklarēta vienā pašvaldībā, bet skola, kurā viņš mācās, atrodas citā pašvaldībā.

Bibliogrāfija

Informatīvais ziņojums "Par situāciju skolēnu sekmībā vispārējā izglītībā".

Pieejams: <http://tap.mk.gov.lv/mk/tap/?pid=40245242> (skat. 20.12.2017).

Informatīvais ziņojums par pasākumiem, lai samazinātu skolēnu ar zemiem mācību sasniegumiem daudzumu vispārējā izglītībā. Pieejams: <https://vasbiedriba.files.wordpress.com/2015/06/par-pasc481kumiem-lai-samazinc481tuskolc493nu-ar-zemiem-mc481cc4abbu-sasnigumiem-daudzumu-vispc481rc493jc481-izglc4abtc4abbc481.doc> (skat. 20.12.2017).

Konceptuālais ziņojums "Par politikas alternatīvu veidošanu priekšlaicīgas mācību pārtraukšanas problēmas risināšanai, lai nodrošinātu 8.3.4. specifiskā atbalsta mērķa "Samazināt priekšlaicīgu mācību pārtraukšanu, īstenojot preventīvus un intervences pasākumus" ieviešanu". Pieejams: <https://m.likumi.lv/doc.php?id=281991> (skat. 20.12.2017).

Likums "Par pašvaldībām". Pieejams: <https://likumi.lv/doc.php?id=57255> (skat. 20.12.2017).

Mācību gada atkārtošana obligātās izglītības posmā Eiropā: normatīvais regulējums un statistika. Pieejams: http://eacea.ec.europa.eu/education/eurydice/documents/thematic_reports/126LV.pdf (skat. 20.12.2017).

Ministru kabineta 2015. gada 13. oktobra noteikumi Nr. 591 "Kārtība, kādā izglītojamie tiek uzņemti vispārējās izglītības iestādēs un speciālajās pirmskolas izglītības grupās un atskaitīti no tām, kā arī pārcelti uz nākamo klasi". Pieejams: <https://likumi.lv/ta/id/277597-kartiba-kada-izglitojamie-tiek-uznemti-visparejas-izglitibas-iestades-un-specialajas-pirmskolas-izglitibas-grupas> (skat. 20.12.2017).

Otrgadnieku un trešgadnieku skaits vispārizglītojošajās skolās (mācību gada sākumā). Pieejams: http://data.csb.gov.lv/pxweb/lv/Sociala/Sociala__ikgad__izgl/?tablelist=true&rxid=cdbc978c-22b0-416a-aacc-aa650d3e2ce0 (skat. 20.12.2017).

Skolēnu labklājība Latvijā starptautiskā salīdzinājumā – OECD PISA 2015 jaunākie rezultāti un secinājumi. Pieejams: https://www.ipi.lu.lv/fileadmin/user_upload/lu_portal/projekti/ipi/Publikacijas/Skolenu_labklajiba_Latvija_PISA_2015_pirmie_rezultati_19_04_2017.pdf (skat. 20.12.2017).

Второгодничество в основных образовательных учреждениях Латвии: ситуация и поиск решений

Резюме

Второгодничество является одной из актуальных проблем в образовании. Однако исследования этого феномена в Латвии практически не проводились.

В статье рассмотрены отдельные результаты проведенного в 2016 году исследования, охватывая 70 образовательных учреждений основного образования. Цель – исследовать ситуацию в сфере второгодничества в основном образовании, причины и последствия и разработать предложения по улучшению ситуации в сфере второгодничества.

Методы исследования – анкетирование и интервью с руководством образовательных учреждений и другими ответственными лицами (заместители директоров, социальные педагоги, логопеды и т.д.), которые работают с второгодниками.

В статье рассмотрены отдельные существенные аспекты второгодничества: число второгодников, причины второгодничества и деятельность образовательных учреждений по снижению второгодничества. Таким образом имеется возможность получить общее представление о ситуации в сфере второгодничества в Латвии и путях решения этой проблемы.

Ключевые слова: второгодничество, общеобразовательные школы, основное образование, причины второгодничества, предотвращение второгодничества.

*Sławomir Partycki, Agnieszka Drewniak,
Dawid Błaszczak (Poland)*

RELATIONAL CAPITAL IN NETWORK SOCIETY

This text is an attempt to interpret and operationalize the relational capital. The aim of the article on the theoretical level is to show the essence of the relational capital, with relational theories. On the empirical ground, the authors will present the results of network research, the subject scope of which covers the structure of the network of relations of non-governmental organizations located on the eastern border of Poland.

Key words: social networks, power in the network, cross-border cooperation, relational capital, non-governmental organization.

Introduction

This text is an attempt to interpret and operationalize the relational capital, which in the field of social sciences, with special emphasis on sociology, is reduced to two elementary concepts, that is: relations and social networks. The increase in the meaning of the abovementioned terminology results from the fact that it can be reduced to: a metaphor for describing reality, an analytical tool, and a real being. “It is worth adding that from this perspective, the transition towards network approaches is also often (...) an attempt to go beyond various dichotomies and paradoxes organizing sociological thinking” (Pietrowicz 2016).

The article on the theoretical level aims to show the essence of the relational capital, with reference to selected concepts and relational theories, and also to indicate the relationship between the relationship and the network structure. On the empirical ground, the authors will present the results of network research, the subject scope of which covers the structure of the network of relations of non-governmental organizations located on the eastern border of Poland. The issue taken up in the article is considered from the stance of sociology, referring to the achievements of other sciences, especially management.

From simple to complex relationships. Towards a relationship network

By making a precise analysis of the current sociological literature regarding social structures, processes and phenomena one can conclude that the pillars of the social reality that surrounds us are the social network and relations. Referring to the first pillar, it can be followed by Jan van Dijk that “It will not be a great exaggeration to call the XXI century the epoch of the network” (J. van Dijk 2010). The contemporary world with increasing dynamics takes the form of a multi-level system of relations and connections, entangling following segments of social life: economy, culture, politics. At the same time, the literature of the subject provides further slogans – keys such as: “human network”, “age of connections”, “connected world”, with the help of which it is possible to describe contemporary social reality. In the case of the second pillar, it is worth noting that the category of “social relations”, despite numerous theoretical and empirical studies, is still the subject of multiple scientific discourses, taking on special meaning together with the popularisation of the categories of social networks, in which the relational component is one of the foundations of the functioning of network structures.

First of all, the concept of social structure redefined and revolutionized the current subject of research. “In the concept of social structure, individuals, social positions or roles disappear, and only the pure network of relations between them, the very shape or form of organization, remains (...)” (Sztompka 2002). The first-line of this approach we can find in the lectures of Georg Simmel, who defined sociology in reference to antiquity in terms of social geometry. Analogously to geometrical sciences, looking for features and the correctness of configurations and shapes of cubistic figures, the subject of interest in sociology – according to Georg Simmel – should be combinations of properties and dependencies that occur in various forms (social systems).

Further development of the relational approach in sociology was possible due to the transition from a rigid, organic vision of social reality to a liquid social fabric resembling, as Piotr Sztompka writes, a mosaic or matrix remaining in perpetual motion (compare Sztompka 2007). What is more, the relations determining the social space determine its shape and dynamics, cause that “(...) space (...) is constantly changing thanks to ever new configurations of interpersonal relations” (Sztompka 2016). Georg Simmel mentioned earlier in social relations, he not only sees the

foundation of forms of organization of social life but also the genesis and basis of human existence. “At all times – writes the author – we consist of interacting with others” (Simmel 1971). These, in turn, form the basis for constructing an individual network of relations and connections that can be reduced to the genetic code or fingerprint assigned to each. “Therefore,” emphasizes J. H. Turner, “we need to think about the social structure as forms or configurations of binding interactions and enabling a huge variety of content-specific actions of individuals” (Turner 2006).

The renaissance of relationships in sociological conceptions was possible thanks to the emergence of the category of networks as a metaphor for describing social reality, and later thanks to the network perspective as an analytical tool. The configurations of the social relations network are fluent, changeable, fluctuating. What’s more, it is possible to determine the tendency of changes and the development of this type of configuration only using formal analysis. Norbert Elias emphasises the study of the relationship as the ontological basis of social life. “Understanding the relationship of the individual and society – the author emphasises – is possible only by breaking the alternative << or – or >> (...)” (Elias 2008). Following N. Elias’s considerations, it should be emphasized that, according to his concept, the individual exists in society. “None exists without the other. (...) A society without individuals or an individual without society is absurd” (Elias 2008). Analogously to the aforementioned G. Simmel – N. Elias derives from the individual relations networks of connections, of various configurations that cannot be reduced to an individual, and dependencies. According to N. Elias, “(...) a network of interrelated relations that bind people has its own genre weight and is guided by its own laws” (Elias 2008). Constant variability, modifications and transformations characterize social entities and their networks of relations. “People change (...), constantly shape and modify in mutual relations (...)” (Elias 2008). The author assigns the dynamic network of relations to the figuration, making it an object of in-depth analysis. Figurations are “a network in constant motion, as continuous weaving and unravelling connections” (Elias 2008). Relations in the light of Norbert Elias’s considerations are a sine qua non-condition for understanding the shape of social structures and, above all, the changes taking place within them.

Other foundations for the approach to the analysis of social relations were put in the second half of the twentieth century by Jonathan

H. Turner. Concepts based on dynamics and relationship configuration expands the author to analyzes regarding the “embedding” and “embedding” of the relationship. “Rooting increases the probability that people will understand what is possible and what can be expected in interaction” (Turner 2002). The subject of empirical considerations is, according to J.H. Turner, all factors limiting and strengthening relations, among others: culture, social structure, organization. According to P. Sztompka, the whole space can be seen as a network of interpersonal relations that can undergo crystallization or atrophy. “Bidirectional variability – crystallization and atrophy – may affect not only entire types of relationships but also different relationship properties within a particular type” (Sztompka 2016). Noteworthy is the fact that social relations take on a variety of meaning, depending on the surrounding contexts and situations.

An interesting point of reference for reflections on social relations is the British structural school represented inter alia by Alfred Radcliffe-Brown. The author of the social system brings to the autonomous natural systems, in which important significance should be attributed to the relationships that take place between elements of the system. Thus “(...) in Radcliffe-Brown’s reasoning structural structuralism was supposed to (...) emphasize the structure, i.e. relations between elements, rather than the functions or effects of these elements for system integration” (Turner 2006). Over time, anthropological structural considerations have become the basis for the discussion of network structures initiated by Siegfried F. Nadel. In his opinion, “the structure must focus on the properties of relationships rather than on actors, and especially on those properties of relationships that are unchangeable and always occur” (Turner 2006). The research approach postulated by S.F. Nadel and some anthropologists (including John A. Barnes) found its reflection in the sociometric technique of Jacob L. Moreno, and then in the dynamically developing network analysis.

Reviewing the current, rich compendium of knowledge in the field of the network, one should emphasize the coexistence, dependence of two terms: “networks” and “relations” (or “connections”, “connections”). The literature of the subject provides us with many examples. Jan van Dijk writes that “a network can be defined as a set of connections between elements of an individual” (J. van Dijk 2010). He also adds that “(...) it must consist of at least three elements and two connections” (J. van Dijk 2010). In the further part of his considerations, J. van Dijk assumes the increase of the meaning of relations over elements (nodes, units) of the

network. “Relationships flow to the surface of every subsystem of society” (J. van Dijk 2010). Focusing on the construction and organization of network structures, the author draws attention to the analytical nature of the relationship, reducing it to the characteristics of the system. “Network analysis (...) focuses on relationships between elements. This is the opposite of the atomistic vision of reality or methodological individualism (...)” (J. van Dijk 2010). Moreover, the science of networks seems to confirm the well-known fact that social relations should be treated as a fundamental analytical category, which is the starting point for reflections on complex, dynamic and fluid structures inscribed in the subject of interest in network sociology and mobility.

Relational capital in the network structure – a few introductory remarks

The current literature of the subject provides a wide range of capital expressions. Generally speaking, by capital we mean a valuable resource or good that is of high value, and at the same time being subject to exchange for other valuable goods or resources. We can read on the pages of lexicons or dictionaries, that capital is: fixed assets and financial assets invested and intended to bring income, a certain property in cash or securities, intellectual achievements, which the person possessing it will be able to use in the future. In the dictionary of thesaurus, capital is identified with a deposit, investment, property, but also a resource. In the dictionary of sociology, it can be read that capital should not be reduced only to a monetary form, and the elementary functions of capital are first and foremost the possession and management of capital (Marshall 2005, Drabik 2006, Wiśniakowska 2006).

The origins of the concept of relational capital should be seen in theories and concepts referring to the relationships that apply, both in sociology and in the sciences about management. In the case of sociology, the point of reference, in addition to the theories presented earlier, maybe Pierre Bourdieu's reflections on social capital. At this point, it is worth referring to the postulates of some theoreticians that the concept of relational capital is a form of social capital or is directly equated with theories of social capital. According to analysts, social capital refers to local communities, located close to each other, while the relational capital is identical with the possibility of cooperation and exchange between entities located at a distance. Relational capital is also considered through

the prism of social networks, and precisely the potential that flows from this type of connections. This fact is particularly emphasized by P. Bourdieu. “The author focuses on instrumental, purposeful building of such networks of relations by people (...). It requires investing other resources, (...) and the effect depends on two factors: the size of the network, and so the number of relationships and the quality of these relationships” (Sztompka 2016). Nan Lin speaks in a similar vein, for whom investments in social relations have to be worth, which should be associated with having a specific network of connections. “Access to other people by investing in relationships with them, gaining space on the web, means access to information, knowledge, property, power and prestige held by them” (Lin 2001). Network structures, according to N. Lin, promote the mobility of capital, which in turn affects the architecture and dynamics of the relationship.

The Spanish sociologist Manuel Castells refers to the relationship category as relational and this, in turn, equates with authority within the network. “Relational ability means that power is not an attribute but a relationship. The power cannot be considered in isolation from the actors who have it, or from those who are subject to it in a given context” (Castells 2013).

The authority inscribed in the relational component in the network structure enables the actor (node) of the network to influence the decisions taken by other actors. Specific social behavior integrated into the structure of relations between network participants is an example of the so-called soft power, understood in terms of the ability to accumulate resources and achieving the assumed goals (results) (Rothert 2005). From the empirical point of view, network analysis treats power in terms of relational, which means that “(...) power is an aspect of existing or potential interactions, (...). Power is the relationship of one actor (...) to another and is determined by a specific situation (...). Because it is situational, it is a dynamic and potentially unstable phenomenon” (Szymanek, Kaczorowska, Rothert 2007).

On the basis of the teachings on managing the name of the relational capital, the following are defined: contracts and agreements, distribution channels or the company’s reputation (Gawrol, Haber 2014). From the sociological perspective, the aforementioned capital can be identified with exchange, cooperation, obligations and social agreements. Looking through the prism of the network perspective, relational capital is not only the network of relations and connections, but also the flows of material and non-material resources that displace the classically understood exchange

process. Constructing the definition of relational capital requires a two-pronged view, both from a static perspective, in which this capital is the resources associated with having a network of inter-entity relations as well as dynamic – meaning the ability to build and maintain relationships based on cooperation and trust. It is possible based on the intensification of the connection network. “A single relationship is only the smallest building block that, combined with others, creates complex networks of trust (...)” (Sztompka 2007). Relational capital is a fundamental feature of every open subject that is able to form proper relationships with the environment. Its potential is constituted by elementary categories such as: quality, content or relationship structure, for which the basic indicators of network analysis can be applied, such as: network density, node degree, centrality or strength of connections. The emergence of a network structure gives rise to a new quality of relationships, horizontal and at the same time flexible, transparent and open to new configurations. In the further course of the network, however, they remain inseparable from the physical environment, the reality that surrounds us, in which we have the opportunity to independently select and compose social relations.

Non-governmental organizations as a subject of cross-border cooperation in relation networks

Non-governmental organizations are an essential element of democracy and civil society. In addition to economic and political functions, they also perform important social tasks. They are or are postulated to constitute an element of social relations taking place outside the sphere of self-government or economy. In addition to direct benefits, the activity of non-governmental organizations also brings a number of indirect benefits, sometimes as important as the basic ones. This is, for example, creating jobs or filling in niche services or goods that the market or the state are not interested in.

In the case of cross-border cooperation, it can be considered that they constitute a significant entity initiating or coordinating such cooperation. Participation of border regions is known as cross-border. It means “any joint action taken to strengthen neighborly contacts between the communities and territorial authorities of two or more Contracting Parties”¹.

¹ The definition comes from the European Framework Convention on cross-border cooperation between communities and territorial authorities – the document of the Council of Europe signed on 21 May 1980 in Madrid.

Cross-border cooperation is a specific type of international collaboration characterized by cooperation at the local or regional level. It is an important element of European regional development policy.

Cross-border cooperation means cooperation in all areas of life, at any time, with the involvement of all entities in the immediate vicinity of the border. It covers both social and economic cooperation and infrastructure and creates the most intense network beyond borders. According to the representatives of the Association of European Border Regions (AEBR), cross-border cooperation contributes, to a large extent, to cohesion in Europe, ie integration and equalizing disproportions between rich and poorer areas. European institutional value is identified with: active participation of communities, offices, political and social groups on both sides of a given border; solid knowledge about the neighbor (local and regional authorities, social partners, etc.); sustainable cross-border cooperation in effective structures understood as a partnership operating in the vertical and horizontal structure, being the basis of any cross-border cooperation, despite different structures and competences as legitimate recipients of benefits and partners / contracting parties, able to receive and manage funds as well as joint development, implementation and financing of cross-border programs and projects. The impact of cross-border cooperation and the border on regional and local development can be considered from different points of view, in particular in terms of obtained effects and benefits.

The role of non-governmental organizations in the Lubelskie Voivodeship seems to be particularly important from the point of view of the border location and the relations established both in the sphere of culture and the economy or local communities. It is crucial not only to involve the organization in cooperation and coordination of projects that can strengthen the relationship between institutions. The basic legal act defining the framework for cooperation of self-government administration bodies with non-governmental organizations and other entities conducting public benefit activities for the implementation of tasks falling within the sphere of public tasks, including in particular public benefit activities by non-governmental organizations and other entities and the use of this activity by administrative bodies public is the Act of 24 April 2003 on Public Benefit and Volunteer Work.

Non-governmental organizations in accordance with art. 3 couples 2 of the Act of 24 April 2003 on Public Finance and Legal Affairs; Act, which fail to achieve profit., including foundations and associations, some

provisions of the political parties. Cross-border cooperation is the underlying mechanism of internationalization of non-governmental organizations in border areas. These entities as project applicants in cross-border programs are characterized by: focusing on the implementation of the need to solve a social problem; focusing activities on generating benefits for beneficiaries; maintaining good contact with the environment for which they are taking action, good orientation in their needs and problems and possibilities of solving them; great innovation in action; effective spending of money (Jabłońska, Hryniewicka 2010). At the same time, there are a number of barriers that non-governmental organizations face when taking part in cross-border projects.

The most serious are: (1) insufficient knowledge about the programs enabling cross-border cooperation, barriers to starting and implementing cooperation with partners from abroad; (2) fear of demonstrating the experience and potential for carrying out such projects; (3) errors related to filling in the application – lack of professionals with appropriate administrative, financial and organizational knowledge, formal and technical errors (eg failure to provide all attachments, lack of signatures), substantive (non-compliance with the application with the program and its activities, incorrect selection of beneficiaries, improperly made budget project, etc.); (4) lack of funds for the required own contribution, which somehow guarantees the financial liquidity of the organization. Referring to the relational capital built with the support of non-governmental organizations in the Lublin Voivodeship, we can distinguish 15 entities that have the task of strengthening or building cross-border cooperation, to a large extent in the sphere of culture. Despite a large number of non-governmental organizations operating in the Lublin Voivodeship – approx. 900 a small percentage undertakes activities aimed at strengthening cross-border cooperation. Most activities are also limited to the closest neighbors, without taking action with distant countries.

The Klon / Jawor Association, which runs the NGO database, lists the following among these entities:

- Association of Local Governments of the Euroregion Bug;
- Lincoln Foundation;
- Bialskopodlaskie Association for Regional Development;
- Center for the Integration of Rural Areas with the European Union;
- Development and Democracy Association;
- Tourist Cluster “Zagrody Lubelskie”;
- Underground Society Hrubieszów;

- Immensus Foundation;
- the Lemberg Foundation;
- Association for the Development of the Mircze Commune Wincenty Rulikowski;
- Eastern Travel Association;
- Association of Local Government Initiatives;
- European Innovation Forum;
- Association “Polish-Ukrainian Business College, Economic and Cultural Cross-Border Cooperation”;
- John Paul II Center.

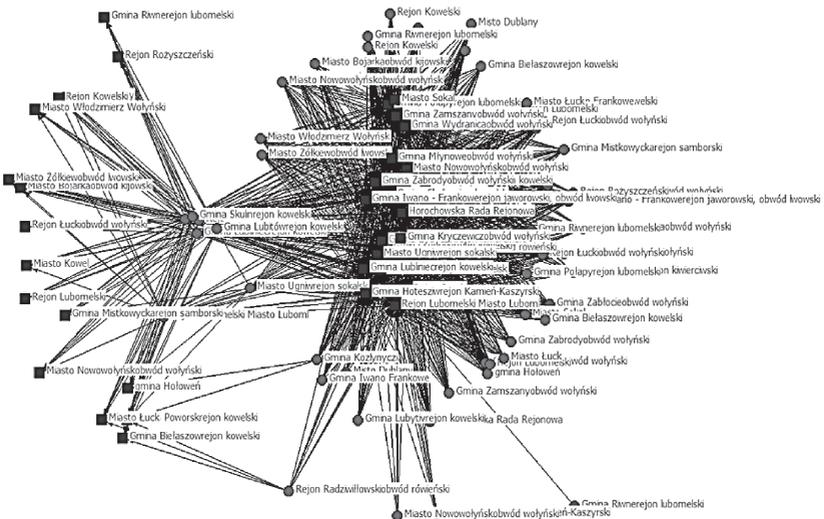

Figure 1. Cooperation network of the Euroregion Bug Association with partners from Ukraine

Source: *oun elaboration*

Analyzing the above network in spite of an apparent blackout, we can notice the centrality of the node that is a non-governmental organization. – Euroregion Bug Association. An important element of the established cross-border cooperation is the intensification of relations with Ukraine and Belarus, which is expressed in the joint implementation of projects and at the same time in strengthening social and cultural ties. You can clearly see isolated entities entering into relations with the Association, and not undertaking activities in their area. Cooperation with

Belarus is also interesting, where several partners can also be mentioned, although their number in comparison to Ukraine is much smaller.

In summary, considerations regarding NGOs in cross-border cooperation should be taken into account state that the barriers to this cooperation are perfectly identified, they are primarily the lack of project management skills and financial difficulties, and this is the first step towards solving them (at the latest in the next programming period).

The operation of non-governmental organizations can also be a practical way to improve the situation towards self-optimization of the situation. There are various concepts here (e.g. loans) which in the case of their positive implementation – it is worth disseminating in within this sector.

Conclusions

Relational capital is a crucial issue in all social relations. In addition to the cooperation network, the trust of the partners becomes an essential factor. This is important especially in situations of cross-border affairs, where different cultures or customs can complicate or make such relationships impossible. As the example of non-governmental organizations shows, it is possible thanks to mutual trust and the desire to strengthen bilateral relations.

Bibliography

- Castells M. (2013) *Communication Authority*, PWN Scientific Publisher, Warsaw.
- Chomiak-Osa I. (2013) *Relational capital management in the process of organization virtualization. Model approach*, Wyd. University of Economics in Wrocław.
- Danielak W. (2012) *Forming Relational Capital in Small and Medium Enterprises*, Publisher of University of Economics in Wrocław.
- Drabik L. and others (comp.) (2006) *Dictionary of the Polish language*. New edition, PWN Scientific Publishers, Warsaw.
- Elias N. (2008) *Society of Individuals*, PWN Scientific Publisher, Warsaw.
- Gawrol K., Haber L.H. (2014) Sieci the basis for the formation of relational capital in the company management system, [in:] R. Sobiecki (ed.), *Economy in relation networks*, KUL Publisher, Lublin.
- J. van Dijk (2010) *Social aspects of new media. Analysis of the network society*, PWN Scientific Publishers, Warsaw.
- Jabłońska A., Hryniewicka W. (2010) NGO'S as a potential subject of cross-border cooperation, [in:] M. Perkowski (ed.), *Cross-border cooperation. Legal and economic aspects*, Fundacja Prawo i Partnerstwo, Białystok.

- Lin N. (2001) *Social Capital: A Theory of Social Structure and Action*, Cambridge University Press, Cambridge.
- Marshall G. (ed.) (2005) *Dictionary of sociology and social sciences*, PWN Scientific Publishers, Warsaw 2005, pp. 141–142.
- Pietrowicz K. (2016) *Network approaches in sociology. Outposts, entanglements and transformations of the discipline*, Publishing House Epigram, Bydgoszcz.
- Rothert A. (2005) *Cybernet political order*, Institute of Political Sciences, University of Warsaw.
- Simmel G. (1971) *On Individuality and Social Forms*, The University of Chicago Press, Chicago.
- Szymanek J., Kaczorowska M., Rothert A. (2007) *Evolution, Devolution, Emergence in political systems*, Dom Wydawniczy Elipsa, Warsaw.
- Sztompka P. (2002) *Sociology. Analysis of society*, Wydawnictwo Znak, Kraków.
- Sztompka P. (2007) *Trust. Fundamental society*, Wydawnictwo Znak, Kraków.
- Sztompka P. (2016) *Social capital. Theory of interpersonal space*, Znak Publisher, Krakow.
- Turner J.H. (2002) *Face to Face. Toward a Sociological Theory of Interpersonal Behavior*, Stanford University Press, Stanford.
- Turner J.H. (2006) *Structure of sociological theory*. New edition, PWN Scientific Publishers, Warsaw.
- Wiśniakowska L. (elab.) (2006) *Thesaurus*, PWN Scientific Publishers, Warsaw.

Реляционный капитал в сетевом обществе

Аннотация

Данная работа является попыткой интерпретировать и операционализировать понятие реляционного капитала. Цель статьи на теоретическом уровне – показать сущность реляционного капитала и реляционных теорий. В эмпирической части авторы представляют результаты сетевых исследований, предметный охват которых захватывает структуру сети отношений неправительственных организаций, расположенных на восточной границе Польши.

Ключевые слова: социальные сети, власть в сети, приграничное сотрудничество, реляционный капитал, неправительственная организация.

**REDUNDANCIES OF THE MILITARY PERSONNEL –
CAUSES, SCOPE AND FORMS OF SUPPORT
FOR THE DISMISSED**

The article discusses the issue of employees' redundancies exemplifying the military personnel. The focus was placed on the identification of causes the soldiers were dismissed and on determining the military fields of expertise of the discharged soldiers in the context of their chances for employment at the civilian labour market. The forms of support for the soldiers discontinuing their service were also stated. The analysis helped to conclude that the chances for the soldiers to find work following the end of their service depend on their field of military expertise, level of professional competences and labour market situation in the region. Activities of reconversion services need to be deemed as crucial in the context of looking after future of an employee (organisational culture indicator), strengthening social trust and positive image of the military forces in the society and exerting influence on the increase of interest in working for the military.

Key words: military personnel, reasons for redundancies, the field of expertise, reconversion.

Introduction

Responding to changes in the surrounding conditions: systemic changes, budget limitations and end of the conflict, the army, as other employers, scales down on its personnel in specific situations while intensifying recruitment in other spheres. Changes in the numbers of staff in the Armed Forces of the Republic of Poland in given periods proceed at variable pace and magnitude (Sirko 2013; Kościelecki 2010). Particularly intensive changes in the army occurred towards the end of 80's and at the beginning of 90's in XX century and were associated with the systemic and economic transformation. The social and economic reforms, especially the ownership transformations of state companies, as well as terminations of some of them, impacted the labour market negatively (Spytek-Bandurska 2003). Moreover, extended relations on an international scale resulted in escalated competition and often forced changes in companies, which also brought in redundancies among personnel.

Improvement of the situation at the labour market in Poland, although of different level in specific voivodeships, could be observed in 2004, which

was associated with Poland joining the European Union (EU), the influx of structural funds, opening the EU labour markets for the Poles and growing export of products and the resultant increase in employment in the companies conducting such businesses.

This article focuses on identifying the causes for redundancies of the soldiers and determining of the military fields of expertise of the dismissed soldiers in the context of their chances for finding jobs in the civilian labour market. The issue of research took the form of the following question: What military fields of expertise are the most often represented among the dismissed soldiers and to what extent their military fields of expertise correspond with the areas of expertise needed at the labour market? Such methods as analysis, synthesis and conclusion were applied to achieve the goal.

Redundancies in theoretical perspective

When adapting to changes in the surrounding, organisations take actions aimed at transforming the functioning of particular subsystems (psycho-social, goals and values, technical, structure) (Bielski 2004). Changes within the subsystems are an organisational response to the signals coming from outside and are designed to ensure survival and development of an organisation through drawing up new solutions and improving current activities. Concerning the psycho-social subsystem, changes have a different character: quantitative, as reflected in the growth or decline in numbers of employees, qualitative, associated with a level of competences, being one of the sources of efficiency and competitiveness of an organisation. They are also of spatial character, related to the inner-organisational movement of employees to optimise its operations (Kalinowski 2012).

Redundancies apply to the situations in which employees, for different reasons, leave their current job. Some of them attribute to employees, some to employers (Pocztowski 2007). As far as employees are concerned, the reason for leaving an organisation may be an intent to engage in another job, in other organisation that would meet their expectations. The expectations could be the following: the essence of work, remuneration, working conditions, the possibility of promotion, individual development, relations with superiors and co-workers and commuting distance. Moreover, employees' evaluation of organisational standing and operating conditions may sometimes be conducive to a decision to leave a job (Pocz-

towski 2007). The reasons for redundancies also include: quitting for natural reasons (retirement), life situation and disciplinary dismissals.

Employee's evaluation yielding negative results is one of the causes triggering redundancies. However, the reliability of such an assessment depends on the efficiency of functioning evaluation system, which should enable shaping of personal policy and motivate employees to engage in further development based on information on the efficacy of subordinates' performance (Litwin 2012). Among the difficulties in evaluating work in an organisation, the literary references mention the lack of mechanisms for monitoring employees' performance, mistakes consisting in averaging out their marks. Therefore, determining the criteria forming the foundation for redundancy decision is an important stage in the process of employees' redundancies. The source literature indicates the job seniority, social and practical criteria (Sidor-Rządkowska 2003a).

Reasons for group redundancies of employees may have structural or economy-dependent character (Kalinowski 2012), for example such as: losses of the outlet markets, decrease in economic situation, amendments in provisions under international agreements, changes in technical and technological trends, erroneous decisions made by management, loss of financial liquidity, resulting in necessity to restructure activities, including employment.

In the context of employees' redundancies, Sidor-Rządkowska emphasises a very vital issue, namely the necessity to draw up forms and procedures of discontinuing cooperation with employees that would constitute a specific test of organisational culture and influence corporate image and involvement of employees that still work for a company (Sidor-Rządkowska 2003b).

At the national level (Act on specific regulations regarding termination of employment relationship for reasons not attributable to employees, Journal of Laws 2003, No. 90, item 844; Act on promoting employment and labour market institutions, Journal of Laws 2015, article 149), as well as at the level of specific organisations, the solutions aimed at defending positions of the dismissed employees are introduced. The resolutions specified in the act and the source literature are referred to as outplacement understood as a "system of comprehensive managerial, legal-organisational, institutional, psychological or even medical care applying to the dismissed individuals (Krzyżkowska 2015), and their nature harks back to the concept of social responsibility of an organisation.

Reasons for and conditions of soldiers' redundancies

The act on military service of professional soldiers enumerates the purposes for which a professional soldier might be dismissed from the occupied position (Article 111 of the Act of 11 September 2003, Journal of Laws 2003, No. 179, item 1750). The act mentions the reason both attributable to a professional soldier and the armed forces.

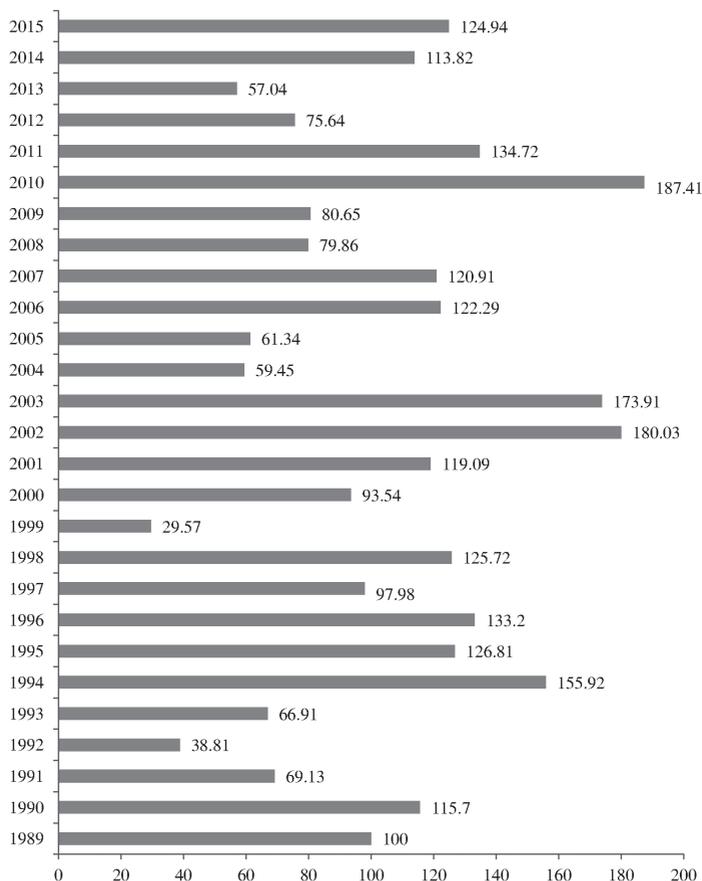

Figure 1. Dynamics of redundancies of the professional personnel from the military service in 1989–2015, 1989 = 100

Source: based on the data of the Department of Personnel of the National Defence Ministry, Warsaw 2011, 2017

In 1989–2015, close to 150 thousand professional soldiers were released from military service. The process of redundancies was varied in specific years, peaking in 1989–1991, the period when ca. 25% of the total number of employees dismissed in the indicated period had to quit the service. Moreover, in comparison to other years, 1994, 2002, 2003 and 2010 stood out (Figure 1).

It is also noteworthy that the redundancies processes in given years were accompanied by using army enrolment, which enabled to supplement the personnel as regards the competencies required to execute the tasks to be carried out by the armed forces.

In the period from 2001 to 2015, the most frequent reasons for dismissing the professional soldiers were as follows:

- termination of the employment relationship by a professional soldier (this reason prevailed in 2001, and further on, from 2005 to 2015),
- completion of the employment relationship by a military authority (prevailing logic in 2002–2004),
- 4F,
- reaching statutory retirement age,
- health condition.

At the same time, as of 2011 new tendencies came to light, resulting from the functioning of the corps of professional privates, namely the redundancies associated with a lapse of service time stipulated under a contract. In 2011–2015 redundancies resulting from there were at the level between 9.78% to 29.8% among the total number of the latter.

As a result of redundancies of the soldiers, in addition to inner-organisational transformations, consequences felt by local communities of specific municipalities where the military units stationed, were also reported. Impacts of changes especially concerned the local labour market, since the redundancies of soldiers also resulted in the civilian employees losing their job and caused reductions of job positions in the economic entities cooperating with the military in various scope (Społeczno-ekonomiczne skutki... 2005, Piotrowska-Trybull 2013; Markusen, Oden 1994).

Military fields of expertise represented by the soldiers are an interesting issue regarding the soldiers' redundancies. In 2009–2011, the highest number of redundancies occurred in the corps of the following: logistics, general-military, communications and IT, aviation, medical and military engineering and were proportional to the size of specific crew and groups of individuals. Whereas in the period from 2012 to 2015, the most consid-

erable number of redundancies was observed in the corps of land forces, in the mechanized-armoured group; in the corps of communications and IT in the group of operations and communication systems; in the air force group; in the engineering-aviation group; in the logistics corps and the general logistics and technical group. Military fields of expertise represented by the dismissed soldiers, level of their occupational competence and situation on local job markets determine the possibilities for development of civilian career development after the military service.

The analysis of data regarding the situation on the job market in 2016 shows improvement in comparison with 2015. In November 2016, the unemployment rate in Poland amounted to 8.2% and varied depending on a voivodeship. The lowest level of this indicator, 5.0%, was noted in the Greater Poland Voivodeship and the highest one, 13.9%, in the Warmian-Masurian Voivodeship. Remuneration levels in comparison to the average remuneration were also variable, with the highest one recorded in the Mazovian Voivodeship (121.1%) and the lowest one in the Warmian and Masurian Voivodeship (81.5%) (*Barometr zawodów...* 2016).

Despite the general improvement of the situation on the labour market in Poland in 2016, some deficiencies are still present, including: low share of professionally active population in the general number of people at the productive age, mismatch reflected in outdated competencies, gaps in practicing a profession, generational gap in some of the occupations, inadequate internship periods, learning with the use of obsolete equipment, incidental nature of cooperation between schools and employers and reluctance of employers to invest in employees' competencies' development. The report *Barometer of occupations 2017* presented the demand for occupations in 2017 through identifying the following ones:

- construction roofers and metal sheet workers, electromechanical engineers, fitters of electrical systems, hairdressers, bus and truck drivers, tailors and dressmakers, cooks, car mechanics, fitters of construction systems, bricklayers, plasterers, earthwork equipment operators and mechanics, elderly and disabled carers, bakers, nurses and midwives, finance and accounting workers with foreign language skills, independent accountants, sales representatives, wood processing employees and carpenters, welders, locksmiths;
- excessive, where work supply is higher than demand, which included the following occupations: economists, philosophers, historians, political and cultural sciences experts and general education teachers, educ-

ationalists, employees of tourism agencies and staff preparing tourism services, public administration specialists and food and nurturing technology specialists;

- balanced, with equalised levels of work demand and supply.

Note that presence of highly-demanded and excessive professions depends on regional conditions and associates with economic tendencies characteristic for a given voivodeship. For instance, in the Warmian-Masurian Voivodeship, with a developed furniture-making industry, there is demand for: upholsterers, carpenters, wood processing employees. Another example is the Greater Poland Voivodeship, where the above-average demand for employees was noted in the transportation industry, shipping-logistics industry and furniture-making industry (carpenter, seamstress, upholsterer, tailor, furniture-making equipment operator, etc.). In the West-Pomeranian Voivodeship, due to the tourist movement characteristic for this place, there is a demand for cooks and chefs, receptionists, elderly carers and construction workers (Szczecin) (Barometr zawo-dów... 2016).

The number of unemployed soldiers as of the end of 2016 amounted to 806 individuals (data according to the so-called large occupational groups), which constituted 0.1% of total number of the unemployed in the country – a decrease by 184 persons (18.6%) in comparison to the number of unemployed soldiers as of the end of 2015. In the group of 806 unemployed soldiers in 2006, 12.7% were the persons without a job for one month, 55.3% were the persons unemployed from 1 to 12 months and 20% – the persons without a job for more than a year¹. In the analysed group 24% were the soldiers up to 30 years old and 6% – the soldiers above 50 years old (the groups in a particular situation on the job market). Moreover, in the second part of 2016, 357 soldiers (44.2% of the individuals registered as unemployed in the armed forces group) were qualified as the unemployed for a long term. At the same time, the national statistical data concerning the number of free job positions and places of occupational activation for the “Armed Forces” group was not available (number of offers “0”). In the regional context the situation of the privates registered as unemployed has been presented in table no. 1 (Registered unemployed... 2017).

¹ The data does not sum up to 100.

Table 1

Unemployed privates at the end of second half of 2016

Unemployed soldiers	In absolute numbers
POLAND	759
Lower-Silesian	50
Kuyavian-Pomeranian	43
Lublin	36
Lubusz	35
Łódź	96
Lesser Poland	20
Mazovian	124
Opole	12
Subcarpathian	38
Podlaskie	6
Pomeranian	24
Silesian	37
Holy Cross	3
Warmian-Masurian	61
Greater Poland	19
West Pomeranian	155

Source: *Registered unemployed... 2017*

Knowledge of the labour market conditions, including the demand for specific occupations, may be a significant lead for the dismissed soldiers when choosing a direction of retraining. Due to their corps, groups and fields of expertise, which are in demand on the labour market, some of the soldiers may find a job relatively quickly. It concerns the logistics corps, air force (groups: pilots, aviation engineers, air traffic), medical corps (groups: doctors, nurses, paramedics), communications and IT group (group: operation of communications systems). What is also noteworthy is the fact that finding a job, despite a particular field of expertise being in demand, may sometimes require spatial mobility. Whereas, the soldiers representing the areas of expertise less frequently sought for on the labour market, may benefit from support offered within the frameworks of reconversion, in the form of courses, training, internships and other.

Results of the studies indicate that the regional variability of the labour mentioned above is taken into consideration also by the soldiers planning their professional career following the end of their military service

(Piotrowska-Trybull 2013). Opinions of soldiers on the attractiveness of labour markets in specific municipalities vary depending on the type and location of a unit the respondents come from, which allows drawing indirect conclusions on the social and economic situation in these municipalities. The soldiers whose military units were located in smaller urban areas and rural municipalities: Ustka, Drawsko Pomorskie, Chełmno, Cewice, Wejherów, Braniewo and Powidz more often underlined that attractiveness of labour market in a given municipality is very low or low for them to stay at the same place following their service end. In turn, very high and high attractiveness of the labour market was declared by the respondents from Warsaw, Kraków and Białystok. The obtained results indicated the advantage of large cities in comparison to smaller rural and urban areas.

Conclusions regarding the social and economic situation and attractiveness of a market in a specific municipality could also be drawn through assessing the favourable or unfavourable conditions for launching economic activity. More than half of the respondents specified the market conditions as hostile for starting a business. Such a response was given by the representatives of the army units located in the municipalities Drawsko Pomorskie, Chełmno, Cewice, Wejherowo, Braniewo, Powidz. It allows surmising that the labour market in the above municipalities did not offer too many chances for development of the “second career” after the service. In turn, the soldiers from Warsaw, Kraków, Białystok and Mińsk Mazowiecki, to a greater extent than other respondents, stressed that within the area of their service there are favourable conditions for conducting business (Piotrowska-Trybull 2013).

Reconversion activities

The soldiers dismissed from the professional military service can benefit from reconversion support aimed at helping in finding a new place of employment at the civilian job market. The offered support is intended to adapt the competences of the dismissed soldiers to the ones sought for by the employers. It includes i.a.: Career counselling, retraining, learning a profession, internship, employment agencies – delivered by the specially assigned bodies (see table no. 2) (Ordinance of the Minister of National Defence: 2004, 2008, 2010). Such support is provided to the soldiers completing at least four-year tenure of service, except for the situations when a soldier dismissal is a result of the medical board issuing a 4F in

the wake of an accident occurred in relation with performing the service or an illness caused as a result of specific conditions and service abroad. In such cases, support is not time-restricted.

Table 2

Types of reconversion support

Type of support	Scope and conditions of support
Career counselling	performed with consent from a military unit officer in command as a part of the joint support for the professional soldiers or as a part of the individual support for the soldiers who had served at least three years;
Career retraining	the soldiers who had served at least four years have the right to use the support two years before and two years after the service end, especially: <ul style="list-style-type: none">– training in a training centre,– refund of costs associated with commuting to a training centre,– reimbursement of costs related to accommodation during the training period;
Employment agency	the soldiers who had served at least four years have the right to use the support two years before and two years after the service end, especially in the scope of finding a job following the military service;
Internship	For the soldiers who had served at least nine years, six months from being dismissed from the service. The internship is possible when its finishing is required to find a job. Such support includes: <ul style="list-style-type: none">– internship,– refund of costs associated with commuting to a place of internship,– reimbursement of costs related to accommodation during the internship period.

Source: Prepared based on the Act on military... 2003, item 1750 and the Ordinance of the Minister of National Defence of 13 June 2011 on support in providing career counselling, retraining, employment agency and internship

Internship at an employer's job placement is the reconversion support with a growing interest shown by the soldiers in recent years, and different forms of retraining are used with unfaltering attention, i.a. courses, training and specific professional training. The most often selected ones are: driving license courses, language courses and higher education studies (Rogoń 2017).

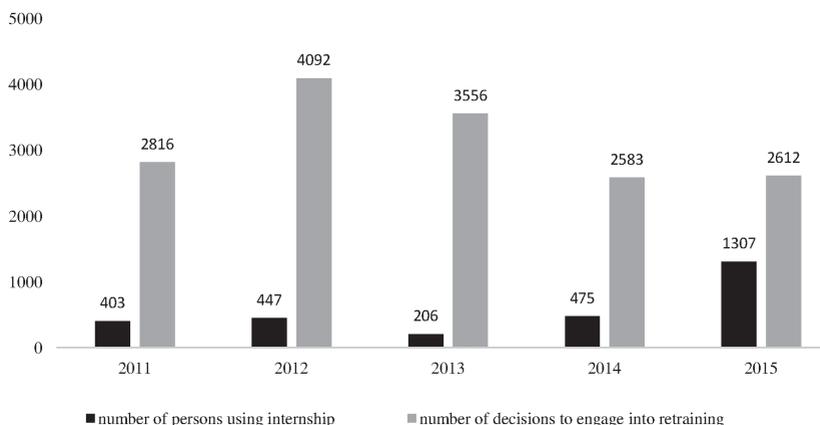

Figure 2. Selected forms of reconversion support for professional soldiers between 1 January 2011 and 31 December 2015

Source: prepared on the basis of Rogoń 2017

The growing interest in internship shows that soldiers do understand the challenges of the modern job market that faces the above inadequacies, namely: outdated competences, generational gap regarding some of the professions, lack of professional experience or, at times, relatively high qualifications, incidental nature of cooperation with employers. Internship at an employer's job place significantly improves chances for finding a job, since an employer may check soldier's competence and suitability for a job during soldier's service and without incurring the costs of employment. The effectiveness of this form of support was indicated by the professional activation centres which, in the study of 2015, stressed that 78% of the individuals who engaged in the internship in 2014 found jobs. With reference to the mentioned limitations, retraining is also a suitable answer to outdated competences that are extended due to courses, training and studies (the share of persons finding employment after retraining amounted to 84% in 2014) (Rogoń 2017).

Summary

In comparison to other organizations, the armed forces stand out as having specific goals and tasks which are significantly conditioned by: international situation, including the nature of surrounding threats, agreements with allies, development of new technologies, doctrines and defence

strategies, legal provisions, budget expenses, social, economic and political situation, as well as internal potential of an organisation. Impacted by these conditions, specific sub-systems within an organisation are transformed, including the psycho-sociological sub-system. Quantitative transformations in the processes of redundancies and enrolment are concurrent. The reconversion services play a crucial role in the process of soldiers' redundancies by offering support in their retraining and finding a job at the labour market. Directions and types of support depend on the fields of expertise represented by soldiers, demand for these fields in specific regions as well as economic characteristics in the regions.

Bibliography

- Act on military service of professional soldiers, *Journal of Laws* 2003, No. 179.
- Barometr zawodów 2017 (2016) *Raport podsumowujący badanie w Polsce*, Kraków: Wojewódzki Urząd Pracy. (In Polish)
- Bielski M. (2004) *Podstawy teorii organizacji i zarządzania*, Warszawa: C.H. Beck. (In Polish)
- Kalinowski M. (2012) Zwalnianie pracowników, [w:] Golnau W. (red.), *Zarządzanie zasobami ludzkimi*, Warszawa: CeDeWu.pl. (In Polish)
- Kościelecki L. (2010) Zarządzanie potencjałem społecznym w warunkach globalizacji. Rekonwersja kadr wojskowych w Polsce, Warszawa: AON. (In Polish)
- Krzyszowska P. (2015) *Zwolnienia pracowników jako nieuchronny proces zachodzący w działalności każdej organizacji*, "Zeszyty Naukowe Politechniki Śląskiej", Seria: Organizacja i zarządzania, z. 82. (In Polish)
- Litwin J. (2012) Okresowe oceny pracownicze, [w:] W. Golnau (red.), *Zarządzanie zasobami ludzkimi*, Warszawa: CeDeWu. (In Polish)
- Markusen A., Oden M. (1994) *Regional Adjustment of Defence Dependent Regions in the Post-Cold War Era*, Paris: OECD.
- Piotrowska-Trybull M. (2013) *Jednostki wojskowe w rozwoju lokalnym w Polsce po roku 1989*, "Zeszyty Naukowe AON", Warszawa: AON. (In Polish)
- Pocztowski A. (2007) *Zarządzanie zasobami ludzkimi. Strategie, procesy, metody*, Warszawa: Polskie Wydawnictwo Ekonomiczne. (In Polish)
- Registered unemployed, free job positions and places of occupational activation according to occupations and fields of expertise in the second half of 2016*, Ministry of Family, Labour and Social Policy, Department of Labour Market, February 2017, p. 198.
- Rogoń R. (2017) *Rys historyczny rekonwersji kadr Sił Zbrojnych RP, lata 1989–2016*. Available: <http://www.wojsko-polskie.pl/pl/articles/rekonwersja-i-rekonwersja-kadr-w-latach-1989-2016/> (accessed on: 6.04.2017). (In Polish)

- Rozporządzenie Ministra Obrony Narodowej z dnia 20 marca 2008 r. w sprawie szczegółowych warunków i trybu korzystania przez żołnierzy zawodowych i byłych żołnierzy zawodowych z pomocy w zakresie przekwalifikowania, doradztwa zawodowego lub pośrednictwa pracy, Dz. U. Nr 54 poz. 344. (In Polish)*
- Rozporządzenie Ministra Obrony Narodowej z dnia 30 kwietnia 2010 r. w sprawie pomocy w zakresie doradztwa zawodowego, przekwalifikowania zawodowego, pośrednictwa pracy i odbywania praktyk zawodowych, Dz. U. Nr 87, poz. 566. (In Polish)*
- Rozporządzenie Ministra Obrony Narodowej z dnia 7 czerwca 2004 r. w sprawie szczegółowych warunków i trybu korzystania przez żołnierzy zawodowych i byłych żołnierzy zawodowych z pomocy w zakresie przekwalifikowania, doradztwa zawodowego lub pośrednictwa pracy, Dz. U. Nr 147, poz. 1549. (In Polish)*
- Sidor-Rządkowska M. (2003 a) Zwolnienia pracowników a polityka personalna firmy, Kraków: Oficyna Ekonomiczna. (In Polish)*
- Sidor-Rządkowska M. (2003 b) Trudna sztuka rozstań, "Zarządzanie zasobami ludzkimi", nr 5. (In Polish)*
- Sirko S. 2013, Ewolucja funkcji personalnej w siłach zbrojnych, Warszawa: AON. (In Polish)*
- Spytek-Bandurska G. (2003) Zwolnienia grupowe z perspektywy rynku pracy. Aspekty prawne i społeczne, Warszawa: IPS UW. (In Polish)*
- Społeczno-ekonomiczne skutki likwidacji garnizonów ujętych w programie przebudowy i modernizacji technicznej sił zbrojnych RP w latach 2001–2006 oraz jego kolejnych aktualizacji w latach 2001–2003 (2005). Warszawa: RCSS. (In Polish)*
- Zarejestrowani bezrobotni oraz wolne miejsca pracy i miejsca aktywizacji zawodowej według zawodów i specjalności w II półroczu 2016 r. (2017). Warszawa: MRPiP. (In Polish)*

**Сокращения военного персонала —
причины, масштабы и формы поддержки уволенных**

Резюме

В статье обсуждается вопрос об увольнении сотрудников на примере военного персонала. Основное внимание в работе уделено выявлению причин, по которым военнослужащие были уволены, и определению областей знаний уволенных военнослужащих в контексте их шансов на занятость на гражданском рынке труда. Также, сформулированы формы поддержки военного персонала, прекращающего свою службу. Анализ позволил сделать вывод о том, что шансы на то, что военнослужащие найдут работу после окончания службы, зависят от их военной компетенции, уровня профессиональ-

ных компетенций и ситуации на рынке труда в регионе. Деятельность реконверсионных служб должна считаться решающей в контексте заботы о будущем сотрудника (показатель организационной культуры), укрепления социального доверия, создания позитивного имиджа вооруженных сил в обществе и влияния на повышение интереса к работе военнослужащих.

Ключевые слова: военный персонал, причины увольнений, область знаний, реконверсия.

Nataliia Stukalo, Anastasiia Simakhova (Ukraine)

TRANSITION MODEL OF SOCIAL ECONOMY: PROBLEMS OF DEVELOPMENT

During the last century there were distinguished several models of social economy, which differ by a certain set of characteristics, but proved their viability and effectiveness.

Models of social economy are actively explored in scientific literature. Four different classical models of social economy were distinguished, which include Liberal, Scandinavian, Corporatist, and Mediterranean. However, studies of development of social economy in the countries with transition economy are rather limited. Since these countries include the vast majority of the former social countries, which after disintegration of the Soviet Union chose the path of market transformations, the issue of social model of development of countries with transition economy is quite relevant.

The goal of this research is to focus attention on distinguishing the transition model of social economy and to determine its place among social models.

The research result was substantiation of necessity of distinguishing the transition model of social economy under modern conditions. Such social model is mostly characterized by differentiation of the population, inflexibility of labor market, bureaucratism, low share of budget expenditures for social needs, transformation of social sphere and forms of property, high educational level of citizens.

Practical significance of the conducted study is that based on the experience of the developed countries of the world, it is important to adopt characteristics of their social economies models for subsequent implementation by the countries with transition economy.

Key words: model of social economy, transition economy, globalization, classical social models.

Introduction

Every country has its unique model of social economy; there are countries, the models of which due to certain factors (cultural, historical, economic, social, etc.) are quite similar. There is no unified model of social economy, which would be completely identical in all countries. However, a number of authors distinguish similar by their characteristics social models, which are based on general values of social growth of society. Among these researchers are G. Esping-Andersen (1990), A. Sapir (2005), Z.I. Halushko (2009), and E. Manolescu (2011). These scientists

separated four classic models of social economy: Liberal, Scandinavian, Corporatist, and Mediterranean. Somewhat other models of social economy were distinguished by such scientists as Wilensky H.L., Lebeaux C.N. (1958), Titmuss R.M. (1965), E. Bukodi, and P. Robert (2007). Only the last of the mentioned scientists explored the model of social economy for countries with transition economy. Other classifications refer only to developed countries with market economy, because a country can have effective social economy, when it has strong economic basis (Simakhova 2016).

This fact determined the relevance of the problem that was raised for research. So, the goal of the article is to determine the place of transition model of social economy among the other social models.

Classification of models of social economy

In the middle of the XX century, British sociologists Wilensky H.L. and Lebeaux C.N. distinguished two social models: residual and institutional (Wilensky, Lebeaux 1958). In the residual model, the state solves social problems only in extreme cases, all individual needs of citizens are satisfied through family and insurance institutions. Thus, the state social assistance is aimed at the most vulnerable layers of population and is only of temporary nature. In this model, social well-being is ensured through stimulation of self-providing of citizens at the expense of taxes (life insurance, annuity insurance, saving accounts, etc.) and support of consuming capacity of citizens through subsidizing the businesses that manufacture social goods and services and take part in social programs.

Thus, the residual model implements the postulates of social economy, when the state does not solve all social problems at once, but rather offers citizens an opportunity to solve them by themselves, supporting only in difficult situations. For example, obligations of recipients of social assistance from the state to look for a job actively, to work part-time, etc. This model is characteristic for the USA, Canada, Great Britain, Ireland and Australia.

Instead, with the institutional model, more people receive social assistance; there are services and institutions that render help for citizens to satisfy the needs of the level of living and health. Social welfare is considered as one of the state functions and everyone, who needs it, gets it irrespective of the sum of previous contributions to insurance and pension funds. The state actively interferes into the market mechanism to ensure perform-

ance of social tasks. Social welfare has a comprehensive character. Institutional model is characteristic for Sweden, Norway, Luxemburg, Denmark, the Netherlands, etc. The models, proposed by H. Wilensky and C. Lebeaux differ by degree of interference of the state into social security and distribution of costs for social needs (Wilensky, Lebeaux 1958).

Subsequently, this classification of model of social economy was supplemented by British professor R.M. Titmuss with the third model, which he called corporatist or professional model. In this model, employers are the main figures in social security (Titmuss 1965). Those who work receive social support (for example, immediate social assistance, subsidizing of goods and services purchasing, etc.) Corporatist model is implemented in Germany, Belgium, France, Austria, Japan and Spain. R.M. Titmuss called the first two models in his own way: residual model of social security was called “fiscal” due to its association with taxation policy, while the institutional model was called “the model of social well-being” due to its comprehensive character and orientation towards a wide variety of people (Titmuss 1965).

No doubt, classification of both H. Wilensky and C. Lebeaux were not ideal and were subject to criticism by other scientists due to lack of distinct criteria, when it comes to distribution of the world’s countries by models, and being superficial (Arcanjo 2006). Despite this, it should be noted that these classifications made up a basis for subsequent systems of distribution of the world’s countries by social models.

A prominent specialist who explored the issue of classification of the models of social economy is Dutch scientist G. Esping-Andersen (1990). Thus, the foreign scientist proposed the following criteria of classification of social economy: changes in systems of stratification, degree of extension of social rights and social-private organization of social security. Based on these criteria, the scientist differentiates between the liberal, conservative (corporatist) and social-democratic (universal, Scandinavian) model of social economy (Esping-Andersen 1990). The liberal model is a prototype of the residual model of social welfare of H. Wilensky and C. Lebeaux (1958). The conservative model is oriented towards traditional families with the traditional role of a woman and class distribution of population. The social-democratic model guarantees universality of social protection. In this classification, the conservative model is intermediate between the universal and social-democratic models. It should be noted that the cited classification has been actively refined by scientists lately.

The followers of G. Esping-Andersen, European scientists A. Sapir (2005), E. Manolescu (2011), and Ukrainian scientist Z.I. Halushka (2009) also distinguished the fourth model – the Mediterranean, which is characterized by considerable attention to pension provision, high differentiation of recipients of social support according to their status. The system of social security is aimed at preserving work places with ousting of elderly employees from the job market. These criteria caused distinguishing of the fourth classical model of social economy.

Transition model of social economy

It is necessary to note that all above mentioned models are distinguished for the countries with market economy, where the grounds of well-being provision were formed (Stukalo, Simakhova 2017). In this case, the main tools of provision of high living standards are social insurance and state social guarantees.

Position of the countries with transition economy among the models of social economy is rather interesting. Thus, in line with the European scientific ideas, scientists E. Bukodi and P. Robert (2007) differentiate between six models of social economy for European countries:

1. Social-democratic model is a variety of the universal model of G. Esping-Andersen, which is characterized by a high level of social protection, security, unemployment help, employment flexibility (characteristic for Sweden, Denmark, Iceland, Finland, Norway, and the Netherlands).
2. Conservative model is a variety of the corporative model of G. Esping-Andersen, which implies that social payments depend on employment of a person, has a considerable list of welfare payments (characteristic for Germany, Austria, Belgium, France and Luxembourg).
3. Liberal model is a variety of the social model of G. Esping-Andersen, in which a considerable role in social policy is played by free market; recipients of social payments are properly checked, population employment is actively supported (Great Britain, Ireland).
4. Mediterranean model is a social model, which is characterized by active support of a family, selective employment policy, non-uniformed system of welfare rendering (Greece, Italy, Malta, Portugal, Spain, Cyprus).
5. Post-socialist: conservative model is a model with medium level of social protection, in which assistance at the job market is mostly

rendered as non-monetary social welfare (Czech Republic, Slovakia, Slovenia, Poland and Hungary).

6. Post-socialist: liberal model is a model, which is characterized by flexible job market, lack of effective employment policy, lack of desire of employers to keep to legal social norms (Latvia, Estonia, and Lithuania).

This classification differs from aforementioned by somewhat different distribution of the countries by models, as well as by distinguishing of two models for countries with transition economy – conservative post-socialist and liberal post-socialist.

From our positions, if we speak about the countries which transfer from command-administrative to market economy, we should propose the transition model of social economy.

Development of social economy in the countries with transition economy coincides with the general processes of transformation of the economic system. The main characteristics of such social model include differentiation of population, inflexibility at job market, bureaucratism, low part of budget expenditures for social purposes, transformation of the social sphere and forms of property, and high educational level of citizens.

Needless to say, a range of problem issues in terms of development of transition model of social economy lead to necessity to implement experience of the countries with classic models of social economy. In particular, promising directions for the transition model of social economy are introduction of comprehensive social insurance, job market activation, increasing the healthcare level, diversification of sources of financing of social sphere, as well as increasing of a share of budget social expenditures.

Conclusions

Under global conditions, social models of the world's countries transform and approach each other, the new tendencies of their development are distinguished, and therefore, it is not worthwhile limiting consideration of the global metrics of social economics of the countries only to classical models of social economy.

In our opinion, the transition model of social economy is distinguished, which is oriented towards reforming social sphere and entering a high level of social welfare¹ in the countries with transition economy. The con-

¹ Сімахова А.О. Класифікація моделей соціальної економіки у глобальному розумінні / А.О. Сімахова // Інформаційне суспільство: технологічні, економічні та технічні аспекти

ducted research revealed the main characteristics of the given model, which include a number of problem issues. The prospects of overcoming the negative phenomena in the development of the transition model of social economy may include the experience of the country with the classical models of social economy.

Subsequent scientific studies in this direction will involve analysis of the matrix of statistical data on development of the transition model of social economy in order to identify weaknesses and strengths of this model.

Bibliography

- Arcanjo M. (2006) *Ideal (and real) types of welfare state*. Available: <http://pascal.iseg.utl.pt/~depeco/wp/wp062006.pdf> (accessed on: 06.10.2017).
- Bukodi E., Robert P. (2007) *Occupational Mobility in Europe. European Foundation for the Improvement of Living and Working Conditions*. Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities. Available: <http://edz.bib.uni-mannheim.de/daten/edz-ma/esl/07/ef0711en.pdf> (accessed on: 05.10.2017).
- Esping-Andersen G. (1990) *The Three Worlds of Welfare Capitalism*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press.
- Halushka Z.I. (2009) *Socialization of transformation economy: characteristics, problems and priorities*, Chernivtsi: Chernivtsi national university. (in Ukrainian)
- Manolescu E. (2011) Socio-economic Models during the Period of Crisis. *Theoretical and Applied Economics*, 9 (562), pp. 173–180.
- Sapir A. (2005) “Globalisation and the Reform of European Social Models” (Background document for the presentation at ECOFIN informal Meeting in Manchester, 9 Sept. 2005). Available: <http://www.bruegel.org> (accessed on 05.07.2017).
- Simakhova A.O. (2016) Analysis of the Foreign Economic Factors Impact on the Welfare of Ukrainians in the Conditions of the World Integration Processes. *Marketing and Management of Innovations*, 3, 263–271. (in Ukrainian)
- Stukalo, N., Simakhova A. (2017) Social economy models in market conditions. *University Economic Bulletin*, 34 (1), pp. 214–220. (in Ukrainian)
- Titmuss R.M. (1965) The role of redistribution in social policy. *Social security bulletin*, 39, pp. 14–20.
- Wilensky H.L., Lebeaux C.N. (1958) *Industrial society and social welfare*. New York: The Free Press.

Транзитивная модель социальной экономики: проблемы развития

Резюме

За последнее столетие было выделено несколько моделей социальной экономики, которые отличаются определенным набором характеристик, доказали свою дееспособность и эффективность.

В научной литературе активно исследуют модели социальной экономики. Выделено четыре классические модели социальной экономики — либеральная, скандинавская, корпоративистская и средиземноморская. Однако достаточно ограниченными являются исследования развития социальной экономики в странах с транзитивной экономикой. Поскольку к таким странам относится преимущественное большинство бывших социалистических стран, которые после распада Советского Союза выбрали путь рыночных преобразований, то актуальным является вопрос социальной модели развития стран с транзитивной экономикой.

Целью данного исследования является акцентирование внимания на выделении транзитивной модели социальной экономики и определение ее места среди социальных моделей.

Результатом исследования стало обоснование необходимости выделения транзитивной модели социальной экономики в современных условиях. Основными характеристиками такой социальной модели являются расслоение населения, негибкий рынок труда, бюрократизм, невысокая доля бюджетных выплат на социальные цели, трансформация социальной сферы и формы собственности, высокий уровень образованности граждан.

Практическое значение проведенного исследования заключается в том, что, опираясь на опыт развитых стран мира, важным является перенимание характеристик их моделей социальной экономики для дальнейшего внедрения странами с транзитивной экономикой.

Ключевые слова: модель социальной экономики, переходная экономика, глобализация, классические социальные модели.

РЫНОК ТРУДА В УКРАИНЕ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА И СТРУКТУРНЫХ РЕФОРМ

Структурные изменения на рынке труда обусловлены трансформацией общественных и экономических отношений в современном глобализованном мире.

В Украине происходит обострение социальных процессов, углубление кризисных явлений в социальной сфере, рост безработицы в силу политического, экономического кризиса, военного конфликта на Востоке страны, падения уровня жизни населения. Структурные реформы не являются действенными и не дают желаемых результатов. Поэтому *главной целью исследования автора* является поиск эффективных решений в сфере регулирования вопросов занятости населения, развития рынка труда в новых условиях.

Исходя из цели исследования, мы определили *главные задачи*: выявить нужды молодежи в сфере трудовой занятости, обосновать основные элементы модели развития социального предпринимательства как направления государственного регулирования рынка труда, предложить научно-методического обеспечение разработки стратегии изменения рынка труда в Украине в условиях структурных реформ.

Проводя исследование, мы использовали *методы* теоретического обобщения, сравнения, анализа и синтеза, системного анализа, социологического исследования.

Важным результатом нашего исследования является модель социального предпринимательства как одного из перспективных направлений государственного регулирования рынка труда в Украине в условиях структурных реформ.

Ключевые слова: рынок труда, кризис, структурные реформы, экономически активное население, диспропорции в национальной экономике, дисбаланс.

Введение

В условиях политического, экономического кризиса, военного конфликта на Востоке Украины, падения уровня жизни населения важное значение имеет рынок труда, улучшение занятости населения, достойный уровень жизни населения. Структурные изменения на рынке труда обусловлены трансформацией общественных и экономических отношений в современном глобализованном мире. Усиле-

ние конкуренции, развитие экономики знаний, информационных технологий, изменения в содержании и формах труда нуждаются в обновлении системы регулирования рынка труда. Для Украины также актуальными являются внутренние факторы социально-экономической нестабильности, связанные с ухудшением ситуации в промышленности, сельском хозяйстве, финансовом секторе, усилением социальной напряженности в обществе на фоне снижения уровня жизни населения, ухудшения условий занятости, территориальными и профессионально-квалификационными диспропорциями между спросом и предложением на рынке труда, обострением ситуации на локальных рынках труда. Среди инструментов регулирования рынка труда наиболее перспективными являются те, которые учитывают объективный тренд глобальных рынков и направлены на активизацию сбалансированности рынка образовательных услуг и рынка труда, прогнозирование объема и структуры спроса и предложения на рынке труда, повышение конкурентоспособности специалистов и расширение круга достойных рабочих мест. Проблемными группами для украинского рынка труда являются: образованная молодежь (имеющая высшее образование и не имеющая возможности найти соответствующее квалификации место работы); временно перемещенные лица, демобилизованные участники антитеррористической операции и люди старшего трудоспособного возраста. Проблемы всех этих групп требуют глубокого изучения, обобщения с учетом ратифицированного Соглашения об ассоциации между Украиной и Европейским Союзом, Стратегии устойчивого развития «Украина 2020».

Степень изученности проблемы

Вопросы рынка труда исследуют многие ученые. Теоретическую основу современных исследований составляют работы классиков и крупных авторитетов экономической теории конца 20 века: Л. Вальраса (Walras 2010), Т. Веблена (Veblen 2010), Дж. Гелбрейта (Galbraith 1976), Дж. Кейнса (Keynes 2009), П. Кругмана (Krugman 2012), А. Маршалла (Marshall 1890), Ж.-Б. Сейя (Say 1803), А. Сена (Sen 2004), А. Смита (Smith 2007), Д. Рикардо (Ricardo 2010).

Рынок труда, на котором формируются спрос и предложение рабочей силы, занимает центральное место среди других рынков. Главной задачей рынка труда является обеспечение оптимальной

мобильности трудоспособного населения и удовлетворение спроса и предложения на рабочую силу.

Институционалисты Т. Веблен, Дж. Данлоп, Дж. Коммонс, Дж. Гэлбрейт утверждают, что рынок труда представляет собой площадку ведения переговоров между предпринимателями и работниками и описывает правила поведения субъектов на этой площадке. На рынке труда существует несоответствие особенностей динамики отдельных отраслей, социальных, профессиональных и демографических групп. Институционалисты главную идею обосновывают на необходимости усиления социального контроля над экономикой и вопросе о социальных гарантиях занятости.

Макроэкономический анализ рынка труда имеет свое начало в труде Дж. М. Кейнса «Общая теория занятости, проценты и деньги», в котором сделан анализ занятости и безработицы, факторам, которые их определяют. Кейнс считает, что увеличение объема спроса приведет к стимулированию производства, государство увеличит расходы на создание новых рабочих мест, организацию общественных работ.

Кейнс разработал теорию мультипликатора, согласно которой инвестиции увеличат занятость в отраслях, будут стимулировать и другие отрасли, увеличат общий уровень занятости.

Рынку труда посвящены труды В.С. Буланова. Т. Тихомирова убедительно доказывает, что рынок труда является рынком обязательств, которые отражаются в договоре найма.

Такой же подход к вопросу рынка труда мы находим в работах А.И. Рофе, А.Е. Котляра, Б.Г. Збытко, В.В. Ишина.

В.А. Калинецкий и В.П. Патрикеев утверждают, что рынка труда вообще не существует с ликвидацией права рабовладения.

Важные результаты достигнуты исследователями в постсоветских странах Центральной и Восточной Европы: Е. Ванкевич (Vankevich 2017), В. Воронова (Voronov 2017), В. Меньшикова (Menshikov 2010) и др.

Значительные исследования проведены украинскими учеными — В. Антонюк (Antoniuk 2016), Т. Боголиб (Bogolib 2016), Е. Гришновой (Grishnova 2005), М. Долишним (Dolishny 1978), С. Злупко (Zlupko 1995), А. Колотом (Kolot 2010), Э. Либановой (Libanova 2010), Л. Лисогор (Lisogor 2003), Л. Семив (Semiv 2011). Но особое внимание заслуживают работы современных ученых Mandelman (2016) о

популяризации рынка труда, Barbieri P. & Cutuli G. (2015) о правовом регулировании рынка труда, Wulfgramm M. & Fervers L. (2015) о взаимосвязи безработицы, стабильности занятости и рынка труда, Riekhoff A. (2017) о реформе рынка труда и постоянной жесткой экономии, Shapiro A. & Gomez A. (2017) о развитии рынков труда и динамике кредитирования в странах с переходной экономикой, Zenou Y. (2015) о динамической модели слабых и сильных связей на рынке труда, Diodato D. & Weterings ABR (2015) о влиянии региональных рынков труда на экономические потрясения, Cacciatore M. & Fiori G. (2016) о макроэкономических последствиях дерегулирования рынков товаров и труда, Crepon B. & van den Berg G.J. (2016) об активной политике рынка труда. В Украине практически не изучены вопросы занятости населения старшего трудоспособного возраста, вопросы трудоустройства молодежи, вопросы трудовой деятельности временно перемещенных лиц и участников антитеррористической организации. Требуют разработки новые инструменты и методы развития рынка труда в современных условиях.

Основная часть исследования

На основе анализа теорий классической (А. Смит, Ж.-Б. Сей) (Smith 2007; Say 1803), кейнсианской (Дж.М. Кейнс) (Keynes 2009), человеческого капитала (А. Сен) (Sen 2004) установлено, что занятость населения, формирование рынка труда эволюционировала от способа получения доходов до способа развития человеческого капитала.

Рынок труда в Украине ориентирован на производственный сектор, сектор услуг, сектор малого и среднего предпринимательства (Zlupko 1995). На рынке труда происходят изменения, направленные на: переход от сферы материального производства в сферу производства нематериального; увеличение доли высокотехнологических производств, внедрение новых технологий и изменений в организации производства; увеличение спроса на высокообразованных и высококвалифицированных работников, которые имеют высокий инновационный потенциал; распространение нестандартных форм занятости. В Украине в современных условиях государственные институты имеют ключевую роль в формировании рынка труда, а деятельность негосударственных институтов дает возможность оперативно реагировать на вызовы в сфере занятости.

На основе проведенной оценки состояния рынка труда и трансформационных изменений в структуре занятости выявлено, что в Украине существует значительный профессионально-квалификационный и количественный дисбаланс в структуре рынка труда диспропорций в национальной экономике, изменений половой и возрастной структуры экономически активного населения, отсутствует механизм обеспечения преемственности поколений по отдельным профессиям. Последствия дисбаланса между спросом и предложением на рынке труда, производительностью труда, проявляются одновременно с распространением структурной и технологической безработицы, росте рисков социального отторжения в сфере труда для уязвимых групп трудоспособного населения, высоких показателей нагрузки на одно свободное рабочее место.

Рисунок 1. Динамика количественного дисбаланса на рынке труда Украины

Источник: *расчитано автором по Population. Official web-page of the State Statistics Service of Ukraine 2017*

В ходе анализа данных установлено, что сегодня в Украине очень сложная ситуация на рынке труда, которая зависит от событий, которые происходят на Востоке страны: демографические потери, разрушенная инфраструктура, ухудшение психологического состояния и физического состояния населения, масштабные внутренние и внешние миграционные перемещения, экономический упадок и обострение

рисков безработицы, угроза потери промышленного сектора экономики. В условиях активизации процесса вынужденного перемещения региональные рынки труда имеют проблему появления новой категории граждан, которые нуждаются в трудоустройстве. Временно перемещенные лица (высококвалифицированные, хорошо профессионально подготовленные люди), — их называют в Украине «новыми бедными». Чаще всего это врачи, работники образования, ученые и др., которые потеряли работу и сталкиваются с невозможностью быстрого трудоустройства. Государственная служба занятости встретила с этим явлением впервые. В Украине насчитывается по данным ОБЭСЕ 1,3 млн. перемещенных лиц, из них имеют работу, которая зачастую не отвечает уровню их квалификации и подготовки 300000 чел., 1 млн. чел. вообще не имеют никакой работы (Official reports 2017).

Сложная ситуация в зоне АТО, где предприятия практически не работают, а учреждения имеют небольшое количество сотрудников. Количество граждан в зоне АТО не имеющих работы ОБЭСЕ насчитывает на уровне 1,5 млн. чел. Проблемой является и так называемая «серая зона», которая никому не подконтрольна, там вообще нет работы, даже домашние хозяйства через систематические боевые действия практически не функционируют. В общей сложности число не работающей, но экономически активной рабочей силы составляет около 3 млн. человек (Official reports 2017).

Что касается трудоустройства внутренне перемещенных лиц, необходимо отметить, что только в 2014–2016 годах в Государственную службу занятости обратились за помощью о трудоустройстве 79,5 тыс. жителей АР Крым, Донецкой, Луганской областей, из них 67,7 тыс. жителей, которые получили справку о взятии на учет как перемещенные лица. Анализ статистики свидетельствует о низком уровне обращения граждан за помощью к государству — только 5% перемещенных лиц обратились в центры занятости с целью трудоустройства в других регионах Украины (Population. Official web-page of the State Statistics Service of Ukraine 2017).

Проведенный анализ позволил определить основные проблемы трудоустройства внутренне-перемещенных лиц: недостаточное количество рабочих мест и вакансий с предоставлением жилья; несоответствие уровня предлагаемой заработной платы ожиданиям временно перемещенных лиц; неопределенность внутренне перемещенных лиц в вопросе продолжительности пребывания их в регионе; надежда на быстрое возвращение домой; отказ работодателей в трудоустройстве

внутренне перемещенных лиц в связи с их временным пребыванием в регионе; не желание менять профессию; неуверенность внутренне перемещенных лиц в своих силах и возможностях, то есть социальное отторжение.

Внутренне перемещенные лица рассчитывают на помощь государства, но государство за три с половиной года не разработало Программы оказания помощи внутренне перемещенным лицам, не оказало помощи в плане жилищных условий, работы именно по специальности. Экономически активное население в большинстве своем вообще нигде не работает, живет в арендованных квартирах в лучшем случае, в худшем случае в ангарах, общежитиях, которые давно не эксплуатировались.

Численность занятого населения в Украине в возрасте 15–70 лет в 2016 году составила 16,3 млн. лиц (в 2015 году – 16,4 млн. лиц, в 2014 году – 17,8 млн. лиц) (Constitution of Ukraine 2017). В структуре занятого населения 84,4% составляют наемные рабочие; 1,2% – работодатели; 14,2% – самозанятые, остальные – бесплатно работающие члены семьи (Situation on the Labor Market of Ukraine 2017). За 9 месяцев 2017 года количество занятого населения сократилось до 15,2 млн. чел.

Вместе с этим наметились положительные тенденции сокращения количества занятых в неформальном секторе экономики – в 2016 году по сравнению с 2015 годом на 342 тыс. чел. и численность этой группы составило 4,0 млн. лиц. Неформальная занятость наиболее распространена в сельском, лесном хозяйстве, оптовой и розничной торговли, ремонте транспортных средств, а также строительстве (Official reports 2017).

Почти 40% всего занятого населения проживает в Одесской, Львовской, Харьковской, Днепропетровской областях и г. Киеве. Уровень занятых в городах в 2015 году составлял 56,7%, в сельской местности – 54,9%, среди мужчин – 51,6%, среди женщин – 61,6% (Situation on the Labor Market of Ukraine 2017). Самый низкий уровень занятости в Донецкой, Волынской областях.

В 2016 году количество экономически неактивного населения было 10,9 млн. чел., трудоспособного – 17,9 млн. чел. (Constitution of Ukraine 2017). Численность безработных согласно статистике ООН 1,7 млн. чел. В городской местности – 1,1 млн. чел., в сельской местности – 0,6 млн. чел. (Situation on the Labor Market of Ukraine 2017). Самый большой уровень безработных среди молодежи (по методо-

логии МОТ) он составил 9,3% экономически активного населения (в 2015 году – 9,1%), в том числе среди лиц возрастом 25–29 лет – 11,7%, а среди молодежи до 25 лет – 23,0% экономически активного населения этой возрастной группы (Rozenko 2017). В странах ЕС уровень безработицы составляет в среднем 8,5%, среди молодежи до 25 лет – 18,7% (Constitution of Ukraine 2017).

В структуре безработного населения уволенных по собственному желанию – 33%, уволенных по экономическим причинам – 22,4%, доля тех, кто не нашел работу после окончания вузов – 15,6%, 9,7% населения имели работу сезонного характера (Population. Official web-page of the State Statistics Service of Ukraine 2017).

В I квартале 2017 года было осуществлено увольнение 78,6 тыс. чел., что меньше 2016 года (I квартал) на 42%. Государственная служба занятости в 2017 году имеет 1,8 млн. свободных вакансий, в большинстве своем на 0,2 млн. свободных мест больше, чем безработных лиц. Выходит парадокс, вакансий больше, чем безработных (Population. Official web-page of the State Statistics Service of Ukraine 2017).

С каждым годом растет количество рабочих мест и растет количество безработных. Если взять высококвалифицированное экономически активное население в 2016 году на 1 свободное место претендовало 11 чел., в 2017 году – 6 человек безработных. Украинское Правительство назвало по состоянию на 01.09.2017 года количество реальных трудоспособных граждан 18 млн. чел., работающих 11 млн. человек, количество безработных около 1,9 млн. чел. (Rozenko 2017). Произошел большой отток экономически активных людей в Российскую Федерацию до 1,5 млн. чел. это приграничные с РФ территории. В Украине мы видим разницу в официальных данных Государственной службы занятости, Кабинета министров, ООН, ОБЭСЭ.

На основе проведенного исследования региональных особенностей регулирования рынка труда установлено, что современная ситуация, которая сложилась на территории Донецкой и Луганской областей, значительно повлияла на функционирование ведущих отраслей экономики, и характеризуется отрицательными тенденциями, которые связаны с отсутствием достаточного количества качественных вакансий, сужением сферы применения труда, ростом нагрузки на локальные рынки труда в следствии увеличения внутренней миграции населения (рис. 2).

Анализ соотношения между профессиональной структурой спроса и предложения является основанием для вывода о структу-

ной неоднородности регионального рынка труда. По состоянию на 1 января 2016 года на каждое свободное рабочее место претендовало в среднем по Донецкой области (на подконтрольной Украине территории) 60 лиц (на 1 января 2015 года – 25 лиц). Самая большая разница между спросом и предложением в начале 2016 года отмечалась следующими профессиональными группами: почти в 132 раза превышало предложение правоведа, государственных служащих, руководителей, менеджеров, в 114 раз – на технических служащих, в 89 раз – на работников по сборке оборудования и машин. Указанные процессы обусловлены существенным сокращением количества предприятий (более чем на 60%) – по состоянию на 01.01.2014 года в области насчитывалось 28731 предприятий, а на 01.01.2015 года – 11366 предприятий. Такое существенное сокращение обусловлено тем, что большинство предприятий было сосредоточено в таких больших городах, как Донецк (50,0%), Макеевка (5,8%), Горловка (3,5%), которые находятся на не подконтрольной Украине территории (Brief Summary of Social and Economic Development of Ukraine 2017).

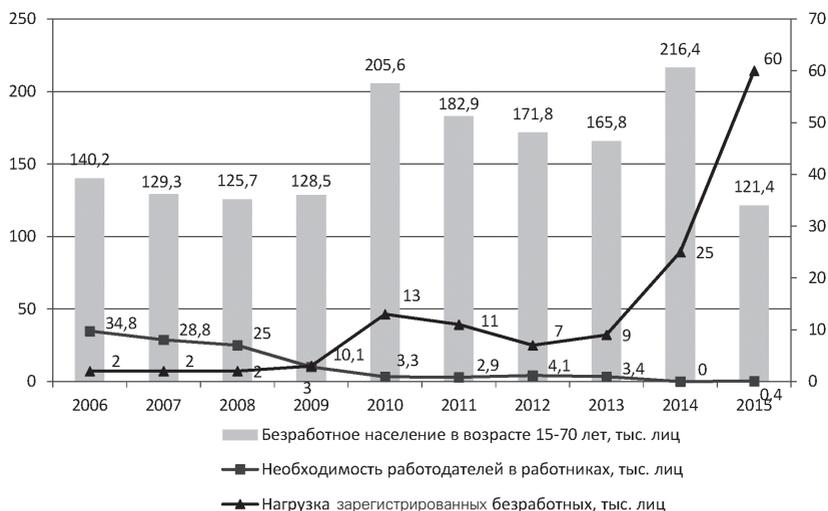

Рисунок 2. Дисбаланс между спросом и предложением рабочей силы на рынке труда Донецкой области в 2005–2015 годах

Источник: *расчитано автором по Brief Summary of Social and Economic Development of Ukraine 2017*

В Украине критическая ситуация на рынке труда молодежи. Все острее выступает проблема трудоустройства молодежи. Среди молодежи 28% – представители рабочих специальностей: строители, сварщики, сельскохозяйственные рабочие. Они зачастую не находят работы и 80% из них уезжают в страны ЕС, РФ, Канаду. 62% молодых людей имеют высшее образование, но не могут найти работу, которая достойно оплачивается (Situation on the Labor Market of Ukraine 2017).

Молодежь не может трудоустроиться потому, что работодатели требуют трудовой стаж. Отсутствие трудового стажа становится основной причиной отказа в трудоустройстве. Согласно Постановления Кабинета Министров Украины № 376 от 31 мая 2017 г. для выпускников высших учебных заведений не является обязательной отработка 3 лет как это было раньше, потому что работодатели не могут создать гарантированные рабочие места, приемлемые условия труда и условия проживания (Resolution of the Cabinet of Ministers of Ukraine «On Recognizing Certain Decisions of the Cabinet of Ministers of Ukraine as Invalid» 2017). Молодежь не имеет никаких гарантий трудоустройства. В Украине отсутствует программа трудоустройства молодежи, улучшения условий жизни. Социологические опросы свидетельствуют о том, что интересы, увлечения, способности 30% молодежи ориентированы на специальности, которые могут обеспечить достойный заработок. Исследования показывают, что 65% молодежи остаются без работы и средств существования, в конечном итоге трудоустраиваются на низкопроизводительные рабочие места, которые не способствуют повышению благополучия и не обеспечивают потенциал развития на макроуровне.

В Украине согласно данным Кабинета Министров Украины 3500 убыточных предприятий, которые ежегодно наносят ущерб государству на сумму 87 млрд. грн. Все это сказывается на трудоустройстве молодых людей, увеличивает уровень скрытой безработицы (Official reports 2017).

В украинской экономической науке отсутствуют научные исследования проблем занятости населения старшего трудоспособного возраста через возрастные ограничения на рынке труда. Экономически активное население в возрасте 45–59 лет подвергается дискриминации со стороны работодателей, не может реализовать свое право на труд, обусловленное в ст. 43 Конституции Украины (Constitution of Ukraine 2017).

Результаты статистического анализа показали, что на уровне экономической активности, занятости и безработицы население в возрасте 45–59 лет является относительно более успешным по сравнению с другими возрастными группами трудоспособного населения. У этой части нашего населения высокая мотивация к труду, профессионализм, дисциплинированность, занятость в личном домохозяйстве. Население этой группы имеет постоянное место жительства. Вместе с тем она потеряла экономическую активность, не имеет необходимого уровня адаптации к рыночным условиям, чаще занята неформальной деятельностью, согласна на низкоквалифицированную работу, в тоже время готова выезжать в другие страны в поисках работы. Работодатели проводят дискриминационную деятельность, они принимают на работу людей возрастом до 45 лет. Человек в возрасте 45–59 лет попадает в зону риска, когда сталкивается с отказом работодателей от приема на работу. Согласно нашему социологическому опросу только 10% работодателей согласны трудоустроить экономически активное население в возрасте 45–59 лет (Bogolib 2016).

Проблемы, которые существуют при трудоустройстве населения в возрасте 45–59 лет можно разделить на четыре базовых блока:

Проблемы экономического характера:

- архаическая структура отечественной экономики;
- отсутствие сдвигов в технологической структуре экономики;
- низкая экспортная ориентация и конкурентоспособность производимой продукции;
- недостатки инвестиционной политики и низкий уровень инновационного развития экономики.

Проблемы институционального характера:

- чрезмерная централизация взаимоотношений на рынке труда и иерархическо-вертикальное управление сферой занятости;
- недостатки в межинституциональных связях, которые отрицательно влияют на функционирование рынка труда;
- инертность, низкая адаптивность институтов к политическим и социально-экономическим изменениям;
- недостаточное информационное обеспечение противодействия возрастной дискриминации на рынке труда.

Проблемы социального характера:

- низкий уровень доходов населения в Украине;

- проявление возрастных притеснений при реализации прав на занятость и труд населением старшего трудоспособного возраста;
- несоответствие образовательно-квалификационного уровня населения в возрасте 45–59 лет современным условиям труда;
- ограниченные возможности доступа к социальным услугам по трудоустройству по причине несовершенства системы социального страхования.

Проблемы демографического характера:

- место жительства населения старшего трудоспособного возраста;
- изменения в динамике интенсивности внешней и межрегиональной трудовой миграции.

Трудовая дискриминация со стороны работодателей относительно населения 45–59 лет характеризуется как действие или бездействие, которое приводит к явному или скрытому противоправному ограничению реализации права населения на занятость и труд по признаку возраста. Трудоспособное население в возрасте 45–59 лет, как правило, подвергается дискриминационным ограничениям (возрастным) и не всегда может реализовать право на занятость и труд путем вовлечения в общественное производство, не может получить доход, удовлетворить нужды экономики в рабочей силе. Недостаточно работают государственные и негосударственные институты рынка труда, чтобы обеспечить конституционные права населения в возрасте 45–59 лет. Экономически активное население в возрасте 45–59 лет чаще всего уезжает в Россию, страны ЕС, Канаду.

Для украинского рынка труда проблемой является появление так называемых «новых безработных», «новых бедных». Это высококвалифицированные люди, которые потеряли работу в результате сокращения рабочих мест, в результате временного переезда в результате боевых действий на Востоке Украины, а также ученые, которые остались без работы в результате реорганизации научных учреждений. Многие высококвалифицированные работники имеют низкие доходы, которые не позволяют содержать семью и приводят к бедности. Малообеспеченные социальные группы людей вынуждены искать себе работу, которая не отвечает их уровню образования, но хорошо оплачивается или выезжать за границу и работать чаще всего не по специальности, но при этом иметь достойный заработок.

В период 2014–2017 годов в Украине значительно увеличилось число безработных среди людей с высшим образованием: их число

выросло с 4,2% (2013 год) до 36,4% (2017 год). Ситуация изменилась так, что более высокий уровень образования уже не позволяет высококвалифицированному населению получить более «хорошие» рабочие места. Их получают те, кто ближе к власти, несмотря на то, что они вообще не имеют необходимого образования (Constitution of Ukraine 2017).

В 2014–2017 годах согласно данным Государственной службы статистики среди лиц в возрасте 18–65 лет и имеющих высшее образование, доля занятых составляет 70%. Но она постепенно снижается и в 2017 году составила, к примеру, в медицине 43,7%. Много работает пенсионеров, а 61,4% молодежи стремиться уехать за границу. В Украине люди, имеющие высшее образование, хорошую профессиональную подготовку часто не могут претендовать на высокие должности, которые распределяются по принципу родства и кумовства (Bogolib 2016). Соответственно, высокообразованным людям, не имеющим родства и кумовства, предоставляются низкооплачиваемые должности.

В Украине дифференциация доходов влияет на занятость населения, на рынок труда. Люди с высоким уровнем образования, профессиональными навыками не всегда могут проявлять высокую экономическую активность, их шансы занять достойное место в экономике Украины мизерное, они часто занимают невысокие позиции в должностной иерархии. В Украине не работает модель – высокий уровень образования – высокий уровень занятости – высокий уровень доходов. К сожалению, главными критериями являются кумовство и сватовство.

В разряд малоимущего и крайне бедного населения попали люди с высшим образованием, учеными степенями, с высоким уровнем профессионализма. Наличие высшего образования и ученой степени не является в Украине гарантией обеспеченности, хорошей работы. Бедность стало основой существования не только многодетных семей, сельских жителей, но и так называемых «новых бедных». Риск бедности в Украине характерен в последние годы и для высокообразованных людей.

Таким образом, вероятность пополнить армию безработных, стать бедным зависит не только от экономических факторов, уровня образования, социальных проблем, но также от социальных процессов в обществе, специфики построения государственной иерархии, кумовства, сватовства, сложности восходящей трудовой мобильности с

низких должностей и отсутствия необходимых правовых механизмов в обществе в этой сфере.

В Украине в период 2014–2017 годов сложилась парадоксальная ситуация для людей, имеющих высокий уровень образования. Уровень образования не влияет на дифференциацию доходов через механизм отдачи от человеческого капитала; доходы населения не зависят от уровня образования; образование как ресурс для повышения доходов больше влияет на социальную мобильность, чем на трудоустройство граждан.

Это противоречит основам политической экономии. Суть основных ее положений заключается в том, что чем выше уровень образования населения, тем вероятнее его участие в рабочей силе, то есть экономическая активность. Экономически активным считается занятое в экономике и безработное население. В Украине 78% экономически активного населения имеют высшее образование и ученые степени, но среди них 62% людей, которые имеют мизерную заработную плату, в среднем 5600 грн. (220 дол. США). При этом прокуроры, судьи, работники антикоррупционных институций имеют заработную плату 200–900 тыс. грн., зачастую не имея необходимой квалификации, профессионализма, что вызывает озлобленность общества, приводит к социальному напряжению (Brief Summary of Social and Economic Development of Ukraine).

Экономика Украины не носит инновационного характера развития, поэтому значительная часть населения трудоустраивается на низкопроизводительные рабочие места, что не способствует повышению благосостояния и не обеспечивает потенциала развития на макроуровне (Libanova 2010).

На основе проведенного исследования мы предложили основные направления регулирования рынка труда Украины в условиях структурных реформ: предложена модель развития социального предпринимательства как направления государственного регулирования рынка труда; обосновано институциональное и организационно-информационное обеспечение среднесрочного прогнозирования профессионально-квалификационной структуры занятости; предложено научно-методическое обеспечение разработки структуры развития рынка труда.

Главным в условиях структурных реформ является достижение профессионально-квалификационного баланса, обеспечение высокого уровня конкурентоспособности населения на рынке труда, обес-

печение качественных параметров спроса и предложения на рынке труда, формирование структурно сбалансированной сферы занятости (Lisogor 2003). Положительными эффектами от реализации предложенного механизма является: обеспечение сбалансированности рынка труда, оптимизация содержания и объемов подготовки кадров, оптимизация нужд предприятий в кадрах, повышение эффективности планирования кадрового потенциала, рациональный выбор направления профессиональной подготовки, формирование культуры, инвестирования населения в собственное образовательное и профессиональное развитие.

В странах Европейского Союза большое значение формирования сбалансированной системы занятости имеет социальное предпринимательство. Модель социального предпринимательства ориентирована на решение социальных и общественных проблем при эффективном использовании трудовых ресурсов, она также снижает нагрузку на региональные рынки труда. Модель социального предпринимательства ориентирована в основном на сферу услуг. Сфера услуг в Украине практически не развита — это туризм, служба быта, служба сервисных услуг, служба организации досуга населения. Модель социального предпринимательства может стать действенной в Украине. Для этого необходимо разработать нормативно-правовое обеспечение для социальных предприятий, программы профессионального обучения, социальные кредитные программы. Ведь только согласно данных Государственной службы статистики в Украине 1,7 млн. безработных, ООН дает другую цифру — 1,5 млн. чел. без учета Донецкой и Луганской областей (Officiale reports 2017).

Предлагаемое системное институциональное обеспечение среднесрочного прогнозирования нужд экономики и социальной сферы в квалифицированных кадрах путем перераспределения действующих центров занятости и их аккумуляции в соответствующих подразделениях требует новой перспективной формы организации сбора, обобщения и распределения информации относительно профессий, отраслей производства и предприятий, прогнозирования нужд рынка труда в специалистах и рабочих кадрах, обеспечения качественного сбалансирования структуры спроса и предложений рынка труда.

Институциональное обеспечение должно стать основой создания действенного диалога между социальными партнерами на уровне

региона по вопросам согласования нужд и перспектив развития региональных кластеров экономики и образования.

В период 2014–2017 годов в Украине сократилось промышленное производство в 2014 году на 24,6%, в 2015 году – на 27,8%, в 2016 году – на 2,5%, за 6 месяцев 2017 года – на 2,7% (Brief Summary of Social and Economic Development of Ukraine 2017). В конечном итоге это привело к значительному сокращению числа занятых на производстве. За этот период пределы Украины оставили 5,8 млн. чел., среди них около 1,5 млн. человек – высококвалифицированные работники. Наибольший отток произошел в Российскую Федерацию, Польшу, Канаду, Италию, Испанию, Грецию, Португалию, Чехию, Словакию (Constitution of Ukraine 2017).

Отток экономически активного населения страны – это значительные потери для экономики государства. Поэтому на государственном уровне необходимо разработать стратегию развития рынка труда, которая будет учитывать региональные особенности регулирования рынка труда, инструменты ресурсного обеспечения реализации стратегии с учетом угроз, рисков.

Выводы

В Украине в условиях экономического кризиса, военных действий на Востоке сложился значительный профессионально-квалификационный дисбаланс на рынке труда. Основными причинами такого дисбаланса являются структурные диспропорции в национальной экономике, дисбаланс между спросом и предложением. Существует вынужденная неполная занятость, структурная и технологическая безработица, рост социального отторжения. Проблемой трудоустройства являются временно перемещенные лица, лица с высоким уровнем образования, молодежь и лица в возрасте 45–59 лет, имеющие хорошую профессиональную подготовку. Людям с высоким уровнем образования в возрасте 45–59 лет очень часто предлагают низкопроизводительные рабочие места, что не способствует повышению благосостояния и не обеспечивает потенциала развития на макроуровне.

Рынок труда в Украине не сбалансирован, он не направлен на повышение уровня занятости, уменьшение безработицы, что требует усовершенствовать программы занятости населения в аспекте содействия достижению профессионально-квалификационного баланса на рынке труда.

Важную роль в решении вопросов занятости может сыграть развитие социального предпринимательства как перспективного направления государственного регулирования рынка труда, что является качественно новой формой организации деятельности предприятий в Украине, которая направлена на применение нестандартных подходов к решению социальных проблем. Институциональное и организационно-информационное обеспечение является важным направлением стратегии трудовой занятости для развития региональных рынков труда, сбалансированности спроса и предложения, эффективности региональных рынков труда.

Библиография

- Antoniuk V. (2016) *Impact of Internally Displaced Persons on the Territorial Communities Development: Problems and Prospects*. Available: <http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/113894/2-Antonyuk.pdf?sequence=1>. (accessed on: 05.08.2017). (In English)
- Barbieri P., Cutuli G. (2015) Employment protection legislation, labour market dualism, and inequality in Europe. *European Sociological Review*, 32(4), 501–516. DOI: 10.1093/esr/jcv058. (In English)
- Becker G. (1993) Human Capital: [Chapters from the book]. USA: *Economics, Politics, Ideology*, No. 1, p. 110–119. (In English)
- Bobkov V.N. (1983) *Quality of Life: Concept and Measurement*, М., 495 p. (In English)
- Bogolib T.M. (2016) *Living Standard of Population of Ukraine in Conditions of Structural Crises and Global Challenges / Quality of Life of Russians: Socio-Economic, Political, Legal and Sociocultural Aspects: collective monograph: [ed. G.D. Gritsenko]*. Novosibirsk: Publishing House ANS “SibAK”, pp. 30–50. (In English)
- Brief Summary of Social and Economic Development of Ukraine* (2017) Available: <http://www.kabmin.gov.ua>. (accessed on: 05.08.2017). (In English)
- Cacciatore M., Fiori G. (2016) The macroeconomic effects of goods and labor markets deregulation. *Review of Economic Dynamics*, 20, 1–24. DOI: 10.1016/j.red.2015.10.002. (In English)
- Constitution of Ukraine (2017) K.: Verkhovna Rada, 84 p. (In Ukrainian)
- Crepon B., Van den Berg G.J. (2016). Active labor market policies. *Annual Review of Economics*, 8, 521–546. DOI: 10.1146/annurev-economics-080614-115738. (In English)
- Diodato D., Weterings A.B.R. (2015) The resilience of regional labour markets to economic shocks: exploring the role of interactions among firms and workers. *Journal of Economic Geography*, 15(4), 723–742. DOI:10.1093/jeg/lbu030. (In English)

- Dolishny M. (1978) *Formation and Use of Human Resources*, K., 364 p.
- Galbraith D.K. (1976) *Economic Theories and Society Objectives* [trans. from English.] M.: Progress, 405 p.
- Grishnova E. (2005) *Human Development*, K.: KNEU, 256 p. (In English)
- Keynes J. (2009) *The General Theory of Employment, Interest and Money*. M.: Fundamentals, 264 p.
- Kolot A. (2010) *Social and Labor Sphere: the State of Relations, New Challenges, Development Trends*, K.: KNEU, 422 p. (In English)
- Kosmin L.A. (1997) *The labor market and the theory of employment*, M.: AT and SB, 199 p. (In English)
- Krugman P. (2012) *Trade Policy and Market Structure*, Moscow: Fundamentals, 312 p. (In English)
- Libanova E. (2010) *Labor Market and Social Protection*, K.: Fundamentals, 491 p. (In English)
- Lisogor L. (2003) *Formation of the Labor Market in Ukraine: monograph*, K.: Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Ukraine, 506 p. (In English)
- Mandelman F.S. (2016) Labor market polarization and international macroeconomic dynamics. *Journal of Monetary Economics*, 79, 1–16. DOI: 10.1016/j.jmoneco.2016.01.004. (In English)
- Marshall A. (1890) *Principles of Economics*, London, 176 p. (In English)
- Menshikov V. (2010) Labour Market Quality: Investigation Experience in Latvia. *Social Sciences Bulletin* 2(11), Daugavpils university, pp. 27–44.
- Officiale reports (2017) Official web-page of the International Labour Organization. Available: <http://www.ilo.org/global/langen/index.htm> (accessed on: 08.08.2017).
- Population (2017) Official web-page of the State Statistics Service of Ukraine. Available: <http://www.ukrstat.gov.ua> (accessed on: 08.08.2017).
- Resolution of the Cabinet of Ministers of Ukraine No. 376 of May 31 (2017) “On Recognizing Certain Decisions of the Cabinet of Ministers of Ukraine as Invalid” (2017). Available: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/376-2017> (accessed on: 09.08.2017). (In Ukrainian)
- Ricardo D. (2010) *On the Principles of Political Economy and Taxation*, M., 516 p. (In English)
- Riekhoff A.J. (2017) The divergent logics of labour market reforms in times of permanent austerity. *International Journal of Social Welfare*, 26(1), 5–20. DOI: 10.1111/ijsw.12227. (In English)
- Rozenko P. (2017) Named the Number of Unemployed in Ukraine. [Electronic resource]. Available: <https://news.mail.ru/politics/29540642/2frommail=1> (accessed on: 09.08.2017).
- Say J.B. (1803) *A Treatise on Political Economy*, Paris, 284 p. (In English)

- Semiv L. (2011) Labor Activity in Knowledge Economy: Approaches to the Assessment of Knowledge Factors Influence. *Regional Economy*, No. 3, pp. 131–140.
- Sen A. (2004) *Development as a Freedom*. Moscow: New Publishing House, 432 p.
- Shapiro A.F., Gomez A.G. (2017) Credit market imperfections, labor markets, and leverage dynamics in emerging economies. *Journal of International Money and Finance*, 78, pp. 44–63. DOI: 10.1016/j.jimonfin.2017.08.001.
- Situation on the Labor Market of Ukraine (2017). Available: <http://www.ukrstat.gov.ua> (accessed on: 10.08.2017).
- Smith A. (2007) *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*, M., 960 p.
- The Law of Ukraine “On the State Budget of Ukraine for 2017” (2017). Available: <http://zakon.rada.gov.ua/lzws/show/80-19> (accessed on: 10.08.2017).
- Tikhomirova T. (2009). Trade in the labor market. *Man and Labor*, No. 4, pp. 62–63.
- Vankevich E. (2017) The Concept of Human Resources Work of the Organization in Conditions of Innovative Economy, *University Economic Bulletin*.
- Veblen T. (1984) *Theory of the idle class*, M.: Progress, 356 p. (In English)
- Veblen T. (2010) *Entrepreneurs and the Common Man*, M.: Fundamentals, 276 p. (In English)
- Voronov V.S. (2017) Conceptual Approaches to the Theory of Intellectual Assets Portfolio. Theory and Practice of Corporate Finance: a collective monograph, pp. 99–112.
- Walras L. (2010) *Sketches of Social Economy*. K.: Knowledge, 2010, 376 p. (In English)
- Wulfgramm M., Fervers L. (2015) Unemployment and subsequent employment stability: does labour market policy matter? *Socio-Economic Review*, 13(4), 791–812. DOI: 10.1093/ser/mwv020. (In English)
- Zenou Y. (2015) A Dynamic model of weak and strong ties in the labor market. *Journal of Labor Economics*, 33(4), 891–932. DOI: 10.1086/681098. (In English)
- Zlupko S. (1995) *Theoretical and Managerial Aspects of Employment in Developed Socialist Society*, K., 324 p. (In English)

The Labour Market in Ukraine in the Context of Crisis and Structural Reforms

Summary

Structural changes in the labour market are caused by social and economic relations transformation in today's globalized world.

The intensification of social processes, the deepening of crisis phenomena in the social sphere, unemployment rising because of political, economic crisis and military conflict in the East of the country, declining living standards of the population are taking place in Ukraine. Structural reforms are not efficient and do not provide the results desired.

Therefore, the main goal of our study is to find effective solutions in the field of regulation of employment issues, the development of the labor market under the new conditions.

Based on the research objectives we have determined *the main tasks*: to analyze the needs of young people, to propose a model of social entrepreneurship as a direction of labor market state regulation. The scientific and methodological support of labour market strategy development in Ukraine in conditions of structural reforms was offered.

Conducting the research we used the *methods* of theoretical generalization, comparison, analysis and synthesis, system analysis, sociological research.

An important result of our study is the model of social entrepreneurship as one of the promising directions of labour market state regulation in Ukraine in conditions of structural reforms.

Key words: labour market, crisis, structural reforms, economically active population, imbalances in the national economy, the imbalance.

Вера Васильева, Галина Жигунова (Россия)

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ НА ТЕРРИТОРИИ МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ИХ ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье освещается опыт решения экологических проблем, которые все более значимы на различных уровнях их возникновения и решения, в том числе и на региональном. Целью предложенной статьи выступает социологический анализ экологической обстановки в Мурманской области Российской Федерации, обоснование и оценка значимости объективных и субъективных факторов, оказывающих наиболее сильное воздействие на природную среду. Предлагается набор решений экологических проблем региона, во многом уже апробированных на опыте Мурманской области.

Ключевые слова: экологические проблемы, экологическая безопасность, экологическая обстановка, экологическая ситуация, природоохранная деятельность, природные ресурсы.

Регуляция социоприродного взаимодействия в силу его глобального характера является одной из трудноразрешимых задач современности. Предпринимаемые меры, к сожалению, не всегда приводят к оздоровлению экологической обстановки обеспечению экологической безопасности населения России. Именно поэтому анализ экологической обстановки представляется своевременным и актуальным.

Специалисты, анализируя экологическую ситуацию в условиях современной России, утверждают, что качество окружающей природной среды в разных регионах Российской Федерации неодинаково. В частности, по данным Ю.Л. Хотунцева из 17 млн. кв. км территории страны около 65 % (более 11 млн. кв. км) в соответствии с критериями ЮНЕП (Программа ООН по охране окружающей среды) характеризуется как «дикая природа», или ненарушенные экосистемы, то есть почти не затронутые хозяйственной деятельностью, сохранившие биопродуктивность и биоразнообразие. Для мира в целом названный показатель составляет 27 % (Hotuncev 2004). Эти массивы образуют крупнейшую в мире зону стабилизации глобальной окружающей среды и представляют собой уникальный экологический ресурс для восстановления биосферы Земли.

Вместе с тем экологически неблагополучными признаны около 15% территории России. В 180 городах России с общим населением более 60 млн. человек превышены предельно допустимые концентрации токсичных веществ в воде и воздухе. Количество выбросов в атмосферу от промышленных предприятий в последнее десятилетие возросло более чем на 10%, от автомобильного транспорта — на 30%, объем токсичных отходов увеличился на 35% (Trankovskij 2008).

Экологическое неблагополучие части российских территорий — следствие прямого уничтожения естественных экосистем (вырубка лесов, распашка степей и лугов), негативных антропогенных воздействий на них (загрязнение атмосферного воздуха, водных объектов и почвы отходами производства, иссушение земель вследствие выполнения гидромелиоративных работ, дорожного и промышленного строительства и пр.). Причем за последние годы экологическая ситуация в некоторых регионах страны, несмотря на сокращение выбросов загрязнений в атмосферу, сброса неочищенных сточных вод и размещения твердых отходов производства, значительно ухудшилась. Существенное загрязнение атмосферного воздуха в городах и городских агломерациях, неудовлетворительное положение с обезвреживанием токсичных отходов, сверхнормативное загрязнение источников питьевого водоснабжения имеют место более чем в 30 субъектах Российской Федерации.

Практически во всех субъектах Федерации регулярны лесные пожары, которые уничтожают сотни тысяч гектаров лесопокрытой территории. В настоящее время существуют такие проблемы как истощение сельскохозяйственных угодий и снижение плодородия почв. Под угрозой исчезновения находятся многие виды флоры и фауны.

Для российской экономики характерна индустриальная структура с мощным и тяжелым основанием. К сожалению, в последние годы происходит «утяжеление» экономики страны, увеличивается основание пирамиды, она «расползается», что приводит к росту нагрузки на природу. Тяжелое основание пирамиды давит не только на современную экологическую ситуацию, но и грозит задавить будущие ростки устойчивого социоприродного развития.

Отражением этой ситуации стало увеличение природоемкости во многих отраслях и по многим видам продукции. В странах, прошедших структурную энергосберегающую перестройку, сложилась противоположная динамика энергоемкости. Энергоемкость промышленной продукции стран — членов Организации экономического сотрудни-

чества и развития уменьшилась в среднем на 35,3%. Некоторые страны практически не увеличили потребление энергии за 20 лет при быстром росте экономических результатов. Например, Дания при общем сокращении потребления энергии по сравнению с 1986 г. увеличила ВВП в 1,5 раза (Котуагин 2003).

Поскольку экологическая обстановка в разных регионах Российской Федерации имеет существенные различия, обусловленные состоянием природной среды, следует обратить внимание на экологическую ситуацию на территории Мурманской области.

Мурманская область основана в мае 1938 года, граничит с Карелией, Финляндией и Норвегией, омывается Баренцевым и Белым морями. Ее площадь составляет 144902 кв. км. Большая часть территории Мурманской области находится за Северным полярным кругом. Сосредоточение на территории Мурманской области огромных запасов природных ископаемых, уникальность географического положения, чрезвычайная уязвимость природы в северных широтах обуславливают экологические проблемы Мурманской области.

Выделяют две группы факторов, оказывающих влияние на экологическую обстановку в регионе: объективные и субъективные.

К объективным факторам (*Ekologycheskuyu obstanovku v Murmanskoy...*), которые обуславливают низкий ассимиляционный потенциал региона, т.е. сравнительно слабую способность его экосистем приспосабливаться к изменению внешних условий для сохранения своих функций, относятся:

- 1) географическое положение Мурманской области в высокоширотных районах планеты и особенности геологического щита;
- 2) отсутствие на побережье Северного Ледовитого океана естественных преград в виде горных хребтов, препятствующих переносу масс воздуха из Арктики и загрязняющих веществ из Северной Европы и Северной Америки;
- 3) дефицит тепла негативно влияет на производство биомассы болотами, покрывающими 40% территории области, и, следовательно, соответствующим образом сказывается на аккумуляции загрязнений;
- 4) особенность лесов, площадь которых превышает 60% территории региона, связанная с тем, что они фактически не депонируют углерод в почву;
- 5) «ранимость» растительного покрова региона, порождаемая «слабым» слоем почвы, образовавшимся после ледникового пе-

риода, т.е. относительно недавно с точки зрения геологической истории;

- б) высокий уровень солнечной радиации в период полярного дня, повышающий естественную пожароопасность лесных земель;
- 7) длительный зимний сезон и высокий снежный и ледовый покровы, аккумулирующие загрязняющие вещества и способствующие их залповому сбросу в водные объекты в период весеннего паводка.

К субъективным факторам (*Ekologischeskuyu obstanovku v Murmanskoj...*), оказывающим наиболее существенное влияние на экологическую обстановку в регионе, следует отнести, прежде всего, сохраняющийся тип природоразрушающего природопользования, который обусловлен структурой народнохозяйственного комплекса Мурманской области. Сегодня в ней преобладают крупномасштабные горнодобывающие и горно-металлургические производства и другие отрасли, эксплуатирующие природные ресурсы.

К основным отраслям промышленного производства в регионе и, соответственно, к основным источникам загрязнения окружающей среды относят: добывающую промышленность, предприятия энергетического комплекса, военные и военно-промышленные объекты, портовое хозяйство, бытовые стоки и отходы: «Кандалакшский алюминиевый завод», «Кольская горно-металлургическая компания», «Мурманский траловый флот», «Оленегорский ГОК», Северный флот России, Кольская АЭС, Апатитская ТЭЦ, Мурманская ТЭЦ и другие.

Следует отметить, что, несмотря на снижение объемов производства горнопромышленного комплекса (ГПК), его доля в экономике области и в загрязнении окружающей среды в условиях рыночной системы хозяйствования фактически не изменилась. Зато уменьшилась нагрузка на окружающую среду со стороны лесного, рыбодобывающего и агропромышленного комплексов, которые вследствие кризисов 1992, 1998, 2008 годов находятся в депрессивном состоянии.

Положительно отразились на экологической обстановке в области сокращение контингентов вооруженных сил российской армии и флота, а также продолжительный спад в сфере строительства, судоремонтного производства, машиностроения.

Неоднозначность антропогенных воздействий на природу Мурманской области обуславливает наличие противоречивых оценок экологической обстановки в регионе. Одни специалисты считают, что

на территории области «экологическая ситуация ... имеет тенденцию к улучшению... что Мурманская область имеет высокий рейтинг практически по всем показателям охраны окружающей среды» (Ekologicheskuju obstanovku v Murmanskoj...). Другие же утверждают, что «экологическую обстановку в Мурманской области можно оценить как неблагоприятную» (Ehkologiya Murmanska 2014).

Противоречивость экологических оценок диктует необходимость анализа статистических данных. Министерство природных ресурсов и экологии по Мурманской области ежеквартально проводит мониторинг загрязнений атмосферного воздуха на территории региона (Ehkologiya Murmanska... 2014). По критериям Росгидромета, уровень загрязнения атмосферного воздуха городов Апатиты, Кандалакша, Кировск, Кола, Оленегорск оценивается как низкий, городов Заполярный, Мончегорск, Мурманск, поселка Никель – как повышенный.

Деятельность предприятий компании «Норильский Никель» крайне негативно влияет на экологическую ситуацию в Мурманской области. В результате выбросов диоксида серы в поселке Никель и городе Мончегорске возникают, так называемые «лунные пейзажи», представленные выжженными пустошами с редкими, чудом выжившими кустарниками. В самом Мурманске предприятий компании «Норильский Никель» нет, но, тем не менее, столица Заполярья сталкивается с экологическими проблемами из-за разгрузки угля в торговом порту, расположенном в центре города. Следует признать, что, несмотря на то, что согласно данным экологического мониторинга, имеет место постоянное превышение допустимых концентраций загрязняющих веществ в атмосферном воздухе городов Мончегорск, Мурманск, Кандалакша, Оленегорск, поселок Никель, ни один из них не входит в перечень населенных пунктов РФ с неблагоприятной экологической обстановкой.

Не только загрязнение атмосферы вызывает тревогу, но и ситуация с качеством питьевой воды на территории области вызывает опасения. Обеспечение населения водой питьевого качества остается главной экологической проблемой для области, которая ежегодно усугубляется изношенностью и неэффективной работой очистных сооружений, на большинстве из которых используется хлорирование воды. Основными источниками загрязнения водных бассейнов являются наряду со стоками предприятий химической и металлургической промышленности бытовые стоки, а также сброс воды электро-

станциями, вследствие чего водные ресурсы области некоторые специалисты относят к «чрезвычайно грязным» (Naskol'ko hvatit bogatstv Murmanskoj...).

К сожалению, из-за сохранения инструмента «временно-согласованных выбросов и сбросов загрязняющих веществ» предприятия и организации, по-прежнему, имеют возможность легитимно сохранять их объем и уклоняться от экологической модернизации. Следствием этого является отставание уровня экологизации производства на предприятиях области от прогрессивных зарубежных аналогов.

Мурманская область, согласно мнениям экологов, остается одним из проблемных регионов России и Северной Европы (Ehkologicheskie problemy v Murmanskoj...). Дело в том, что на территории Мурманской области располагается огромное количество атомных объектов: базы Северного Флота, атомный ледокольный флот и суда обслуживания, хранилища РАО и ОЯТ, Кольская АЭС.

Благодаря финансовой помощи стран-доноров в Мурманской области стали решать проблемы в области ядерной и радиационной безопасности (Ehkologicheskie problemy v Murmanskoj...). Основными донорами для Мурманской области являются Германия, Великобритания, Италия, Норвегия, Финляндия, Франция. Германия финансирует проекты по утилизации атомных подводных лодок, Франция вкладывает средства в Программу по закрытию хранилища отработанного ядерного топлива в пос. Гремиха. Норвегия финансирует работы по восстановлению инфраструктуры в губе Андреева, по реализации проекта «Утилизация радиоизотопных термоэлектрических генераторов (РИТЭГ)». Благодаря этому проекту с побережья Баренцева, Белого и Карского морей демонтированы 180 РИТЭГ (Shcherbakov 2013), которые были потенциально опасными радиационными объектами. Если верить материалам Доклада о состоянии и об охране окружающей среды Мурманской области в 2012 году, то и в районе расположения Кольской АЭС радиационная обстановка благополучная и отвечает требованиям действующих нормативных документов. Хотя есть и более тревожная информация: о продлении срока службы трех из четырех реакторов КАЭС (Naskol'ko hvatit bogatstv Murmanskoj...), а работа на старых реакторах является потенциально опасной.

Источником экологической опасности для территории Арктического шельфа является развитие нефтегазовых проектов. Планы эксплуатации нефтегазовых месторождений в Арктических условиях

могут быть рискованными и сложными. Ни одна страна в мире не обладает достаточным опытом и технологиями для бурения в условиях «ранимой» окружающей среды Арктики, усугубляемых жесткими погодными характеристиками. Кроме того, Штокмановский проект экономически невыгоден (*Ekologicheskie problemy v Murmanskoi...*) и в перспективе его реализация может стать еще одной большой проблемой для региона, усугубив его экологическое неблагополучие. Уже сегодня поверхность воды Кольского залива (основной водной транспортной магистрали) покрыта масляными пятнами, берега его «замазучены», и все это сверху покрыто слоем бытовых отходов. Нефтяная пленка, покрывающая Кольский залив, даже видна из космоса.

Следует сказать, что руководство Мурманской области активно занимается вопросами экологии. Для решения экологических проблем в области создана экологическая прокуратура; разработаны и реализуются целевые экологические программы; значительно активизировался экологический контроль; в рамках международного сотрудничества реализуются программы и проекты по предотвращению радиоактивного загрязнения, сокращению выбросов и сбросов горно-металлургического комплекса, сохранению лесных ресурсов и биоразнообразия, охране морской среды и ее биоресурсов.

Несмотря на то, что на территории Мурманской области реализуется долгосрочная целевая программа «Охрана окружающей среды Мурманской области», предусматривающая природоохранные мероприятия на период до 2020 года, население Мурманска, согласно данным социологических исследований, обеспокоено промышленным загрязнением города, накоплением мусора, загазованностью атмосферного воздуха и загрязнением Кольского залива. Для решения этих проблем горожане готовы обращаться в органы власти, а также выходить на митинги и пикеты, что сохраняет актуальность изучения общественного мнения по вопросам экологии и природоохранной активности населения области.

Поскольку экологические проблемы в условиях глобализации становятся первоочередными, то для их решения необходима консолидация всех слоев общества, его граждан. Консолидации усилий общественности в процессе реализации природоохранных мероприятий способствует организация достаточно масштабного экологического движения в регионе.

Общественное экологическое движение в Мурманской области представлено следующими организациями:

1. Мурманская областная организация Всероссийского общества охраны природы (ВООП);
2. Мурманское региональное общественное движение «Союз-4Н»;
3. «Северная коалиция», в которую входят неправительственные экологические организации.

Основной целью деятельности Мурманского отделения ВООП является активизация движения общественности за здоровую и благоприятную экологическую обстановку в области, за создание условий, способствующих ее устойчивому экологически безопасному развитию. Главными направлениями деятельности Мурманского отделения ВООП является реализация следующих задач:

- 1) пропаганда экологических знаний, экологическое просвещение населения;
- 2) научно-техническая и практическая природоохранная деятельность;
- 3) организация общественного экологического контроля;
- 4) оказание природоохранных услуг населению, организациям, предприятиям.

Мурманское региональное общественное движение «Союз-4Н» осуществляет экообразовательную и воспитательную работу с детьми и подростками. Региональное движение «Союз-4Н» занимается организацией и проведением выставок детских работ с экологической направленностью: «Природа глазами детей», «Зимняя сказка». Важным направлением деятельности регионального общественного движения «Союз-4Н» является организация экологических экспедиций для учащихся школ с целью привлечения подрастающего поколения к практической природоохранной деятельности, формирования у детей и подростков, необходимых в условиях Крайнего Севера, умений и навыков самообслуживания и жизнеобеспечения в полевых условиях. Организация экологических экспедиций с учащимися школ способствует воспитанию бережного и аккуратного отношения к природе родного края.

«Северная коалиция» неправительственных экологических организации была создана в 2003 году для координации деятельности научно-производственных объединений с целью решения экологических, социальных проблем развития нефтегазового комплекса на Северо-Западе России. Целью совместной работы неправительственных экологических организаций является консолидация усилий

общественности для организации конструктивного диалога между муниципалитетами, вышестоящими органами власти региона, общественными организациями и производственными компаниями с целью устойчивого развития северных территорий.

Членами «Северной коалиции» являются:

- 1) Мурманская региональная общественная экологическая организация «Беллона-Мурманск»;
- 2) Кольский координационный экологический центр «ГЕЯ» (ККЭЦ «ГЕЯ»);
- 3) Кольский центр охраны дикой природы (КЦОДП);
- 4) Региональное отделение Всемирного фонда дикой природы (WWF);
- 5) Мурманская областная молодежная общественная экологическая организация «Природа и молодежь».

Общественные экологические организации, входящие в «Северную коалицию», заручившись поддержкой администрации области, выступили с рядом инициатив, которые получили широкую поддержку общественности Мурманской области. Члены «Северной коалиции» участвовали в создании, разработке и реализации совместного проекта в области развития нетрадиционных возобновляемых источников энергии в Мурманской области. В рамках региональной целевой программы «Охрана и гигиена окружающей среды в Мурманской области» была осуществлена разработка проектных работ в области развития нетрадиционных возобновляемых источников энергии в Мурманской области.

По результатам реализации программы на базе областной научной библиотеки проводятся круглые столы, конференции, встречи с привлечением средств массовой информации. Обсуждение итогов деятельности экологических организаций, эффективности их взаимодействия с органами исполнительной власти в области охраны окружающей среды способствует выработке новых ориентиров природоохранной работы с общественностью. Обсуждение результативности мероприятий, проведенных общественными экологическими организациями, позволяет обмениваться опытом в проведении природоохранных мероприятий и акций, выработать общую стратегию в реализации экологических мероприятий.

В процессе обсуждения природоохранных целей, стоящих перед участниками «Северной коалиции», разрабатываются планы совместных действий, направленные на сохранение биоразнообразия в

области, развития сети особо охраняемых природных территорий (ООПТ). Участники «Северной коалиции», организовали обсуждение создания природного парка «Хибины», в котором участвовали более 30 общественных и научных организаций. Ими было организовано обследование Городецких птичьих базаров полуострова Рыбачий с целью проектирования памятника природы.

Участники «Северной коалиции» провели обследование участка побережья между губами Лумбовка и Качковка и прилегающих тундровых участков с целью выявления их природоохранной ценности для проектирования ООПТ. Они также организовали специальные мероприятия, направленные на пропаганду значимости ООПТ для развития лечебно-оздоровительного отдыха, туризма, редких или сезонных видов спорта в регионе, включая альпинизм, традиционные и горные лыжи, парусный спорт, спортивную охоту и рыбалку, арктикутрофи.

Общественные экологические организации, входящие в «Северную коалицию», принимают участие в реализации проекта «Вывод из эксплуатации старых ядерных блоков». Работа в рамках данного проекта осуществляется совместно с общественными организациями Ленинградской области, Москвы, Литвы и Норвегии.

Наряду с организацией природоохранных акций (о запрете использования ГМО и полученных из них продуктов в питании младенцев, дошкольном и школьном питании; в защиту бездомных животных и др.), все участники экологических движений занимаются организацией и проведением опросов общественного мнения по различным экологическим вопросам. Так, в частности, детским экологическим движением «Зеленая планета» проводится ежегодный опрос по поводу использования батареек (www.greenplateta.ru). Молодёжный клуб «Зелёная ветвь», работавший на базе школы, с целью обретения независимости был преобразован в Кольский экологический центр (МООО «КЭЦ»), который сотрудничает норвежскими природоохранными организациями.

МООО «КЭЦ» является коллективным членом Российской организации «Социально-экологического союза». Направлениями его деятельности являются:

- 1) развитие системы экологического образования и воспитания населения;
- 2) расширение контактов между природозащитными организациями области, России и зарубежных стран;

- 3) организация и проведение акций протеста против загрязнений окружающей среды;
- 4) сбор информации о состоянии природной среды, её анализ;
- 5) проведение консультаций со специалистами, сбор подписей под требованиями, которые отсылаются лицам, принимающим решения или влияющим на их принятие;
- 6) проведение экологических наблюдений и сравнение их результатов с наблюдениями школьников из других стран, что способствует получению дополнительных сведений о трансграничных переносах.

Данные направления объединены в три главных направления деятельности МООО «КЭЦ»: 1) энергетическое направление, сюда входят такие темы как энергосбережение, энергоэффективность, 2) развитие возобновляемых источников энергии, 3) добыча газа и транспортировка нефти.

По аналогичным направлениям деятельности работает молодежная экологическая организация региона «ПиМ»¹, основными целями которой являются:

- 1) формирование экологической личности, информирование всех слоёв населения;
- 2) вовлечение молодежи в активную экологическую деятельность;
- 3) содействие в решении экологических проблем.

Членами «ПиМ» являются студенты ВУЗов, СУЗов, и учащиеся старших классов школ, лицеев, гимназий, которые принимают активное участие в изучении общественного мнения об отношении граждан к проблеме отходов в России. Это исследование проводилось в рамках одного из основных направлений деятельности молодежной экологической организации: пропаганда раздельного сбора и вторичного использования ресурсов. Благодаря этому в некоторых дворах Мурманска появились контейнеры для сбора пластиковой посуды. Разумеется, это не может считаться окончательным решением проблемы, но начало этому положено.

«ПиМ» принимала участие в проведении социологического исследования «Отношение жителей Мурманска к экологическим проблемам», в котором приняли участие 200 респондентов (Ehkologischeskuu ostanovku v Murmanskoj...). Презентация результатов исследования

¹ «Природа и молодёжь». <http://pim.org.ru/>

состоялась в социологическом центре Северо-Западного филиала Московского Гуманитарного Экономического Института. На презентации были озвучены основные экологические проблемы, вызывающие тревогу у жителей Мурманска.

Руководитель социологического исследования А. Сороколетова обратила внимание на то, что жителей города больше волнуют не глобальные экологические проблемы, а непосредственно те, с которыми они сталкиваются каждый день. Основными экологическими проблемами, волнующими жителей города, оказались (Murmanchane opredelili osnovnye...):

- 1) накопление твердых бытовых отходов (20%),
- 2) промышленное загрязнение города и его окрестностей (18%),
- 3) загрязнение воздуха выхлопными газами автомобилей (14%),
- 4) загрязнение берегов Кольского залива (13%),
- 5) присутствие ГМО в продуктах питания (10%).

В десятку основных экологических проблем, выделенных мурманчанами, также вошли проблемы, связанные с плохим качеством питьевой воды (7%) и работа Кольской атомной станции (6%).

По результатам исследования были не только выявлены основные экологические проблемы Мурманской области, но и способы их решения, предложенные респондентами:

- основной мерой для решения главных экологических проблем, является введение системы штрафов (27%);
- разработка мер нормативно-правового регулирования (20%);
- разработка новых технологий для решения существующих проблем (20%);
- экономическое стимулирование экологически грамотного поведения (10%);
- совершенствование экологического образования (6%).

Социологическое исследование, в котором принимали участие члены «ПиМ» позволило выявить высокий уровень природоохранной активности населения и готовность принимать деятельное участие в решении экологических проблем города:

- готовы обращаться с экологическими инициативами в органы власти (32%);
- участвовать в распространении экологические знания (31%);
- принимать участие в ресурсо- и энергосбережении (22%);
- готовы жертвовать деньги экологическим организациям (16%);

- выходить на экологические митинги, принимать участие в экологических пикетах (13%).

Высокий уровень экологической грамотности, выявленный в процессе социологического исследования, вкупе с высоким уровнем природоохранной активности населения в перспективе смогут обеспечить эффективность решения экологических проблем на территории Мурманской области и оздоровить экологическую обстановку в регионе.

Следует отметить, что увеличить позитивные сдвиги в рационализации природопользования возможно за счет заимствования и распространения зарубежного природоохранного опыта. В последние десятилетия за рубежом появилось много успешных примеров устойчивого развития в таких областях, как энергетика, машиностроение, промышленное и городское строительство, сельское хозяйство, потребление.

В качестве примера можно привести влияние новых финансовых механизмов в Кении на развитие возобновляемых источников энергии (солнечной, ветровой, гидроэнергии, биогаза, энергии, получаемой за счет утилизации бытовых отходов), что привело к повышению уровня доходов и занятости.

Переход к стратегии экономического роста и снижения уровня выбросов углекислого газа за счет использования источников возобновляемой энергии способствовал созданию новых рабочих мест и увеличению вложений в развитие экологически безопасных технологий в Китае.

Развитие органического сельского хозяйства в Уганде способствовало не только повышению доходов фермерских хозяйств, но и оказало благотворное влияние на экономику, окружающую среду и общество в целом.

Реализация проекта по трансформации двух крупнейших мусорных свалок в экологически безопасные полигоны для захоронения мусора в Сан-Паулу (Бразилия) позволила предотвратить выброс в атмосферу 352000 тонн метана, из которого было произведено свыше миллиона мегаватт электроэнергии.

Использование в Канаде сертификации «ЭкоЛого», одного из наиболее уважаемых знаков экологической безопасности в Северной Америке, способствовало повышению популярности тысяч наименований товаров, соответствующих экологическим стандартам.

Во Франции в период с 2006 по 2008 год целенаправленно были созданы порядка 90000 рабочих мест в «зеленых» секторах, преимущественно в области сохранения энергии и создания возобновляемых источников энергии.

Восстановление и устойчивое освоение деградированных земель в рамках природоохранной инициативы «Южный берег» на Гаити послужит благом примерно 205 тысяч человек.

Творческий подход к реализации апробированных за рубежом природоохранных проектов, улучшающая качество природных объектов, может стать надежным основанием для дальнейшего развития концепции устойчивого развития.

Библиография

- Ehkologicheskie problemy v Murmanskoj oblasti.* Dostupno: http://studbooks.net/912613/ekologiya/ekologicheskie_problemy_murmanskoy_oblasti (sm. 10.12.2017).
- Ehkologicheskuyu obstanovku v Murmanskoj oblasti opredelyayut kak ob'ektivnye i sub'ektivnye faktory.* Available: <http://helion-ltd.ru/ecological-conditions-2025/> (sm. 10.12.2017).
- Ehkologiya Murmanska.* (04.06.2014) Dostupno: <http://ekovolga.com/nashi-goroda/760-ekologiya-murmanska.html> (sm. 10.12.2017).
- Hotuncev YU. L. (2004) *Ehkologiya i ehkologicheskaya bezopasnost'*: ucheb. posobie dlya vuzov 2-e izd., pererab. – М.: Akademia, s. 146.
- Комыгагин В.М. (2003) *Ehkologiya i promyshlennost'*. М.: ЕНКО, s. 5.
- Murmanchane opredelili osnovnye ehkologicheskie problemy.* Dostupno: <http://bellona.ru/2010/04/09/murmanchane-opredelili-osnovnye-ekol/> (sm. 10.12.2017).
- Naskol'ko hvatit bogatstv Murmanskoj oblasti?* Dostupno: <http://ecology-of.ru/ekologiya-regionov/naskolko-khvatit-bogatstv-murmanskoy-oblasti> (sm. 10.12.2017).
- Oficial'nyj sajt Obshcherossijskogo obshchestvennogo detskogo ehkologicheskogo dvizheniya “Zelyonaya planeta”. Dostupno: <http://www.greenplaneta.ru/node/2159> (sm. 10.12.2017).
- “Priroda i molodyozh”. Available: <http://pim.org.ru/>(sm. 10.12.2017).
- Shcherbakov M.L. (2013) *Doklad o sostoyanii i ob obrane okruzhayushchej sredy Murmanskoj oblasti v 2012 godu*, Murmansk. Dostupno: <https://www.gov-murman.ru/region/environmentstate/> (sm. 10.12.2017).
- Trankovskij S. (2008) *Ehkologicheskaya obstanovka i zhizn' u nas v strane. Nauka i zhizn'*, № 4. s. 70.

The Environmental Situation in the Murmansk Region: Regional Problems and Prospects

Summary

The article highlights the regional experience in solving environmental problems, which are increasingly important at different levels of their origin and solution, including at the regional level. The aim of the proposed article is a sociological analysis of the environmental situation in the Murmansk region of the Russian Federation, the rationale and assessment of the significance of objective and subjective factors that have the strongest impact on the natural environment. A set of solutions for environmental problems in the region are proposed, largely tested on the experience of the Murmansk region.

Key words: ecological problems, ecological safety, ecological situation, environmental situation, environmental management, natural resources.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЗДОРОВЬЯ С СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ СТАТУСОМ НАСЕЛЕНИЯ

В современном обществе личное здоровье человека – состояние его полного физического, психического и социального благополучия – неизбежно становится фактором, всецело определяющим уровень человекоотдачи и комфортность его существования в обществе. В целом здоровые люди более энергичны, подвижны и имеют более оптимистичный взгляд на жизнь. Эти характеристики не только отражают положительное влияние на социальную деятельность, но также влияют на экономический рост и развитие. От показателей индивидуального здоровья зависит сама возможность приобщения человека к труду, уровень его материального благосостояния и общественной реализации. На макроуровне здоровье влияет на количественную и качественную характеристику трудовых ресурсов, социальную, экономическую и трудовую активность населения.

В статье представлен обзор научной литературы, доказывающей двустороннюю взаимосвязь здоровья с социально-экономическими показателями, в частности – с уровнем доходов и уровнем образования.

Ключевые слова: социально-экономическое неравенство, капитал здоровья, инвестиции в здоровье.

Решение проблем бедности, уменьшение неравенства – одна из задач социальной экономики. Особенно актуальна проблема неравенства в здоровье (Menshikov, Volkova, Stukalo, Simakhova 2017), обусловленная различными социально-экономическими факторами. Социально-экономические условия (социальные детерминанты) оказывают значительное влияние на здоровье людей на протяжении всей жизни. У людей с низким доходом вероятность серьезной болезни и преждевременной смерти, по крайней мере, вдвое выше, чем у людей с высоким уровнем дохода (Whitehead, Dahlgren 2007). Ряд европейских исследований доказали, что показатели смертности, как правило, от двух до трех раз выше у людей, находящихся в нижней части социальной лестницы, а ожидаемая продолжительность жизни у неквалифицированных рабочих в среднем на пять лет меньше, чем у квалифицированных специалистов, тогда как временной разрыв в ожидаемой продолжительности жизни, свободной от нетрудоспособ-

ности / инвалидности, между бедными и богатыми составляет от десяти до двенадцати лет (Anand 2002, Marmot 2004).

Социально-экономический статус определяет качество жизни. То, что здоровье — один из ключевых факторов качества жизни, подтверждает и тот факт, что оно входит в показатели многочисленных глобальных индексов, связанных с качеством жизни — Индекс качества жизни (*The Quality of Life Index*), Всемирный индекс счастья (*The Happy Planet Index*), Индекс развития человеческого потенциала (*Human Development Index*), Индекс процветания Института Legatum (*Legatum Prosperity Index*) и др.

Во многих разделах медицины используется понятие качество жизни, связанное со здоровьем (англ. *health related quality of life, HRQL*), или просто качество жизни. Применительно к медицине, качество жизни — это интегральная характеристика физического, психологического, социального и эмоционального состояния пациента, оцениваемая исходя из его субъективного восприятия. Потребности людей, как известно, подразделяются на физиологические (материальные), интеллектуальные (духовные) и социальные. Качество жизни отображает степень удовлетворения всех потребностей человека.¹ В этом смысле качество жизни и экономическое благосостояние являются очень близкими терминами и часто используются как синонимы).

Экономическая эффективность здоровья

За последние десятилетия множество теоретических и эмпирических исследований породило большой объем литературы, подтверждающей тезис о том, что здоровье оказывает положительное влияние на благосостояние (Monterubbianesi, Grandes, Dabús 2017, Barro 2013, Weil 2013, Bleakley 2009, Bloom, Canning 2008, Strauss, Thomas 1998).

Теория экономического роста заложила неоклассическую программу исследования вклада человеческого капитала в экономический рост. Уже в модели эндогенного экономического роста Р. Солоу человеческий капитал рассматривается как фактор экономического роста. В ней рассматривается рост эффективности единицы простого труда, обеспечиваемый повышением уровня образования, квалифи-

¹ Health-Related Quality of Life and Well-Being. <https://www.healthypeople.gov/2020/about/foundation-health-measures/Health-Related-Quality-of-Life-and-Well-Being>

кацией и здоровьем работника. В частности, в модели экономического роста применяется производственная функция Р. Солоу, которая наряду с инвестициями и увеличением численности занятых учитывает также фактор технического прогресса, под которым понимается не только растущая механизация производства, но и повышение эффективности труда работников, зависящее от их здоровья, образования и квалификации. Модель Р. Солоу позволяет раскрыть взаимосвязь трёх источников экономического роста – инвестиций, численности рабочей силы и технического прогресса (Solow 1956).

С середины 1980-х годов исследования экономического роста пережили настоящий бум, начиная с работы Ромера (Romer 1986). Новые теории «эндогенного роста» были сосредоточены на повышении производительности, вытекающей из технического прогресса и увеличения человеческого капитала в форме образования, хотя некоторые авторы признали важность других факторов, таких как здоровье и питание. Особенностью модели эндогенного экономического роста, разработанной Н. Мэнкью, Д. Ромером, Д. Уэйлом (модели MRW, названной так по первым буквам фамилий авторов), является включение человеческого капитала как переменного фактора в производственную функцию. Авторы пришли к выводу, что доля физического капитала в доходе равна $1/3$, а доля человеческого капитала колеблется в пределах от $1/3$ до $1/2$. При этом квалификация работников и качество физического капитала взаимно дополняют друг друга. Низкое качество основного капитала может быть компенсировано высокой квалификацией, а высокое качество капитала в значительной степени обесценивается низкой квалификацией работников. Манкив, Ромер и Уэйл, в новаторском анализе, ссылаются на важность включения здоровья и питания наряду с образованием в более широкую концепцию человеческого капитала (Mankiw, Romer, Weil 1992).

Позднее другие авторы разработали экономические модели, включающие человеческий капитал, а именно, капитал здоровья (Fogel 1994, Barro, Sala-i-Martin 1995, Barro 1996). Барро разработал модель роста, включающую физические капиталные ресурсы, уровень образования, капитал здоровья и величину отработанного времени. Из условий первого порядка он нашел, что рост индикаторов уровня здоровья повышает стимулы инвестирования в образование, в то время как увеличение капитала здоровья понижает темп его выбытия. Однако у него также предполагалось, что инвестиции в здоровье

следуют закону убывающей предельной отдачи. Исследования Фогеля, Барро и Сала-Мартина впоследствии привели к значительному накоплению работ, сосредоточив внимание на связи между богатством и здоровьем. Барро определяет два канала, через которые здоровье влияет на экономический рост (Barro 1996). Во-первых, существует прямой положительный эффект здоровья на производительность труда. Во-вторых, существует косвенный эффект за счет вероятности выживания взрослого населения.

Первое поколение моделей эндогенного роста концентрировало свое внимание в основном на образовании, а не на здоровье. Однако, как указывают Агуайо-Рико и др., влияние здоровья отличается от влияния образования в том смысле, что оно изменяется в течение всей жизни и определяется поведением на различных стадиях жизненного цикла (Aguayo-Rico et al. 2005). Представитель второго поколения моделей эндогенного роста Питер Ховитт создал простую модель инновационной теории Шумпетера, которая содержит шесть разных каналов, благодаря которым улучшение здоровья населения страны повлияет на долгосрочные показатели экономического роста в регионе (Howitt 2005):

1. *Производительность.* Более здоровые рабочие более продуктивны по целому ряду причин: повышенная сила, бодрость, внимательность, выносливость, творчество и т. д. Это означает, что когда здоровье улучшается, страна может производить больше продукции с любой комбинацией навыков, физического капитала и технологических знаний.
2. *Ожидаемая продолжительность жизни.* Более высокая продолжительность жизни оказывает непосредственное влияние на уровень подготовки населения, влияющий на уровень смертности, связанных с работой, которая составляет скорость эффективной амортизации навыков.
3. *Способность к обучению.* Состояние здоровья играет ключевую роль в определении результата образовательного процесса. Дети, которые хорошо питаются, энергичны и бдительны, будут ассимилировать больше от определенного объема образования, чем те, которые страдают от недоедания и страдают от последствий болезни.
4. *Креативность.* Одним из преимуществ хорошего здоровья, особенно хорошего здоровья детей и хорошего материнского здоровья, является то, что оно способно сделать человека более творчес-

ким. Так же, как более здоровый человек будет более эффективен в производстве товаров и услуг, так и человек будет более эффективным в создании новых идей.

5. *Адаптивные способности.* Еще одним преимуществом улучшения здоровья детей и материнского здоровья является то, что молодые люди развивают лучшую способность справляться со стрессом и, следовательно, адаптироваться к часто разрушительным и стрессовым последствиям быстрых технологических изменений.
6. *Неравенство.* Эмпирически существует сильная отрицательная корреляция между различными показателями здоровья населения и показателями неравенства доходов. Мероприятия, увеличивающие уровень здоровья населения, также приведут к уменьшению неравенства. Снижение неравенства в доходах, вероятно, окажет положительное влияние на рост экономики в стране.

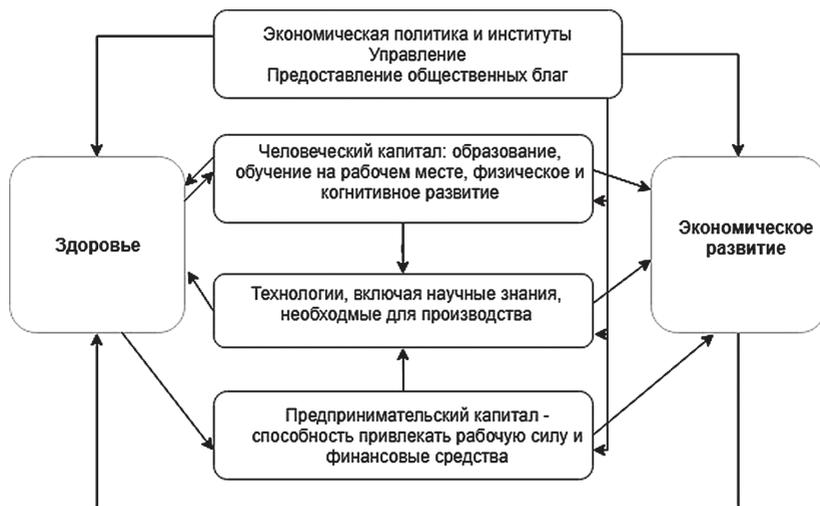

Рисунок 1. Вклад здоровья в экономическое развитие

Источник: Sachs 2001

На макроэкономическом уровне *экономическая эффективность здоровья* характеризует прямой и косвенный вклад, вносимый здравоохранением в рост производительности труда, развитие производства, увеличение национального дохода. Как отмечено в отчете ВОЗ 2001 года «Макроэкономика и здоровье: инвестирование в здоровье»

для экономического развития», здоровье имеет самые важные экономические последствия для капитала индивида и капитала предприятий с помощью различных путей — некоторые пути очевидные, другие более тонкие (Sachs 2001). На само здравоохранение влияют преобладающая политика и институты, уровень человеческого капитала, уровень технологий в обществе, особенно в самом секторе здравоохранения, а также рост доходов и сокращение бедности (рисунок 1).

Эксперты ВОЗ выделяют три основных пути, по которым болезнь препятствует экономическому благополучию и развитию. Первый, — самый прямой путь — предотвратимое заболевание уменьшает количество лет продолжительности здоровой жизни. Экономические потери общества усеченных жизней — из-за сочетания ранних смертей и хронической инвалидности — феноменально велики: сотни миллиардов долларов США в год, что составляет значительную долю национальных доходов стран с низким уровнем дохода. Второй канал — это влияние болезни на родительские инвестиции в детей. Общества с высокими показателями младенческой смертности (смертность в возрасте до 1 года) и детской смертности (смертность в возрасте до 5 лет) имеют более высокие показатели рождаемости, частично компенсируя частые смерти детей. В свою очередь, большое количество детей уменьшает способность бедных семей вкладывать значительные средства в здравоохранение и образование каждого ребенка, процесс, описанный Гэри Беккером как «соотношение качества и количества» в воспитании детей (Becker 1960). Третий канал — это угнетающее воздействие болезни на доходы от инвестиций в бизнес и инфраструктуру, выходящие за рамки воздействия на производительность отдельных работников. Промышленность, сельское хозяйство, производство и туризм, а также важные инфраструктурные проекты подрываются высокой распространенностью болезней. Кроме того, эпидемические и эндемические заболевания также могут подорвать социальное сотрудничество и даже политическую и макроэкономическую стабильность (Sachs 2001).

На микроуровне экономическую эффективность здоровья доказывает его двусторонняя взаимосвязь с социально-экономическими факторами населения. Такая взаимосвязь доказана многочисленными эмпирическими исследованиями, в том числе и на примере Латвии (Men'shikov, Volkova 2017). На данных опроса, проведенного в рамках проекта «Латвия. Обзор развития народа 2015/2016. Мастерство жизни и информационная грамотность» была замечена взаимосвязь

самооценки уровня здоровья латвийцев с их уровнем образования и уровнем доходов.

Исследования взаимосвязи здоровья с экономической продуктивностью в развитых странах основаны на идее о том, что более здоровые работники менее восприимчивы к болезням, более бдительны и более энергичны и, следовательно, более продуктивны и получают более высокие доходы (Stronks et al. 1997). Bloom, Canning и Sevilla измеряли влияние здоровья на производительность, используя базу данных для большой группы стран, с наблюдениями каждые 10 лет за период 1960–1990 годов, обнаружили, что здоровье оказывает положительное и статистически значимое влияние на экономический рост (Bloom, Canning, Sevilla 2004).

Очевиден тот факт, что большие доходы оказывают положительное влияние на состояние здоровья —улучшают доступ к медицинскому обслуживанию, к качественным препаратам, к профилактическим мерам. Однако, по данным многочисленных исследований, существует и обратная взаимосвязь, и хорошее здоровье приносит индивиду экономическую выгоду (Weil 2013, Deaton 2003). Согласно С.Л. Эттнеру, если у индивида есть достаточный доход для удовлетворения основных нужд и потребностей, только в этом случае человек может проявить инициативные шаги для решения своих проблем со здоровьем (например, лечение физических недугов, регулярные медицинские осмотры, более гигиенические способы борьбы с физическим дискомфортом и др.). В противоположном случае, если доход недостаточен, здоровье, скорее всего, будет описываться как способность продолжать работать. Кроме того, лечение и регулярные обследования переносятся до определенного уровня доходов, при котором жильё и продовольствие станут доступны, наряду с другими потребностями (Ettner 1996).

Еще один социально-экономический фактор здоровья, на который хотелось бы обратить внимание — образование. В многочисленных мировых исследованиях выявлена положительная корреляция между уровнем здоровья и уровнем образования (Cutler and Lleras-Muney 2006, Ding et al. 2006, Gan, Gong 2007, Strulik 2011). Выделяются три пути взаимодействия здоровья и образования: 1) образование определяет здоровье; 2) другие внешние факторы определяют как здоровье, так и образование; 3) здоровье определяет образование (Suhrccke 2011). Исследователями замечено, что более здоровые дети получают более качественное образование; они реже пропускают за-

нятия и бросают учебу. Следовательно, более крепкое здоровье в детстве и юности способствует повышению производительности труда в будущем. Кроме того, крепкое здоровье означает и более долгую жизнь, поэтому у здоровых людей больше стимулов вкладывать средства в свое образование и профессиональную подготовку, поскольку они смогут дольше извлекать из них пользу (Strauss, Thomas 1998).

Одно из очевидных объяснений градиента является то, что более образованные больше заботятся о своем здоровье. Они тратят больше средств на профилактику, меньше курят, меньше страдают ожирением и демонстрируют «более здоровое поведение» (Strulik 2011). То есть, более образованные люди более склонны к здоровьесберегающему поведению. Поведенческие факторы особенно акцентируются экспертами ВОЗ, которые подчеркивают, что социальное неравенство в сферездоровья объясняется в основном сочетанием социально-экономических условий и образа жизни. В целом, бедные ведут менее здоровый образ жизни, чем богатые. Многочисленными исследованиями доказана обратная взаимосвязь между такими вредными привычками, как курение и злоупотребление алкоголем, и социально-экономическим статусом (Suhrcke 2007).

Здоровьесберегающее поведение находит отражение в «моделях спроса на здоровье и долголетие». Один из наиболее разработанных подходов к моделированию спроса на такой продукт как «хорошее здоровье» был предложен М. Гроссманом. Главное утверждение модели заключается в том, что расходы на здоровье можно рассматривать как долгосрочные инвестиции, которые производят в качестве отдачи здоровую жизнь. Предполагается, что индивиды наделены начальным количеством здоровья, которое обесценивается со временем и может быть увеличено посредством инвестиций. Менее образованные люди ведут себя менее эффективно и «производят» меньше здоровья (Grossman 1972, Grossman 2000).

В этой модели уровень здоровья измеряется продолжительностью рабочих дней в году, пропущенных по болезни (т. е. рассматривается только занятое население). Ключевым нововведением модели Гроссмана было то, что он описал спрос на здоровье и медицинское обслуживание с помощью теории человеческого капитала. Здоровье рассматривается как одно из измерений человеческого капитала, похожее на образование, но имеющее свои особенности.

Влияние экономических, социальных и демографических параметров на здоровье позволяет оценить анализ спроса на здоровье и

предложения здоровья на микроуровне (Eisenring 1999). Объектом исследования в данном случае является собственно здоровье индивидов, а источником как спроса, так и предложения здоровья выступает рационально действующий индивид (Grossman 2000). Спрос — экономическая категория, которая позволяет выразить в деньгах существующие потребности. Спрос на здоровье может быть оценен как совокупный объем денег, который индивид готов потратить на поддержание своего здоровья на должном уровне. При этом объем затрат зависит как от доходов населения, так и от его потребительских предпочтений. Доход потребителей является детерминантой спроса. Потребители, принадлежащие группе с более высокими доходами, могут позволить себе платить более высокую цену за любой продукт включая медицинскую помощь. Спрос на здоровье связан с тем, что оно, как и другие блага входит в функцию полезности, а также определяет суммарное количество времени, которое индивид может посвятить работе на рынке труда в течение предстоящей жизни и, следовательно, его будущие доходы.

Модели спроса на долголетие и здоровье разработаны с использованием методического аппарата модели человеческого капитала, позволяющего оценивать нематериальные характеристики индивида с позиций категорий спроса и предложения. В основе модели лежит анализ капитала здоровья, определяющего продолжительность, качество жизни индивида, а также возможности эффективного использования других видов капитала индивида.

Идея измерения человеческого капитала посредством анализа уже сделанных им инвестиций впервые была озвучена Г. Беккером, который видел охрану здоровья одной из многочисленных инвестиций в человеческий капитал. Эти инвестиции улучшают квалификацию, знания или здоровье, поэтому способствуют увеличению денежных или натуральных доходов (Becker 1975). Инвестиции в человеческий капитал — это любое действие, которое повышает квалификацию способности и тем самым производительность труда рабочих. Затраты, которые способствуют повышению чьей-либо производительности, можно рассматривать как инвестиции, так как текущие расходы или издержки осуществляются с тем расчетом, что эти затраты будут многократно компенсированы возросшим потоком доходов в будущем (McConnel, Brue 1989).

Согласно теории человеческого капитала, под капиталом здоровья понимаются инвестиции в человека, необходимые для формирова-

ния, поддержания и совершенствования его здоровья и работоспособности за счет уменьшения заболеваемости и увеличения продуктивного периода жизни (Grossman 1972). А предельная производительность капитала здоровья — это прирост дохода, обеспечиваемый увеличением количества дней, в течение которых инвестор может применять свой человеческий капитал.

По аналогии с инвестициями в другие формы человеческого капитала, возможно выделить и инвестиции в капитал здоровья — факторы, влияющие на здоровье и в значительной степени, зависящие от поведения самого человека. К инвестициям в капитал здоровья относятся:

1. Покупка (а также бесплатные случаи приобретения) товаров (например, лекарства) и услуг (посещения врачей), способных улучшить состояние здоровья, в том числе и в длительной перспективе.
2. Отказ от потребления товаров, способных ухудшить состояние здоровья (например, алкоголь, табачные изделия), в том числе и в длительной перспективе. Соответственно, повышение спроса на алкоголь можно рассматривать как дезинвестиции в капитал здоровья.
3. Такое использование свободного от работы времени, которое может улучшить состояние здоровья, в том числе и в будущем (например, занятия спортом).

Взаимосвязь инвестиций в капитал здоровья и доходов можно установить с помощью статистического анализа. Статистическая служба Европейского союза Eurostat для изучения экономического неравенства и дифференциации доходов населения использует «метод квинтилей» — когда все доходы государства равномерно делятся на 5 частей, где первый квинтиль отображает доходы беднейших жителей, а пятый — богатейших. Использование данного метода позволяет также выявить и взаимосвязь между доходами и некоторыми видами инвестиций жителей в собственное здоровье. В Eurostat показатели, которые можно отнести к инвестициям в капитал здоровья обозначены как «Детерминанты здоровья» (*Health determinants*), куда входят индикаторы: индекс массы тела, физическая активность, потребление фруктов и овощей, потребление табака, потребление алкоголя, социальная среда².

²Health status and determinants. <http://ec.europa.eu/eurostat/web/health/health-status-determinants>

По данным 2014 года, можно выявить прямую зависимость между уровнем доходов и временем, которое европейцы уделяют для аэробных физических упражнений. Среди представителей первого квинтиля доходов — наибольшая доля респондентов (57.1%), которые совсем не уделяют время для физических упражнений (рисунок 2). Среди респондентов из Латвии — такая же закономерность.

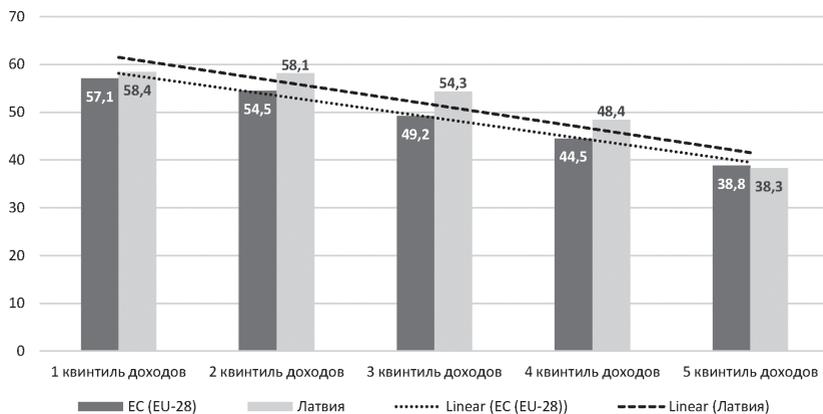

Рисунок 2. Количество жителей Латвии и ЕС, не отводящих время для аэробных физических упражнений (не связанных с работой) по квинтилям доходов, в процентах, 2014 год

Источник: составлено автором по данным Eurostat³

Показатели индексов массы тела, физической активности и гастрономических предпочтений населения выводят к проблемам лишнего веса и ожирения, и их взаимосвязи с социально-экономическими показателями (Zhang, Wang 2004). Традиционно, нехватка веса была проблемой «бедной страны», тогда как избыточный вес был проблемой «богатой страны». Теперь же развивающиеся страны страдают от обоих. В отчетах ВОЗ отмечено, что в Европе и США избыточный вес и ожирение чаще встречаются среди людей с низким социально-экономическим статусом. В странах с экономикой переходного типа ожирение больше распространено в состоятельных семьях (Branca 2007).

³ Time spent on health-enhancing (non-work-related) aerobic physical activity by sex, age and income quintile. http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=hlth_ehis_pe2i&lang=en

Выбор продуктов питания и характер их потребления различен у семей с разным уровнем образования. И как видим из графика (рисунок 3), среди жителей Латвии и в среднем по ЕС, имеющих образование ниже среднего – наиболее высокий процент страдающих ожирением.

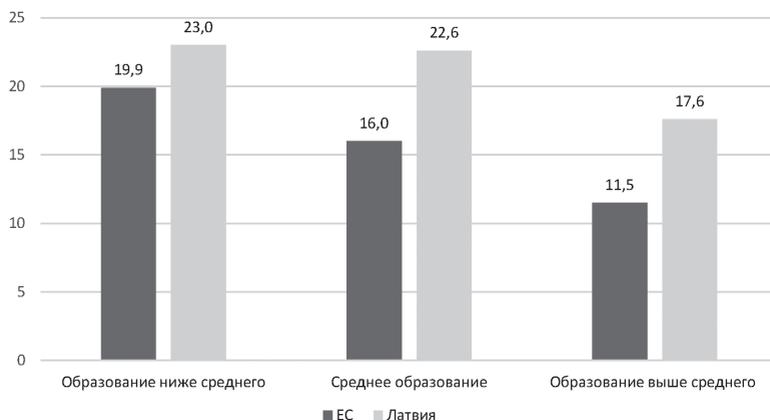

Рисунок 3. Доля взрослых, страдающих ожирением в ЕС и Латвии, по уровню образования, в процентах, 2014 год

Источник: составлено автором по данным Eurostat

Основными факторами, определяющими пищевые предпочтения, являются финансовые возможности, доступность. Как говорится в выводах новейшего доклада Всеамериканской организации здравоохранения об ожирении и бедности, «бедные едят не то, что хотят, и не то, о чем им известно, что это нужно есть, но то, что они могут себе позволить» (Branca 2007). К категории самых дешевых относятся продукты с высоким содержанием жиров и сахара. Таким образом, стоимость продуктов питания может быть одним из барьеров для перехода на более здоровую диету, особенно для домохозяйств с низким доходом.

Не только экономика влияет на образование лишнего веса и ожирения, но и избыточная масса тела или ожирение населения влечет за собой экономические последствия (Thompson 1999, Finkelstein 2005). Они включают прямые расходы системы здравоохранения, косвенные расходы, связанные с утратой экономической производительности.

Выводы

Появившиеся в последние десятилетия многочисленные работы, посвященные влиянию показателей здоровья на экономику, говорят о неугасаемой актуальности этой темы. В последние годы внимание исследователей было направлено на изучение неравенства в здоровье, дифференциаций в статусах здоровья между различными социально-экономическими группами населения.

Обзор теоретических и эмпирических исследований показал, что на макроуровне можно выделить многочисленные каналы, по которым осуществляется влияние здоровья населения на экономическое благосостояние страны. На микроуровне здоровье имеет двустороннюю взаимосвязь с социально-экономическим статусом индивида. Двумя ключевыми переменными, с помощью которых можно охарактеризовать позицию индивида в социальной структуре, являются показатели его дохода и уровня образования. Различия в образовании проявляются главным образом в поведенческих аспектах отношения человека к своему здоровью, различиях в степени его информированности и способности рационально использовать свои знания и свой потенциал.

В Латвии сравнительно мало исследований взаимосвязи здоровья населения с социально-экономическими показателями и для более детального анализа факторов социологии и экономики здоровья, актуальных для латвийских регионов, желательнее более развернутое исследование.

Библиография

- Aguayo-Rico A., Guerra-Turrubiates I. A., Montes de Oca R. (2005) *Empirical Evidence of the Impact of Health on Economic Growth*, Issues in Political Economy, 14. (In English)
- Anand S. (2002) The concern for equity in health. *J Epidemiol Community Health* 56: 485–487. (In English)
- Barro R. (1996) Health and economic growth, Mimeo. Cambridge, MA: Harvard University. (In English)
- Barro R.J., Sala-i-Martin X. (1995) *Economic Growth*, Mc Graw-Hill, New York. (In English)
- Becker G.S. (1975) *Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education*, Second Edition. University of Chicago, Published by National bureau of economic research, New York. (In English)

- Becker G. (1960) An Economic Analysis of Fertility. *Demographic and Economic Change in Developed Countries*. Princeton. (In English)
- Bleakley H. (2009) Health, Human Capital, and Development. Draft prepared for the *Annual Review of Economics*. (In English)
- Bloom D., Canning D., Sevilla J. (2004) The Effect of Health on Economic Growth: A Production Function Approach. *World Development*, 32(1): 1–13. Available: <http://dx.doi.org/10.1016/j.worlddev.2003.07.002> (accessed on: 10.03.2018).
- Branca F., Nicogossian H., Lobstein T. (2007) *The Challenge of Obesity in the WHO European Region and the Strategies for Response: Summary*, WHO. Available: http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0008/98243/E89858.pdf (accessed on: 10.03.2018).
- Cutler D.M., Lleras-Muney A. (2006) *Education and health: Evaluating theories and evidence*, NBER Working Paper 12352.
- Deaton A.S. (2003) Health, inequality, and economic development. *Journal of Economic Literature* XLI, 113–158.
- Ding W., Lehrer S.F., J. Rosenquist N., Audrain-McGovern J. (2006) *The Impact of Poor Health on Education: New Evidence Using Genetic Markers*. NBER Working Paper No. 12304. Available: <http://www.nber.org/papers/w12304.pdf> (accessed on 10.03.2018). (In English)
- Eisenring C. (1999) Comparative dynamics in a health investment model. *Journal of Health Economics* 18, pp. 655–660. (In English)
- Ettner S.L. (1996) New evidence on the relationship between income and health. *Journal of Health Economics*, 15(1), pp. 67–85. (In English)
- Finkelstein E.A. et al. (2005) Economic causes and consequences of obesity. *Annual Review of Public Health*, 26, pp. 239–257. (In English)
- Fogel R.W. (1994) Economic growth, population health and physiology: The bearing of Long term processes on the making of economic policy, *American Economic Review*, 84, pp. 369–395. (In English)
- Gan L., Gong G. (2007). *Estimating interdependence between health and education in a dynamic model*. Cambridge, MA, NBER, Working Paper No. 1283. (In English)
- Grossman M. (1972) On the concept of health capital and the demand for health. *Journal of Political Economy* 80, pp. 223–255. (In English)
- Grossman M. (2000) The human capital model. *Handbook of Health Economics*, Vol. 1, 347408. (In English)
- Howitt P. (2005) Health, Human Capital, and Economic Growth: A Schumpeterian Perspective, in G. López-Casasnovas, B. Rivera and L. Currais. (ed.) *Health and Economic Growth: Findings and Policy Implications*, Cambridge, MA: MIT Press, pp. 19–40. (In English)
- Kenkel D.S. (1991) Health behavior, health knowledge, and schooling. *Journal of Political Economy*, Vol. 99, pp. 287–305. (In English)

- Mankiw G., Romer D., Weil D. (1992) A Contribution to the Empirics of Economic Growth. *Quarterly Journal of Economics* 107 (2), pp. 407–37. (In English)
- Marmot M. (2004) *The status syndrome: how social standing affects our health and longevity*. London, Bloomsbury Publishing Plc. (In English)
- McConnell C., Brue S. (1989) *Contemporary Labour Economics*, McGraw-Hill, New York. (In English)
- Men'shikov V., Volkova O. (2017) Kapital zdrav'ya v strukture sovokupnogo kapitala. *Proceedings of the International Scientific Conferences of Faculty of Social Sciences of Daugavpils University. Part I. Issues of Sociology*. pp. 112–137.
- Menshikov V., Volkova O., Stukalo N., Simakhova A. (2017) Social Economy as a Tool to Ensure National Security. *Journal of security sustainability issue*, december, Volume 7, number 2. pp. 31–51. Iekļauts SCOPUS datu bāzē. (In English)
- Monterubbianesi D.P., Grandes M., Dabás C. (2017) New evidence of the health status and economic growth relationship. *Panoeconomicus*, vol. 64, br. 4, str. 439–459. Available: http://www.panoeconomicus.rs/casopis/2017_4/04%20Monterubbianesi%20Grandes%20and%20Dabus.pdf (accessed on: 10.03.2018). (In English)
- Romer P.M. (1986) Increasing Returns and Long-Run Growth. *Journal of Political Economy* 94, 5, pp. 1002–1037 (In English)
- Sachs D.E. (2001) *Report on the Commission on Macroeconomics and Health, Macroeconomics and Health: Investing in Health for Economic Development*. Geneva: World Health Organization. Available: <http://www1.worldbank.org/publicsector/pe/PEAMMarch2005/CMHReport.pdf> (accessed on: 19.01.2018). (In English)
- Solow R.M. (1956) *A Contribution to the Theory of Economic Growth*. The Quarterly Journal of Economics. Febr. Vol. 70, No. 1. pp. 65–94. (In English)
- Strauss J., Thomas D. (1998) Health, Nutrition, and Economic Development. *Journal of Economic Literature*, vol. 36, issue 2, pp. 766–817 Available: <http://bvspers.paho.org/texcom/nutricion/Strauss.pdf> (accessed on: 19.01.2018). (In English)
- Stronks K., van de Mheen H., van den Bos J., Makenbach J.P. (1997) The inter-relationship between income, health and employment status. *International Journal of Epidemiology*, 26, pp. 592–599. (In English)
- Strulik H. (2011) *Health and education: understanding the gradient*. Discussion Paper, University of Hannover. Available: http://diskussionspapiere.wiwi.uni-hannover.de/pdf_bib/dp-487.pdf (accessed on: 19.01.2018). (In English)
- Suhrcke M., de Paz Nieves C. (2011) The impact of health and health behaviours on educational outcomes in highincome countries: a review of the evidence. Copenhagen, WHO Regional Office for Europe. Available: <http://www.euro.who.int>

- who.int/__data/assets/pdf_file/0004/134671/e94805.pdf?ua=1 (accessed on: 19.01.2018). (In English)
- Suhrcke M., de Paz Nieves C. (2011). The impact of health and health behaviours on educational outcomes in highincome countries: a review of the evidence. Copenhagen, WHO Regional Office for Europe. Available: http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0004/134671/e94805.pdf?ua=1 (accessed on: 19.01.2018). (In English)
- Thompson D. et al. (1999) Lifetime health and economic consequences of obesity. *Archives of Internal Medicine*, 159 (18): 2177–2183. (In English)
- Weil D.N. (2013) Health and Economic Growth. *Handbook of Economic Growth*, Volume 2. Available: https://www.brown.edu/Departments/Economics/Faculty/David_Weil/Health_and_Economic_Growth_Handbook_Article.pdf (accessed on: 19.01.2018). (In English)
- Whitehead M., Dahlgren G. (2007) *Concepts and principles for tackling social inequities in health: Levelling up Part 1*, Copenhagen, WHO Regional Office for Europe (Studies on social and economic determinants of population health, No. 2). (In English)
- Zhang Q., Wang Y. (2004). Trends in the association between obesity and socioeconomic status in U.S. adults: 1971 to 2000. *Obesity Research*, 12(10), pp. 1622–1632. Available: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1038/oby.2004.202/full> (accessed on: 19.01.2018). (In English)

Relationship between Health and Socioeconomic Status of the Population

Summary

In modern society person's health – the state of his complete physical, mental and social well-being – inevitably becomes a factor that completely determines the level of human yield and the comfort of his existence in society. In general, healthy people are more energetic, mobile and have a more optimistic outlook on life. These characteristics not only reflect a positive impact on social activities, but also affect economic growth and development. Individual health indicators affect the possibility of familiarizing the person to work, level of material well-being and social realization. At the macro level, health affects the quantitative and qualitative characteristics of labor resources, social, economic and labor activity of the population.

The article presents a review of the scientific literature that proves the bilateral relationship with the health of the socio-economic indicators, in particular – with the level of income and education level.

Key words: social and economic inequality, health capital, investments in health.

Виктор Воронов, Мария Воронова (Россия)

МОДЕЛИРОВАНИЕ И ПРОГНОЗИРОВАНИЕ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ

В статье на основе разработки этноэкономических моделей и сценариев рассмотрены особенности развития межэтнических отношений в обследуемых регионах (Краснодарский край, Нижегородская и Тюменская области) в контексте общероссийской национальной и экономической безопасности¹.

Ключевые слова: диаспоры и землячества, регион, этноэкономические модели, прогнозные сценарии.

Введение

Под социальной моделью в статье понимается идеальный образец какого-либо социального объекта, процесса, воспроизводящего в символической форме его основные типические черты. Отсюда, социальное моделирование — получение нового знания об изучаемом социальном объекте посредством сопоставления его с изученными модельными социальными объектами. Наиболее полно познавательные возможности социального моделирования, несмотря на трудности его квантификации, проявляются при рассмотрении его как метода системного исследования. Например, при анализе участия диаспор во внутренней политике современного государства, ученые выделяют несколько этнополитических моделей такого участия: «лояльного участия» (этнополитический плюрализм русских в Киргизии, Молдавии), «лояльного поведения» (этнокультурное поведение русских в Азербайджане, Грузии), «протестного поведения» (этнополитическое отчуждение русских в Латвии, Эстонии) (Rossiiskaya diaspora..., 2011). С позиции этнической конфликтологии исследователи выделяют модель «монополизации шансов» (Dmitriev, Zhukov, Ryadukhov 2009). Если мы будем рассматривать межэтнические отношения в России или в других странах с системных позиций, то этнические модели взаимодействия диаспор и землячеств с местным населением в обследуемых регионах имеют в своей основе экономические осо-

¹ Исследование проведено при поддержке Российского научного фонда, проект № 15-18-00093.

бенности той или иной хозяйственной практики региональных субъектов. Например, наиболее известны в странах ЕС этномодель «мультикультурализма», а в США — «плавильного котла». Первая полностью провалилась в Европе, вторая заменяется «миской салата» в Америке как признанием этнокультурного многообразия в обществе (Fursov 2017, Khantington 2008). В основе формирования этих моделей (проживание в границах одного государства различных этноконфессиональных групп, сохраняющих свою идентичность) две причины, обусловленные логикой рынка. Первая, политико-правовая причина — унификация полиэтнического населения для того, чтобы оно могло эффективно функционировать в капиталистической системе как общегражданский объект эксплуатации. Вторая, экономическая, причина — снижение государственных затрат на необходимость интеграции прибывающих этнических групп (внешних мигрантов).

В России за не всегда позитивными отношениями между новыми диаспорно/земляческими сообществами и местным населением в регионах стоит конфликт между отдельно сохраняющимися традиционными общинно-трудовыми отношениями и современным российским обществом в условиях рынка, находящимся в состоянии устойчивого распада прежних форм организации жизни. Например, справедливость в социально-экономическом аспекте нерыночной экономики понимается как равный для всех доступ к производству и получению благ. В современной российской экономике рынка справедливость понимается лишь как равенство шансов к производству и получению благ.

Методы исследования

Работа носит теоретико-прикладной характер, поэтому в ней использованы количественные и качественные методы исследования: данные государственной переписи (2002, 2010 гг.) населения по регионам, данные статистики, вторичных социологических исследований. Глубинные интервью экспертов в 2015–2016 гг. (N=134) — представителей референтных групп (власть-наука-этнос-СМИ) в трех обследуемых регионах. Отбор экспертов осуществлялся с целью максимального охвата уровней властей региона и распределения их компетенций, ученых, занимающихся данной проблематикой, представителей наиболее крупных диаспор и землячеств в регионах, а также отдельных представителей СМИ. Глубинные интервью взяты также

у представителей русского большинства обследуемых регионов. Проведены в 2016 году 37 фокус-групп (по 10–12 участников в каждой) с представителями диаспор и землячеств в Тюменской области (17), Краснодарском крае (11), Нижегородской области (9).

Особенности этнохозяйственных типов экономической деятельности

Этнохозяйственный тип экономической деятельности различается у разных народов России и обусловлен как конфессиональным влиянием на социально-экономические и социокультурные установки, так и природно-климатическими условиями жизнедеятельности. Плодотворные исследования на эту тему имеются у российских ученых. В исследованиях В.В. Радаева, И.М. Кузнецова и В.И. Мукомеля, А.В. Лайши и других авторов, поднимаются общие вопросы формирования и развития этнической экономики, появления особых «этнических ниш» в российском предпринимательстве (Radaev 1993; Kuznetsov, Mukomel' 2007; Laisha 2012). Конфликтогенный потенциал этнического предпринимательства исследуют Г.С. Денисова, В.П. Уланов (Denisova, Ulanov 2003) и другие авторы. Работы Л.В. Милова, В.З. Петросянца и других авторов рассматривают особенности предпринимательской активности отдельных этносов, проживающих на территории России (Milov 2008, Petrosyants 2005).

В соответствии с полученными в них результатами, можно различать производственно-государственный тип этнохозяйственной деятельности русского народа, как взаимосвязанную реализацию промышленного и сельского труда из-за минимального объема совокупного прибавочного продукта, обусловленного природно-климатическими условиями и значительными транспортными издержками при реализации товаров. Торгово-посреднический и земледельческий тип этнохозяйственной деятельности народов Средней Азии (казахов, киргизов, таджиков, узбеков). Торгово-посреднический и сельскохозяйственно-животноводческий тип этнохозяйственной деятельности народов Северного Кавказа (дагестанцев, ингушей, осетин, кабардинцев, чеченцев). Как отмечают отдельные авторы, «индустрия для русских в России, является таким же отличительным признаком, как овцеводство – для горцев Дагестана или сфера автосервиса, гостиничного бизнеса – для армян» (Denisova, Ulanov 2003). Этноэлиты на постсоветском пространстве свои привилегии, престиж и власть реализуют, в основном, не в сфере производственных ресурсов, а в сфере

перераспределительных ресурсов. Поэтому функционирование государственного управления (подбор и ротация кадров) в регионах, где сильны позиции этноэлит, осуществляется по этническому, а не по профессиональному основанию, что снижает квалификацию выполняемых ими функций и нейтрализует попытки модернизации госаппарата, органов правопорядка и социальной сферы в общегосударственных интересах.

По верному замечанию исследователей «экономические институты в сфере промышленного производства и в значительной мере — в сфере сельского хозяйства оказались не принятыми и не интегрированными в культуру автохтонных народов (Кавказа). Уже разрушенные к настоящему времени, они фактически обречены на стирание в системе социальных взаимодействий» (Denisova, Ulanov 2003).

Рыночные преобразования на постсоветском пространстве привели к обесцениванию деятельности в реальном (особенно индустриальном) секторе экономики и резко сузили структурные возможности рынка труда. Это наиболее негативно отразилось на русском народе. Суть такого процесса деиндустриализации с этнических позиций: она выдавливает русских с национальных окраин бывшего союзного государства и с российского Северного Кавказа. Индустриальный сектор на постсоветском пространстве сжимается за счет расширения сферы торговли и услуг. В национальных автономиях и республиках идет земельный передел собственности по этническому, а не социальному, принципу: земля закрепляется, в основном, за автохтонными народами. При этом, например, на Северном Кавказе практически исчезла обрабатывающая промышленность, где были заняты квалифицированные рабочие и инженерные кадры, в основном, русские работники. Экономика там свелась к трём-четырёх составляющим: 1) сельское хозяйство с производством для переработки его продукции, 2) транспортный, 3) топливно-энергетический, 4) рекреационно-туристический комплексы (Denisova, Ulanov 2003, Petrosyants 2005).

Поэтому на первое место в условиях рынка выдвигаются, преимущественно, не социальные качества человека (трудовая активность, цели жизни и т.д.), а этнические (конфигурация национального характера, обычаи, традиции и т.д.). С одной стороны, это можно приветствовать как возможность обращения того или иного народа к своим историческим корням, которые нивелируются в современных условиях глобализации. С другой стороны, этнические качества

одним народам помогают выживать при рынке, а другие народы (особенно русских) обрекают на пассивную адаптацию или деградацию.

У российского государства исторически сформирована очень развитая хозяйственно-экономическая функция, ведь «государственная машина» была вынуждена форсировать объективный процесс углубления общественного разделения труда в крестьянской стране. Отсюда необычайная активность государства в области создания так называемых «всеобщих условий производства»: создание инфраструктуры: дороги, каналы, города-крепости обширного приграничья, возведения заводов, фабрик, верфей, портовых сооружений и обеспечение всего этого рабочей силой, профессиональными кадрами. В пространственных и природно-климатических условиях России функционирование многих отраслей экономики без важнейшей роли ее государственного сектора, элиминировавшего безжалостные механизмы стоимостных отношений, было невозможно на всем протяжении российской истории (Milov 2008).

Этноэкономические модели взаимодействия диаспор и землячеств с местным населением

Рассматривая российскую социально-экономическую и социокультурную ситуации можно выделить основы этноэкономических моделей взаимодействия диаспор и землячеств с местным населением, опираясь на следующие критерии: 1) цели экономического участия в указанном взаимодействии (получение выгоды, участие в «общем деле», другое); 2) форма такого участия (конвенциональная или неконвенциональная, то есть девиантная форма экономического поведения представителей диаспор и землячеств); 3) стратегии власти в отношении диаспор и землячеств: ассимиляция, обособление («мультикультурализм»), интеграция. На основании указанных критериев можно выделить, в современных условиях России, несколько таких этноэкономических моделей: рационально и иррационально рыночные, а также нерыночную трудовую. Назовем и опишем их.

Этноэкономическая модель «*рыночных отношений и поведения*», то есть модель выгоды и частного интереса, «рыночная модель». Коррелируется с *инструментальным* этнокультурным подходом, где этническая принадлежность используется как эффективный ресурс социальной мобильности и роста социального статуса в принимающем обществе. Характерна для представителей диаспор из Средней Азии, азербайджанской и армянской диаспор.

Этноэкономическая модель «*конфликтных отношений и поведения*», то есть «клановая модель». Коррелируется с *примордиалистским* этнокультурным подходом, устанавливающей приоритет лояльности своей этнической группе по сравнению с лояльностью принимающему обществу. Характерна для представителей землячеств из Северного Кавказа: дагестанцев, ингушей, чеченцев.

Этноэкономическая модель «*солидарных отношений и поведения*», то есть модель общего дела, коллективистская, «солидарная модель». Коррелируется с *конструктивистским* этнокультурным подходом, где культурные стандарты этнических групп постепенно интегрируются с нормами и символами принимающего общества. Характерна для представителей диаспор из Белоруссии, Украины, Казахстана, представителей землячеств адыгов, башкир, татар.

В структуру *этноэкономической модели рыночных отношений и поведения* входит: приоритет частного бизнеса в хозяйственной деятельности любого уровня, для которого государство лишь создает условия для работы; селективная минимизация затрат на иноэтничную наёмную рабочую силу (внешних мигрантов); свободное перемещение наёмной рабочей силы с учетом общих правовых норм; представители этнических групп в своей социально-экономической деятельности индивидуально минимизируют издержки и максимизируют выгоды.

В структуру *этноэкономической модели конфликтных отношений и поведения («клановой модели»)* входит: этнические группы с теневой кадровой иерархией, сетью региональных посредников (район-город-область); устойчивые практики взаимодействия работников как представителей разных этнических групп и их работодателей; анализ спроса на региональном рынке труда разных категорий работниковмигрантов (внутренних, внешних) и анализ предложения в их этнической родине или стране исхода; наличие отработанного механизма получения и распределения доходов от монополистической деятельности определённой этнической группы в регионе; наличие структур силового прикрытия коммерческой деятельности представителей этнических групп и применения санкций внутри данного сообщества к нарушителям; покровительство на возмездной основе представителей этнических групп в местных органах власти и деловых кругах региона.

В структуру *этноэкономической модели солидарных отношений и поведения* входит: согласование интересов (от общих к частным) субъектов хозяйственной деятельности в стране и регионах; системное раз-

витие всех секторов экономики; выравнивание социально-экономических условий развития регионов для роста качества жизни всех их жителей; реализация принципа социальной справедливости, обеспечение порядка и равенства всех перед законом; дифференцированная поддержка диаспор и землячеств в регионах в интересах устойчивого развития последних.

Рассмотрению этих моделей предвдваряет напоминание, что есть «классические» диаспоры и землячества — те, которые сформированы национальными меньшинствами (этническими сообществами) в регионах России давно (в досоветский и советский период). И есть «новые» диаспоры и землячества — которые появились после распада в 1991 году союзного государства. Уровень согласия или конфликтности этих двух типов этнических сообществ во взаимодействии с местным населением, а также значимость для развития экономики принимающих их регионов различна (Dmitriev, Zhukov, Ryadukhov 2009). Представим это, в отношении «новых» диаспор и землячеств, графически (см. рис. 1).

При этом, надо учитывать особенности интеграции разных этнических групп в региональных сообществах из-за различия и специфики региональных проблем. По верному замечанию отдельных авторов, важной задачей является формирование региональных моделей национальной политики и такие модели должны учитывать объективные процессы, идущие в локальных межэтнических сообществах (Popkov 2017).

Теоретические и практические исследования, проведённые по проекту РНФ «Прогнозное моделирование межэтнических отношений в российских регионах (на основе анализа идентификационных стратегий диаспорных/земляческих групп)» в 2015–2016 годы, в Тюменской и Нижегородской областях, а также в Краснодарском крае показали, что устойчивое (неконфликтное) взаимодействие диаспор и землячеств с местным населением происходит в условиях, когда большинство местного населения представлено славянским народом одной культуры и истории: русскими, украинцами, белорусами и комплиментарными к нему народами, долгое время живущими вместе: адыгами, азербайджанцами, армянами, башкирами, казахами, молдаванами, татарами и другими. Такое взаимодействие предполагает два взаимосвязанных элемента: социокультурные отношения, характерные для традиционного трудового общества и социально-экономические отношения, характерные для рыночной экономики.

Рисунок 1. Структура взаимодействия новых диаспор и землячеств (внешних, внутренних мигрантов) с местным населением

Источник: разработка авторов на основе Dmitriev, Zhukov, Pyadukhov 2009

Наоборот, в тех регионах, где русские оказываются в меньшинстве среди местного населения (14 регионов, среди которых наиболее проблемные — Северо-Кавказские), где нарушено воспроизводство российских центральных институтов русского социокультурного типа (символы общероссийской государственности, крупные коллективные формы хозяйствования, идеология коллективизма и сотрудничества и другое) идёт резкое снижение статусных позиций русской части населения в регионе и повышает конфликтогенность межэтнических отношений.

В настоящее время заметное распространение в регионах, во взаимоотношениях местного населения с представителями диаспорно-земляческих сообществ получает этничность как инструмент в двух аспектах: социокультурном инструментализме (внимание к мобилизации этнических и конфессиональных чувств того или иного народа) и экономическом инструментализме (внимание к разным формам

адаптации в хозяйственной деятельности и на рынке труда членов различных этнических групп). Этническая группа рассматривается здесь как группа людей общей идентичности (осознающие свою принадлежность к данной группе), общей истории и культурной традиции, общего языка. Важным признаком этнической группы выступает идентификация её членов, которые осознают различия (происхождение, традиции, конфессия и т.п.) между своим сообществом (диаспора или землячество) и местным сообществом.

Сценарии взаимоотношений новых диаспорных и земляческих групп с местным населением в регионах

Можно выделить четыре сценария на среднесрочный период (2015–2020 гг.) взаимоотношений новых диаспорных и земляческих групп с местным населением в обследуемых регионах и не только: позитивный, умеренно-позитивный, умеренно-негативный, негативный.

Позитивный сценарий выражается в том, что интеграционные идентификационные стратегии региональных этнических групп способствуют консолидации и пространственному развитию регионального социума. Для такого сценария значимыми характеристиками выступают: установка на равные права и обязанности всех этнических групп региона, согласно исторически адекватной государственной политики и управления межнациональными отношениями; квалифицированное чиновничество на уровне региональной и муниципальной власти; равный для всех доступ к получению материальных и нематериальных благ; трудовая деятельность всех этнических групп в соответствии со способностями и квалификацией их представителей, исключая внеэкономические факторы. При реализации этого сценария интеграционные идентификационные стратегии региональных этнических групп будут способствовать консолидации и пространственному развитию регионального социума. Такой сценарий имеет, в основном, латентную форму и лишь точно-локальные проявления в обследуемых регионах.

Умеренно-позитивный сценарий выражается в том, что интеграционные идентификационные стратегии региональных этнических групп присущи, в основном, старожильческим диаспорам и землячествам. Последние наиболее успешно интегрированы в экономическую сферу, но гораздо слабее включены в социокультурную сферу регионального и местного сообщества. По оценке экспертов, их интегрированность

в региональную и местную экономическую среду составляет в среднем 3 балла из 5, а включенность в социокультурную среду регионального и местного сообщества составляет от 1,8 до 2,4 баллов из 5. Такой сценарий, по мнению экспертов, значимо представлен в обследуемых регионах.

Умеренно-негативный сценарий выражается в том, что преобладающие (пассивно адаптационные и обособленческие) идентификационные стратегии разных этнических групп способствуют затяжному кризису в межнациональных отношениях в региональном социуме. Для такого сценария значимыми характеристиками выступают: продолжающийся процесс деградации реального сектора экономики (обрабатывающей промышленности и крупного коллективного сельского хозяйства с использованием современных производственных и перерабатывающих технологий); отток экономически активного населения из деревень, сёл, малых городов в мегаполисы и областные центры, ведущий к демографической катастрофе государствообразующего народа; деградация русского социокультурного типа в межэтнических отношениях посредством изъятия общегосударственных социокультурных маркеров (смыслов), отражающих силу и единение народов России. Имеется в виду последовательное замещение в отдельных российских регионах, национальных автономиях и республиках общероссийских социокультурных маркеров на национальные: улиц, памятников, топографических названий, общих праздников, юбилеев и т.д. (Thakakhov 2017).

Негативный сценарий выражается в том, что преобладающие обособленческие идентификационные стратегии разных этнических групп способствуют повышению конфликтности в региональном социуме. Это проявляется в недостаточном знании русского языка, игнорировании местных обычаев, традиций, праздников, неприятие браков с людьми иной национальности и другое. В том числе некомпетентность управления межэтническими отношениями, ошибки властей разного уровня, предвзятость СМИ в освещении вопросов межэтнических отношений. Для такого сценария значимыми характеристиками выступают: отсутствие государственной политики и управления межнациональными отношениями на основе стратегических геополитических интересов развития государства; нарастание отчуждения народа от власти и власти от народа; деиндустриализация экономики, ведущая к её архаизации и преобладанию сферы обращения над сферой производства, что сужает возможности трудоустройства на локаль-

ных рынках труда экономически активного населения в соответствии с квалификацией и способностями; воспроизводится в значительных масштабах теневая экономика и теневой рынок, где заметная её часть «окрашена» внеэкономическим фактором — клановой этничностью (Dmitriev, Zhukov, Pyadukhov 2009).

В настоящее время, в обследуемых регионах, где преобладает русское этническое большинство, реализуется, в целом, *умеренно-позитивный* сценарий взаимоотношений новых диаспорных и земляческих групп с местным населением. Однако эта ситуация, по объективным социально-экономическим и социокультурным причинам, имеет тенденцию перехода к умеренно-негативному, а не к позитивному сценариям в течение обозримого будущего, если не будет реализована на федеральном и региональном уровнях *этноэкономическая модель солидарных отношений и поведения (модель совместного развития)* во взаимоотношениях диаспорных и земляческих групп с местным населением. Этому может способствовать и необходимость реальной и системной нерыночной интеграции России, Белоруссии, большей части Украины, Азербайджана, Армении, Казахстана, Киргизии, Таджикистана и Узбекистана по совместной жизнедеятельности их народов. В условиях рынка такая интеграция невозможна, наоборот, потребуются жесткая визовая политика к проблемным по своим последствиям этническими внешними мигрантами из стран Средней Азии, Китая, Вьетнама, стран Закавказья. В этой связи необходима разработка системы региональных пороговых показателей количества и качества переселения людей иной ментальности и культуры для обеспечения социально-экономической и социокультурной безопасности страны и ее регионов.

Однако такая политика при господстве рынка не избавит российские регионы от тенденции формирования негативного сценария (в течение 5–8 лет) во взаимоотношениях новых диаспорных и земляческих групп с местным населением в обследуемых регионах, но без неё лишь ускорит.

В заключение можно утверждать, что устойчивые межэтнические отношения при взаимодействии диаспор и землячеств с местным населением («позитивный сценарий»), способствующие интеграции полиэтничного населения возможны лишь при реализации этноэкономической модели *солидарных отношений и поведения (модели совместного развития)*. Без жизненно необходимой для российского государства смены либерально-рыночной экономической системы на систему сме-

шанной, социально и национально ориентированной экономики, способствующей в стране консолидация общероссийского пространства вряд ли возможна. К её основным параметрам следует отнести: жесткий хозяйственный протекционизм в интересах развития страны, с последующим выходом из ВТО. Финансовая система в интересах производительного сектора. Высокие налоги на личные сверхдоходы и пониженные на производительную деятельность. Полный национальный контроль за природно-ресурсным комплексом, вплоть до национализации. Разнообразие хозяйственных укладов и форм собственности, где малый и средний бизнес могут быть частными, но крупный — только государственным. Отказ от «оптимизации» образования, здравоохранения, культуры и их развитие на нерыночной основе и т.д.

Существующая система способна воспроизводить лишь *«рыночных отношений и поведения»* и *«конфликтных отношений и поведения»*, этноэкономические модели, которые дают простор умеренно-негативному и негативному сценариям развития межэтнических отношений диаспор и землячеств с местным населением. На это указывают многочисленные и неудачные попытки в рыночных условиях решать этнические проблемы на теоретическом уровне (создавая социально-политическую химеру «российской нации») и на практическом (разработанная правительством федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации», согласно которой к 2020 году доля граждан, положительно оценивающих состояние межнациональных отношений, составит 65 процентов; уровень толерантного отношения к представителям другой национальности составит 85 процентов, что весьма далеко от нынешних конфликтогенных реалий). Вместе с тем, есть надежда на появление необходимых социально-экономических факторов и возможностей пространственной и межэтнической консолидации России. Эта надежда пока связана с понятийным аппаратом и причинно-следственными связями восьми направлений экономической безопасности страны, рассматриваемых в указе президента РФ от 13 мая 2017 г. «О стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года»: 1) развитие системы государственного управления, прогнозирования и стратегического планирования в сфере экономики, 2) обеспечение устойчивого роста реального сектора экономики, 3) разработка и внедрение современных технологий, 4) устойчивое развитие национальной финансовой системы, 5) сбалансированное пространствен-

ное и региональное развитие страны, 6) повышение эффективности внешнеэкономического сотрудничества, 7) обеспечение безопасности экономической деятельности, 8) развитие человеческого капитала (Ukaz prezidenta RF... 2017). Появление такой стратегии является обнадеживающим фактом для перехода экономики к мобилизационной модели развития, в которой основным фактором выступает «общее дело», понимаемое в смысле социальных технологий продуктивной кооперативной деятельности, которые выработала российская цивилизация за века своей истории. В этих условиях на государственном уровне появится возможность формирования этноэкономической модели *солидарных отношений и поведения (моделисовместного развития)* диаспор и землячеств с местным населением. Это — заявка на уход от статуса колониального придатка Запада и попытка возвращения российского государства после четверть векового отчуждения к своему государствообразующему субъекту, к русскому народу. Социально-экономические и социокультурные коды русского народа (самодостаточность, мастеровитость, коллективизм, радушие, уживчивость, доброта) способны формировать и воспроизводить устойчивые межэтнические и межконфессиональные отношения на принципах социальной справедливости и обеспечения равенства всех перед законом. Поэтому в основе гармоничных межэтнических отношений в стране и регионах может быть лишь формирование общей российской идентичности как единства многообразий этнических идентичностей народов России на цивилизационной базе русской нации: русского социокультурного типа.

Кроме того, для тематического развития исследований этноэкономических моделей взаимодействия диаспор и землячеств с местным населением и, соответственно, сценариев развития этих взаимодействий, необходимо продолжить работу в 2018—2019 годах по следующим направлениям:

- введение в анализ нового субъекта исследования — представителей русского этноса (большинства населения) в регионах для выявления и уточнения оценки отношения к себе со стороны других этносов, уровня удовлетворенности русских этносоциальной ситуацией и своей защищённости, динамикой межэтнических отношений и степени их остроты, отношения к мигрантам в регионах;
- разработка, создание и апробация основных понятий, показателей, индикаторов для обоснования этноэкономических моделей и прогнозных сценариев межэтнических отношений диаспорных

- и земляческих сообществ с местным населением в регионах на среднесрочный период (до 2025 года);
- разработка новой экспертной анкеты с тремя блоками показателей (экономическими, социокультурными, психологическими: восприятие внешней среды этническими группами) и проведение экспертного опроса в 2018 году в обследуемых регионах (по 3–4 вопроса для каждого блока) с обязательной разбивкой показателей на соответствующие индикаторы, а последние – на шкалирование ответов для создания районированных социокарт по проблемным вопросам и рискам межэтнических отношений в обследуемых регионах;
 - проведение ежегодных мониторингов (в 2018 и в 2019 годах) особенностей взаимодействия представителей старожильческих и «новых» диаспор и землячеств с местным населением в обследуемых регионах на основе пороговых показателей такого взаимодействия для решения задач социокультурной безопасности и консолидации регионального социума.

Библиография

- Denisova G.S., Ulanov V.P. (2003) Russkie na Severnom Kavkaze: analiz transformatsii sotsiokul'turnogo statusa. [Russians in the North Caucasus: an analysis of the transformation of the socio-cultural status]. Rostov-na-Donu. (In Russian)
- Dmitriev A.V., Zhukov V.I., Pyadukhov G.A. (2009) Migratsiya: konflikt, bezopasnost', sotrudnichestvo. [Migration: conflict, security, cooperation]. M.: Izd-vo RGSU. (In Russian)
- Fursov Andrei. Glupost' ili izmena? (11.03.2017) [Stupidity or treason?] Available: [http:// www.newsland.com/community/5134/content/andrei-fursov-glupost-ili-izmena/5722571](http://www.newsland.com/community/5134/content/andrei-fursov-glupost-ili-izmena/5722571) (accessed on: 11.03.2017). (In Russian)
- Khantington S. (2008) Kto my? Vyzovy amerikanskoj natsional'noi identichnosti. [Who are we? Challenges of American National Identity]. / Per. s angl. A. Bashkirova. M.: AKT MOSKVA, 635 p. (In Russian)
- Kuznetsov I.M., Mukomel' V.I. (2007) Formirovanie etnicheskikh nish v rossijskoj ekonomike: istoriya voprosa. [Formation of ethnic niches in the Russian economy: the history of the issue]. // *Neprikosnovennyi zapas: debaty o politike i kul'ture*. [Inviolable stock: debate about politics and culture]. № 1. pp. 175–184. (In Russian)
- Laisha A.V. (2012) Etnicheskoe predprinimatel'stvo v sovremennoi Rossii i perspektivy ego razvitiya. [Ethnic entrepreneurship in modern Russia and prospects for its development]. // [Philosophical sciences]. № 4. pp. 121–126. (In Russian)

- Milov L.V. (2008) Velikorusskii pakhar' i osobennosti rossiiskogo istoricheskogo protsessa. [Great Russian plowman and features of the Russian historical process]. M.: ROSSPEN. (In Russian)
- Petrosyants V.Z. (2005) *Ekonomicheskaya politika depressivnogo regiona: problemy formirovaniya i realizatsii*. [Economic policy of the depressed region: problems of formation and implementation]. M.: Nauka. (In Russian)
- Popkov Yu.V. (2017) Gosudarstvennaya natsional'naya politika kak faktor mezhetnicheskoi integratsii rossiiskogo obshchestva. [State National Policy as a Factor of Interethnic Integration of Russian Society]. // *Siberian Socium*. Tom 1. №. 1. pp. 114–131. (In Russian)
- Radaev V.V. (1993) Etnicheskoe predprinimatel'stvo: mirovoi opyt i Rossiya. [Ethnic entrepreneurship: world experience and Russia]. // *Politicheskie issledovaniya*. [Political Studies]. № 5. pp. 79–87. (In Russian)
- Rossiiskaya diaspora kak faktor ukrepleniya natsional'nykh interesov Rossii na postsovetskom prostranstve. [Russian Diaspora as a Factor of Strengthening Russia's National Interests in the Post-Soviet Space]. (2011) M.: Institut diaspor i integratsii (Institut stran SNG), 148 p. (In Russian)
- Tkhakakhov V.Kh. (2017) Karta goroda: simvolicheskaya transformatsiya prostranstva na Severnom Kavkaze. [City map: symbolic transformation of space in the North Caucasus]. // *Sotsiologicheskie issledovaniya*. № 4. pp. 17–25. (In Russian)
- Ukaz prezidenta RF ot 13 maya 2017 g. "O strategii ekonomicheskoi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii na period do 2030 goda". [Decree of the President of the Russian Federation of May 13, 2017 "On the Strategy of Economic Security of the Russian Federation for the Period until 2030"]. Available: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/715726608/> (accessed on: 10.03.2017). (In Russian)

Modeling and Forecasting of Interethnic Relations in the Russian Regions

Summary

In the article, on the basis of the development of ethnoeconomic models and scenarios, the peculiarities of the development of interethnic relations in the surveyed regions (the Krasnodar Territory, the Nizhny Novgorod and Tyumen Regions) in the context of the all-Russian national and economic security are considered².

Key words: diasporas and communities, region, ethnoeconomic models, forecast scenarios.

²The study was conducted with the support of the Russian Science Foundation, project No. 15-18-00093.

ЭЛИТЫ В РЕТРОСПЕКТИВЕ

В современном крайне неустойчивом мире динамических изменений, вызванных новыми цивилизационными вызовами, преимущественно такими как глобализация и технологизация, актуализируется вопрос управления обществом в новых, доселе неизвестных условиях социально-политического и экономического развития. В связи с чем возникает вопрос об элитах, тех социальных группах, которым исторически была отведена роль направлять общественное развитие и выступать в качестве основных агентов трансформаций. **Задачами** данной статьи является: кратко рассмотреть, как на протяжении истории менялись критерии принадлежности к элите, какие элитные группы доминировали в отдельно взятый исторический период, а также попытаться выяснить какая элитная группа должна преобладать в современном мире повышенной сложности. При исследовании использовался **Деятельностный подход**, который является элементом Интегративной социологической теории элит (П. Штомпка, Э. Гидденс, П. Бурдьё, Г. Эндрувайт и др.). Деятельностный или субъектный подход понимает элиту как субъект (комплекс определенных ресурсов) деятельности, способный изменять сложившиеся социальные структуры, оказывать стратегическое влияние на социальные процессы, меняя ценностные ориентации и поведенческие стереотипы в обществе.

Ключевые слова: элита, интеллектуальная элита, элитные группы.

Введение

До сих пор в поле дискурса наук об обществе у социального явления «элита» нет четко определенной и универсальной дефиниции. В рамках одной статьи мы и не ставим задачи зафиксировать раз и навсегда такое определение. Во-первых, потому что сами по себе обществоведческие науки обладают характером непрерывного становления и пока не встали на путь кумулятивного развития с накапливаемым интеллектуальным согласием (как в естественных науках), которое в свою очередь могло бы привести к формированию твердой платформы для достижения такого консенсуса (Collins 2001). Во-вторых, в рамках обществознания выделяется множество школ и подходов, которые под разными углами зрения рассматривают понятие «элита», а значит единой точки отсчета пока не может быть сформировано. В-третьих, расхождение между ожиданиями и реальными действиями элиты, а

также непрерывно изменяющийся мир, вынуждает исследователей раз за разом возвращаться к поиску определения категории «элита», которое соответствовало бы действительности.

В данной статье будет дан краткий обзор истории элит, чтобы показать, как изменяются критерии принадлежности к элите в связи со сменой ключевых характеристик общества. Соответственно, при анализе используется **исторический подход**, который заключается в том, чтобы рассматривать «элиты» в неразрывной связи с контекстом эпохи. В этой связи мы будем использовать трехчастное деление истории на: аграрную, индустриальную, постиндустриальную эпохи, которая в свою очередь коррелирует с периодами: Античность и Средневековье, Возрождение и Просвещение, Новейшее время (Toffler 1981).

Переосмысление данного социального явления сегодня актуализируется кризисным характером современного исторического развития и беспрецедентно новым набором **цивилизационных вызовов** (под цивилизационным вызовом понимается система одновременного мощного кардинального изменения базовых параметров социального пространства, влекущего за собой трансформацию социальных отношений и качеств социальных акторов, общих представлений об успешных стратегиях и факторах их детерминации) (Mikhailyova 2005). В переломные эпохи именно элитным группам, как меньшинству, обладающему наивысшей субъектностью¹ отводится главенствующая роль в концептуализации векторов будущего развития общества. По мнению Р. Лахмана: «Цепочки случайных изменений начинаются с элит, а не с классов и индивидуумов.» Придерживаясь теории о роли агентности (Long 2009) в социальном изменении, Лахман полагает, что историю Европы сделали рациональные и осторожные элиты, а «не визионеры, не великие стратеги, не навязчивые маниакальные протестанты» (Lachman 2002).

О термине

Термин «элита» происходит от латинского *eligere*, что означает выбирать; в современной литературе получил широкое хождение от французского *elite* – лучший, отборный, избранный. Несмотря на

¹Субъектность – системосозидающий элемент бытия, позволяющий человеку (или коллективу) выступать в качестве актора социального действия, рефлексивного агента социальных трансформаций.

то, что явление «элита» возникло значительно раньше (еще во времена Античности), сам термин начинает употребляться лишь в XVIII веке для наименования «избранных людей», прежде всего высшей знати, а также отборных воинских частей. И только в начале XX века Итальянский социолог В. Парето вводит понятие «элита» в широкий обиход общественных наук (Pareto 1995). Однако, несмотря на то, что термин стал частью словаря социальных наук, правомерность его использования все же ставится под сомнение. Основные возражения связаны с принижением роли народных масс в политическом процессе (то есть где массы — это объект vs. элита — это субъект) и с противоречием идеалам демократии. Например, ряд сторонников политического плюрализма полагают, что термин «элита» пригоден для характеристики примитивных политических систем и не подходит для анализа современных демократических структур (Moore & Hendry 1982). Есть и сугубо терминологические возражения, касающиеся аморальности термина «элита», этимология которого подразумевает наличие лучших и более достойных людей среди власть имущих, которые в свою очередь чаще оказываются циничными, беспринципными и неразборчивыми в средствах людьми. В сравнительно малоизвестной работе немецкого математика и физика Германа Оберта «Какokratия», что в переводе означает «власть наихудших», рассматриваются реальные примеры, доказывающие, что в процессе отбора во властные структуры шансы подлецов всегда выше (Raushenbach 2000). А в диалоге Платона «Государство» аргументы в пользу неизбежности «власти наихудших», то есть, власти в интересах самой власти, а не подвластных, приводит сначала софист Фрасимах, а затем друзья Сократа Главкон и Адимант (Plato 1971).

Следует подчеркнуть, что понятие элиты тесно связано с проблемой **социальной стратификации**, т.е. элита — это высший слой в любой социальной системе. Данная формулировка отсылает нас к **общей теории систем**, с ее базовыми принципами дифференциации и иерархизации. Любой предмет может рассматриваться как система, т.е. некая целостность, состоящая из элементов, находящихся в иерархических отношениях, связях друг с другом, составляющих определенное единство (Bogdanov 1989). Принцип иерархии отвечает за функционирование системы как целого, где функцией управления уровнями наделяются именно высшие уровни. Таким образом, в сложных динамических системах (коими являются и социальные системы) можно выделить

управляющую и управляемую подсистемы, зафиксировать явление субординации — важнейший момент, объясняющий проблему элиты.

Так же выделение «элиты» тесно связано с проблемой **разделения труда** в обществе, неотъемлемой частью которой является дифференциация общества на руководителей (всегда в меньшинстве), и руководимых. Данное положение коррелируется с различием людей по психофизическим данным, в силу которых и возникает разделение труда на меньшинство, способное к организаторской деятельности и большинство, наделенное ролью исполнителей. Однако же одна из главных проблем такого деления заключается в требованиях со стороны элит особых привилегий. Кроме того, элитные группы склонны к стремлению захватить как можно больше власти и обеспечить statusquo за счет лишения масс субъектности, т.е. возможности принимать участие в управлении обществом, что представляет собой угрозу для устойчивого социального развития.

Аристократический элитизм Античности

Античная эпоха была интереснейшей эпохой в становлении знания об элитах, потому что именно в это время впервые было предложено иерархическое структурирование элит. Элитистские мотивы возникают уже в философии Гераклита темного (ок. 540—480 гг. до н.э.), для которого «Один, если он наилучший, выше десятитысячной толпы». Важно подчеркнуть, что «наилучший» выделялся не по критериям богатства и происхождения, а по уму, по духовным ценностям (Karabuschenko 1997). Философия избранности Пифагора создавалась как элитное знание для посвященных, которые принимались в орден по критериям высоких интеллектуальных и волевых качеств неопитов. Новый образ элиты рисует Сократ, где элита — это мудрецы, которые умеют обуздывать страсти своего тела, эмоции, желания низкого порядка (похоть), это самодостаточные люди, нацеленные на внутренне самосовершенствование. Для Сократа на первое место выходят высокоморальные качества человека, который претендует на роль элиты (особенно правящей). Но наиболее целостно элитарное мировоззрение Античного периода сформулировал Платон, идеолог афинской аристократии. Аристократизм Платона носил преимущественно интеллектуальный и нравственный характер. Платоновская культурная элита или аристократия духа, обладающая способностью воспринимать сакральное знание и достигать совершенства во всем,

противопоставляется массам (демосу (*demos*), что с греческого означает народ), которым свойственно опираться на чувства и мнение, а не на разум и знание. Свою версию социальной стратификации Платон основывал на учении о душе, согласно которому она состоит из трех частей: разумной, волевой (аффективной) и чувственной (пожелательной). В соответствии с этой классификацией, он делит общество на философов — правителей (разумная часть души), воинов-стражей, призванных поддерживать порядок (волевая часть души), народ (вождедеющая часть души), от которого требуется соблюдение установленных порядков, трудолюбие и повиновение высшей власти. Очевидно, что Платон выделяет два уровня привилегированных граждан — правители-философы и их помощники, воины. Критерии такой классификации вполне понятны — философы концептуализируют надлежащий порядок для общества, а помощники определяют способы реализации. Продолжателем этой аристократической позиции философа-правителя Платона является Аристотель со своей доктриной «сверхчеловека».

Средневековье

Представления об элитном существовании трансформируются в эпоху Средневековья. Хотя, надо отметить, что в основе внутренней структуры элит лежит вышеуказанная двухчастная модель Античности. Только правитель-философ — это уже не столько царь-философ, сколько аскет, умерщвляющий плоть во имя веры. Для познания Средневековья важнейшей является сфера религии и религиозности «как важнейшего измерения культуры» в обществе, переживавшем процесс христианизации. Средневековое общество представляет собой жесткую иерархию, в основании которой лежит идея трехчастной структуры (молящиеся, сражающиеся, пашущие/трудящиеся), которая так же выражается метафорой тела, где духовное сословие — это голова, военное — руки, «третье сословие» — ноги, на которых оно держится (Dubi 2000). Соответственно представления об элитности формирует «головная часть», т.е. богословы, такие как Августин Блаженный, Дионисий Ареопагит, Фома Аквинский, Иоанн Солсберийский и др. **Эразм Роттердамский выше мирских правителей ставит духовенство**, которое определяет не столько материальное благополучие общества, сколько духовную мотивацию человека. Вторым элементом внутренней структуры элиты Средневековья выступает **рыцарство**, определяющими

характеристиками которого является наивысшая добродетель: стремление к справедливости, дух жертвенности, защита угнетенных, честь, доблесть в бою и долг. *В одном из фрагментов в «Книге деяний маршала Бусико» (XIV в.)* мы можем отчетливо увидеть значимость вышеуказанных привилегированных социальных групп² Средневековья: «Две вещи были основаны в мире волею Господа, подобно двум столпам, дабы поддерживать порядок законов божеских и человеческих... без коих мир уподобился бы путанице и лишился порядка... Сии два безупречных столпа суть **Рыцарство и Ученость**, столь превосходно сочетающиеся друг с другом» (Huizinga 2002).

Новое время

Вслед за Средневековьем следует начало условно обозначаемого Нового времени/Модерна (XV–XX вв.), которое включает в себя эпохи Возрождения и Просвещения. Это время характеризуется упадком власти религии и расцветом бурной интеллектуальной деятельности, формированием новых элитных сфер и критериев элитности. В эту решающую для всей Западной цивилизации эпоху, Европейский мир движется по пути либерализма и на первый план выходят идеи свободы и толерантности, оформляются зачатки гражданского общества и осуществляется переход с эволюционного пути на инновационный (наука и техника). Таким образом, элитарность основывается на интеллектуальном, рациональном и творческом качествах. В качестве элиты в эпоху **Нового времени предполагается научное, художественно-творческое и философское сообщества или их симбиоз**, что нашло свое выражение в социальных утопиях Т. Мора, Т. Кампанеллы, Бабефа, Ж.Ж. Руссо (Pikov 2003). Достижения научной мысли «конвертировались» не только в социально-политическую сферу, но и в экономическую практику. Например, освоение земель по научно-обоснованной голландской методике или оказавшая революционное влияние на сельское хозяйство Англии, изобретение Дж. Туллем механической сеялки (Sheipak 2004). Тот факт, что основу Просвещения составили рациональное знание и культ разума, объясняет присутствующую этой эпохе моду на составление энциклопедий. Наибольшую известность на этом поприще приобрел грандиозный проект, пред-

² Любая относительно устойчивая совокупность людей, находящихся во взаимодействии и объединенных общими интересами и целями.

принятый французом Дени Дидро (1713–1784). Тяга к предельной генерализации выступала отражением безграничной веры в возможности разума (Kun 2010).

XIX–XX века (высшая точка эпохи Модерна) еще сохраняют критерии элитарности, основанные на интеллектуально-творческом начале, но научно-техническая революция и индустриализация обеспечили торжество капитализма и авторитета денег. Соответственно доминирующим критерием принадлежности к элите выступает богатство, владение правами на средства производства. В это время господствует буржуазия классического капиталистического общества. **К середине XX века** ситуация меняется, – сфера услуг, наука, образование постепенно начинают преобладать над промышленностью и сельским хозяйством, в результате чего профессиональные элиты, меритократия занимают высокие статусные позиции. Возникает конфликт старых элит традиционного капиталистического и буржуазного общества с новой управленческой элитой. Это противостояние Американский социолог Дж. Бернэм описал в своей теории «управленческой революции», которая заключалась в отделении функций управления от функций владения. Идеологией новой элиты стал либерализм, перетекающий в глобализм и номадизм (Burnham 1941). Так же следует отметить, что для XX века характерно увеличение численности элит, а также усложнение ее внутренней структуры. Еще К. Мангейм писал о «разрастании «элитарных групп», которое приводит к тому, «в демократическом массовом обществе уже ни одна из этих групп не может настолько утвердиться, чтобы накладывать свой отпечаток на все общество» (Mannheim 1940). Это утверждение содержит мысль о «массовизации элиты».

Новейшее время

В последней трети XX в. и начале XXI в. в ходе революции в информационных технологиях (1970-е) формулируется новая парадигма развития – **технологическая, в основе которой лежат информационные технологии**. Один из ведущих мыслителей современности М. Кастельс фиксирует новый способ общественного развития – **информационный**, определяя его следующим образом: «В новом информационном способе развития источник производительности заключается в технологии генерирования знаний, обработки информации и сим-

волической коммуникации. Специфическим для информационного способа развития является **воздействие знания на само знание как главный источник производительности**» (Castells 1998). Более того, рост объема знаний в современных условиях носит экспоненциальный характер. По мнению английского историка и исследователя науки Дерекы Прайса, основным фактором, определяющим закон экспоненциального роста объема знаний, является организация передачи информации (Price 1963). Учитывая стремительное развитие коммуникационных технологий в середине XXI в., можно сказать, что современный мир переживает процесс информационного взрыва. А взрыв, как известно представляет собой опасность, как физическую, так и социальную. М.Н. Эпштейн в своей статье «Информационный взрыв и травма постмодерна» по этому поводу отмечает: «Информационный взрыв таит в себе не меньшую опасность, чем демографический. Это кризис не перенаселенности, а **недопонимания**, кризис родовой идентичности. Человечество может себя прокормить — но может ли оно себя понять, охватить разумом индивида то, что создано видовым разумом? Хватит ли человеку биологически отмеренного срока жизни, чтобы стать человеком?» (Epshtein 2004). Отсюда возникает проблема не только переработки информации и превращения ее в знание (как известно информация и знание нетождественные понятия), но и в рефлексии, интерпретации полученного знания, чтобы преодолеть «недопонимание». В силу особой сложности структуры информационного общества возникает необходимость в интеллектуальной элите, такой социальной группе, которая будет способна отрефлексировать и наполнить содержанием тот объем информации, который необходим конкретному обществу. Одним из отличительных признаков, который выделял бы их в интеллектуальную элиту является высокая **когнитивная структурированность мышления**, позволяющая увеличивать темп и качество переработки информации (Nekhausen 2003). Помимо вышеуказанной инструментальной особенности интеллектуальной составляющей, фундаментальным свойством для интеллектуальной элиты является способность к **культурно-ценностному символическому производству**, которое наделяет объекты и действия значением, тем самым, делая этот мир осмысленным и понятным для других (Kadushin 1972). Именно это, преимущественно гуманитарное, свойство отличает интеллектуальную элиту от любого другого представителя интеллектуального труда, в том числе и от пред-

ставителей академического и экспертного сообщества, и от интеллигенции.

В связи с гипертехнологизацией, глобализацией и беспрецедентным неравенством сосредоточения всего мирового капитала в руках нескольких человек (В 2017 году 82% мирового богатства были сосредоточены в руках 1% самых состоятельных граждан планеты (8 человек), говорится в докладе Oxfam, который организация выпускает ежегодно перед Давосским форумом) (Forbes 2017), мир сталкивается с кризисом общечеловеческих и демократических ценностей, культурной аномией³, социальным радикализмом, нередко переходящим в экстремизм, национализм и протекционизм, с усиливающимися тенденциями к демодернизации и феодализации («патримониальный капитализм») (Piketty 2014). Так же следует отметить еще одну опасную тенденцию, связанную с глубоким социальным расслоением по линии богатства, это биологическое неравенство. Уже сегодня биотехнологии, нацеленные на преодоление физиологических и когнитивных ограничений человека, доступные лишь очень богатым людям, в перспективе закладывают основу для нового типа социальной поляризации — разделения людей на два вида: «постлюдей» и всех остальных, т.е. неравное распределение самих человеческих возможностей (Tegmark 2016). В свете вышеописанного положения вещей, мне представляется наиболее важным актуализировать ответственность интеллектуальной элиты как социальной группы, нацеленной на гуманизацию⁴ интеллектуального климата. В этой связи возникает особая необходимость в гуманитаризации системы образования.

Выводы

Входе вышеизложенного исторического обзора, я попыталась выделить основные элитные группы в каждый из периодов от Античности и до нашей дней. Рассматриваемый период общественного развития я обобщила бы в следующие последовательности: Античность

³ Это понятие введено в конце XIX в. Э. Дюркгеймом. Культурная аномия означает разрушение прежней системы ценностей, что ведет к разрушению социального контроля за поведением людей и социальных связей между индивидами. В эпоху перемен, социальных кризисов человек переживает своего рода культурный шок, потому что на его глазах происходит столкновение различных ценностных систем.

⁴ Гуманизация — борьба за сохранение человеческого (духовного) в супердинамичной жизни общества нового типа.

и Средневековье – Аграрная эпоха – Сословное общество – Аристократически склад элиты; Первая половина «нового времени» – Индустриальная эпоха – Классовое общество – Элита капитала и профессионализма; Вторая половина «нового времени» – Постиндустриальная эпоха (Информациональное общество) – Интеллектуальная элита. Несмотря на то, что элиты каждого рассмотренного периода отличаются по своим признакам, тем не менее рождается предположение, что каждая из предыдущих доминирующих сил общества входит частью своего состава в последующую доминирующую элитную группу, что можно назвать эффектом матрешки. По мере усложнения социального пространства и все большей технологизации, элитные группы множатся и усложняются. Несмотря на все различия между ними, в качестве объединяющего свойства каждой превалирующей элитной группы, я бы выделила способность удерживать общество в состоянии равновесия в непрерывно изменяющихся условиях. Сегодня такая задача может быть подвластна лишь интеллектуальной элите, обладающей высокой когнитивной структурированностью мышления и способностью производить культурно-ценностную символическую продукцию, создавая благоприятный интеллектуальный климат. Следовательно, на повестку дня любого государства сегодня выходит способность формировать такую элиту, чтобы не оказаться на обочине исторического развития. Соответственно, образование, главным образом гуманитарное и наука приобретают стратегический характер в политике государства.

Библиография

- Bell D. (1999) *The Coming of Post-Industrial Society*, New York: Basic Books. (In English)
- Bogdanov A. (1989) *Essays in Tektology*, The General Science of Organization. 2nd ed., Michigan State University. pp. 87–90. (In English)
- Burnham J. (1941) *The Managerial Revolution*, NY. pp. 80–125. (In English)
- Castells M. *The Information Age: Economy, Society and Culture*, Vol. I–II. Oxford: Blackwell Publishers, 1998. – 625 p. (In English)
- Collins R. (2001) *The Sociology of Philosophies: A Global theory of Intellectual change*. Harvard University Press. 1120 p. (In English)
- Duby G. (1981) *The Three Orders: Feudal Society Imagined*, Chicago: University of Chicago Press, p. 112. (In English)
- Epshtein M (2004) *Znak Probela. O Budushem Gumanitarnih Nauk*, M.: Novoe Literaturnoe obozrenie.

- Hekhauzen H (2003) *Motivaciya i Deyatel'nost*, M.: Smisl. p. 520.
- Lyalikova A. (22.01.2018) *Global'noe rassloenie: 82% mirovogo bogatstva sosredotocheny v rukah 1% naseleniya zemli*, Forbes. Available: <http://www.forbes.ru/milliardery/356013-globalnoe-rassloenie-82-mirovogo-bogatstva-sosredotocheny-v-rukah-1-naseleniya> (accessed on 01.04.2018).
- Huizinga J. (1999) The Waning of the Middle Ages. *Courier Corporation*, pp. 154–160. (In English)
- Kadushin C. (1972) *The American intellectual elite*, Oxford books. 460 p. (In English)
- Karabuschenko P. (1997) *Antichnaya politicheskaya filosofiya: Afinskaya shkola teorii elit*, Astrakhan. p. 129.
- Kun B. (2010) *Epoha Prosvesheniya*. Metodologicheskaya gazeta dlya uchitelei nemeckogo yazika, N 18 (9). pp. 16–25.
- Lachman R. (2002) *Capitalists in Spite of Themselves. Elite Conflict and Economic Transitions in Early Modern Europe*. Oxford University Press. pp. 250–280. (In English)
- Long Ch., Hitlin S. (2009) Agency as a sociological variable: A preliminary model of individuals, situations, and the life course. *Sociology compass*. Hoboken: Wiley, Vol. 3. Is. 1. pp. 137–160. (In English)
- Mannheim K. (1940) *Man and Society in an Age of Reconstruction: Studies in Modern Social Structure*, London: Routledge & Kegan Paul. (In English)
- Mikhailyova Ye. G. (2005) *Intellektual'naya elita v matritse sovremennykh tsivilizatsionnykh izmeneniy*, Kharkov: Izdatelstvo Narodnoy Ukrainsoy Akademii. p. 302.
- Moore S., Hendry B. (1982) *Sociology*. Suffolk. (In English)
- Paero V. (1935) *The Mind and Society*. London: Jonathan Cape Limited. p. 15. (In English)
- Piketty T. (2014) *The Capital in XXI century*. (In English)
- Pikov G. (2003) “Vozrozhdenie” kak osobennost razvitiya evraziyskoy kulturi. *Istoriya I teoriya kulturi v vuzovskom obrazovanii*. Novosibirsk: NGU.
- Platon. *Gosudarstvo. Sobranie sochineniy*. T. 1. p. 85.
- Price D.J. (1963) *Little Science, Big Science*. N.Y.: Columbia University Press. (In English)
- Rausenbach B. (2000) *Pristrastie*. M., Agraf. pp. 352–355.
- Sheipak A (2004) *Istoriya Nauki I Tehniki: Materiali i tehnologii*, Ch. 2. M.: MGU. p. 124.
- Tegmark M. (2016). *Life 3.0*. (In English)
- Toffler A. (1981) *The Third Wave*. NY. (In English)

Elites in Retrospect

Summary

In a volatile modern world of the dynamic changes caused by new civilization calls, mainly such as globalization and technologization, the question of management of society in new, hitherto unknown conditions of socio-political and economic development, foregrounds. In this connection, there is an issue of an “elite”, those social groups to which the part has been historically assigned to direct social development and to act as the primary agents of transformations. Tasks of this article is: to briefly consider how throughout the history criteria of belonging to elite were changing, what elite groups dominated during separately taken historical periods, and also to try to find out what elite group has to prevail in the modern world of the increased complexity. Activity approach which is an element of the Integrative sociological theory of elite was used (P. Szhtompka, E. Giddens, P. Bourdieu, G. Endruwhite, etc.). Activity or subject approach understands “elite” as a subject (a complex of specific resources) of activity, capable of changing the developed social structures, to exert a strategic impact on social processes, transforming valuable orientations and behavioral stereotypes in society.

Key words: elite, intellectual elite, elite social groups.

Валерий Никифоров, Никита Никифоров (Латвия)

ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ВУЗОВСКОГО ОБУЧЕНИЯ

Статья посвящена постановке и краткому описанию путей решения проблем вузовского обучения на постсоветском пространстве последнего десятилетия. Эмпирическим базисом является педагогический опыт авторов как вузовских преподавателей и их коллег из других вузов указанного региона. Теоретико-методологическими средствами исследования послужила авторская трактовка методологии как теории методов рационализации и оптимизации любых видов деятельности. Рассмотрены и намечены пути решения следующих проблем: 1) адаптация содержания и методик вузовского обучения к современным информационным технологиям; 2) методы обучения знаниям и профессиональной деятельности; 3) традиционная технология обучения и технология научения деятельности; 4) проблемное обучение; 5) компетентность как результат эффективного обучения; 6) общеобразовательные учебные дисциплины как средства формирования компетенций.

Ключевые слова: эффективное обучение; метод обучения; технология обучения; проблемное обучение; уровни овладения информацией; компетенция, компетентности.

Определения основных используемых понятий

Обучение понимается как передача, трансляция накопленных человечеством знаний, навыков, умений и программ профессиональной деятельности от поколения к поколению. Под «эффективным обучением» понимается обучение, позволяющее не только сохранить, но и преумножить интеллектуальный потенциал человеческого общества, представляющий собой систему истинных знаний о человеке и окружающем его мире, совокупность навыков по адаптации знаний к возникающим инновациям и умения использовать знания и навыки для выживания и развития человечества. Проблема понимается как осознание возникшего в процессе деятельности противоречия между конкретной потребностью и адекватным средством ее удовлетворения. Наука понимается как: система иерархически упорядоченного, логически непротиворечивого, истинного знания и деятельность по производству новых для всего человечества знаний.

Актуальность проблематики

Еще в 1978 году группа ученых в докладе Римскому клубу «Нет пределов обучению» (“No Limits to Learning” – Дж. Боткин, Э. Эльманджра, М. Малица) обратила внимание мировой общественности на неадекватность принципов традиционного обучения требованиям современного общества. Действительно, переход от индустриального к постиндустриальному обществу привел к радикальному изменению понимания целей, технологии, форм и методов обучения. Появился новый класс – класс «интеллектуальных служащих», прекрасно представляющих, что хорошее позволяет выбирать им работодателя – так например, в специалисте-компьютерщике, знающим несколько языков нуждаются практически все учреждения и организации. Это существенно изменило ситуацию на рынке труда – не только работодатель диктует условия работнику, но и «интеллектуальный служащий» может диктовать свои условия работодателю. Это сделало притягательным качественное образование как таковое. Общество, в котором образованность стала важным ресурсом и капиталом стало выдвигать более жесткие требования к эффективности образовательной деятельности.

Актуальными, т.е. социально значимыми проблемами эффективности вузовского обучения на постсоветском пространстве в настоящее время представляются следующие: 1) адаптация содержания и методик вузовского обучения к современным информационным технологиям; 2) повышение роли науки как системы логически упорядоченного, непротиворечивого и истинного знания в преподавании учебных дисциплин; 3) формирование научной картины мира и научного стиля мышления; 4) повышение доказательности выступлений и письменных работ обучаемых; 5) гармонизация обучения знаниям и обучение профессиональной деятельности; 6) более широкое использования методов формирования программ профессиональной деятельности; 7) повышение информационной компетентности обучаемых: обучение достаточно полному и точному информационному поиску и оценке достоверности информации; 8) введение в качестве обязательных учебных дисциплин, формирующих коммуникативную компетенцию; 9) научение самостоятельному обучению. Некоторые из перечисленных проблем и возможные пути и средства их решения будут рассмотрены в данной статье.

Специфика учебной деятельности

Деятельность понимается как специфически человеческая форма активного отношения человека к окружающему миру, содержанием которого является его целенаправленное изменение и преобразование. Деятельность характеризуется наличием: 1) цели; 2) конечного продукта (результата); 3) методов и средств его получения; 4) направленностью на определенные объекты. Для обучающего учебная деятельность является, как правило, репродуктивной — на уроке, лекции или семинаре преподаватель воспроизводит уже известные ему и другим формы и методы информационного воздействия на обучаемого. Для обучаемого, получающего новые для него, хотя и известные другим знания, навыки и умения, учебная деятельность является субъективно новой. Аналогично: научная деятельность может приводить к получению нового для человечества знания, т.е. объективно нового продукта-продуктивная деятельность; или к получению знания, являющегося новым лишь для его производителя, т.е. субъективно нового — репродуктивная деятельность.

Теоретико-методологические средства исследования учебной деятельности

В качестве исходной теоретико-методологической основы исследования учебной деятельности использована трактовка методологии как теории методов рационализации и оптимизации любых видов человеческой деятельности. При этом, рациональность понимается как минимально необходимый набор следующих процедур: *рациональность = законосообразность + целенаправленность + целесообразность + результативность*, где: законосообразность есть соответствие действий объективным закономерностям, «законам» природы; целенаправленность — направленность действия на цель деятельности даже при изменении ее программы; целесообразность — соответствие действия цели деятельности независимо от изменения внешних условий ее реализации; результативность понимается как вклад (полезность) действия для достижения цели деятельности без учета тех потерь и того положительного эффекта, которые нельзя было предвидеть до начала осуществления действия. Оптимизация традиционно трактуется как выбор наилучшего варианта содержания и структуры деятельности и последовательности составляющих ее действий (более полно см.: Nikiforov 1987, Nikiforov 2002).

Систематическое обучение и информационные клипы СМИ

Представляется, что главной особенностью вузовского обучения в 21 веке стало то, что объемы информации, получаемой студентом, магистрантом или докторантом в стенах вуза и за их пределами стали сопоставимы. Но знания, получаемые в вузе, систематически организованы, иерархически упорядочены, логически непротиворечивы и достоверны, а информация СМИ фрагментарна, противоречива, плохо аргументирована и мало достоверна. Но вузовская информация дается в традиционно-скучных формах, а СМИ прилагают огромные усилия на поиск эффективных форм ее подачи и некоторые из этих эффективных форм оказываются эффективными. Это приводит к тому, что большинство студентов первого курса, даже на семинарских и других занятиях в стенах вуза не считают нужным дефинировать даже основные ими используемые понятия, а в случаях принуждения к этому оказываются не способными дать определения даже таким, постоянно используемым ими понятиям как «образование», «знание», «наука», «теория», «истинность», «правильность» и др. Понятно, что для эффективного вузовского обучения, использующего достижения, принципы, методы и стиль науки, эти установки обыденного мышления и «здорового смысла» являются не приемлемыми.

Представляется, что необходимым (хотя и недостаточными) средством противопоставление бессистемности, избирательной достоверности/недостоверности и бездоказательности интернетовской информации может служить повышение значимости достаточно давно введенной, обязательной для всех бакалаврских программ общеобразовательной учебной дисциплины «Теория и методика учебной и научной работы студента». Важно, чтобы данный учебный курс включал не только описания специфики, технологии и методик обучения в высшей школе, не только давал достаточно полное и глубокое представление о специфике науки и научной деятельности, но и содержал эффективные формы закрепления и контроля знаний принципов научного мышления, навыков использования принципов научного мышления и формирование научного стиля мышления (более полно см.: Nikiforov, Kachan, Nikiforov 2016).

Как показала многолетняя практика, снижению негативного влияния отмеченных выше качеств интернетовской информации весьма эффективно способствуют курс «Логика», который в Балтийской Международной академии был введен с момента ее основания в 1992

году в качестве обязательного для всех бакалаврских программ обучения. Причем, важно чтобы в содержание этого курса были включены разделы, посвященные взаимосвязи мышления и языка, правилам определения понятий, логической структуре доказательства и опровержения (в качестве примера см.: Nikiforov 2004).

Необходимым условием системности мышления обучаемых и иерархической упорядоченности знаний в их сознании является наличие научной картины мира. Иррационалистический уклон сознания молодого поколения, возникший в последние десятилетия в том части мира, в которой мы живем, привел к тому, что многие студенты не имеют научной картины мира, а довольствуются обыденной или религиозной.

Конечно, всякая отдельная (конкретная) наука, имея в качестве своего объекта лишь часть мира, не может сформировать картину мира в целом. Мировоззренческую функцию, как известно, выполняет философия. Но для того чтобы, формируемая философией, картина мира была научной, исходными данными для картины мира должны быть научные теории как системы истинного знания о соответствующих объектах, явлениях и процессах объективной реальности, человеческой деятельности и мышления. И сам процесс формирования картины мира должен осуществляться в соответствии с принципами научности и научными методами. Следовательно, философия сама должна стремиться быть наукой — наукой о наиболее общих закономерностях природы, общества и мышления. И преподавать философию в вузе необходимо именно как науку. При этом, в реально сложившейся ситуации, подобно курсам «Теория и методика учебной и научной работы студента» и «Логика», философия должна быть обязательной учебной дисциплиной для всех программ бакалаврской подготовки.

Информационное общество и информационные потребности обучаемых

«Информационное общество ... позволяет людям шире использовать свой потенциал и реализовывать свои устремления. Для этого мы должны сделать так, чтобы информационные технологии служили достижению взаимодополняющих целей обеспечения устойчивого экономического роста, повышения общественного благосостояния, стимулирования социального согласия и полной реализации их по-

тенциала в области укрепления демократии, транспарентного и ответственного управления международного мира и стабильности» (Окинавская Хартия Глобального информационного общества, июль 2000 г., Окинава).

Информационная революция, не смотря на пассивное сопротивление ей части обучающихся и обучаемых, существенно изменила и, как представляется, еще более радикально изменит технологию вузовского обучения. В вузовские программы всех направлений подготовки специалистов давно и в значительных объемах введены общие и специальные курсы по информатике; на лекциях широко используются компьютерные демонстрации; рефераты, курсовые и дипломные работы выполняются в цифровой форме и т.д. и т.п. Однако, интернет содержит огромное число недостоверной информации и потому сегодня, как представляется, становится первостепенно значимым научение обучающихся умению оценки степени достоверности получаемой информации. Поиск и оценка информации – две содержательно и качественно разные процедуры. Информационные поиски, которые ежедневно и ежечасно ведут обучаемые должны начинаться с анализа возникшей проблемной ситуации, формулирования проблемы и выделения ключевых понятий, ее отражающих.

Преподаваемая в вузе информатика должна не только научать работать с теми или иными программами и базами данных, но и управлять и оценивать свойствами информации, значимыми для студента как пользователя: 1) релевантность как соответствие запросам; 2) доступностью как возможностью получения; 3) актуальность как социальная значимость; 4) своевременность – временное соответствие потребности в информации; 5) достоверность как истинность и (или) практическая полезность; 6) точность как степень адекватности реальности; 7) эргономичность – удобство формы и оптимальность объема; 8) защищенность – невозможность несанкционированного доступа.

Уже в первом семестре обучаемые должны получать достаточное полное представление о существующих стратегиях и тактиках информационного поиска.

Их необходимо научить находить ответы на следующие вопросы: Что надо узнать? Где и в каком виде может быть необходимая информация? Кто может быть носителей необходимой информации? Как и в каком виде можно получить необходимую информацию?

В информационном поиске как, в прочем, и в каждом процессе, важен результат — его полнота (как отношение необходимой найденной информации к необходимой) и точность (как отношение необходимой найденной информации к найденной).

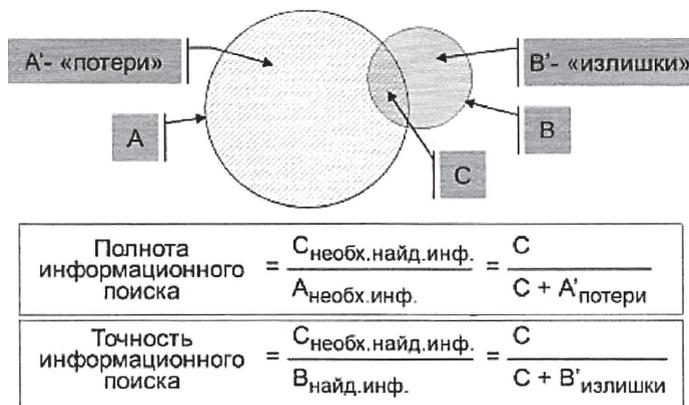

Рисунок 1. Результаты информационного поиска

Источник: составлено авторами

Естественно, что при написании курсовых и даже дипломной работы студент не в состоянии оценить полноту и точность проведенного для этого информационного поиска. Но само представления об этих важных показателях результата информационного поиска, как показывает практика, существенно способствуют его полноте и точности.

Методы обучение знаниям и профессиональной деятельности

Знания сами по себе ничего не дают ни человеку, ни человечеству. Практически значимой для человека является только деятельность по использованию знаний для адаптации к природному и социальному его окружению и желаемым их изменениям. Поэтому учить нужно не только знаниям, но и деятельности.

Необходимость обучения деятельности делает недостаточным научение лишь знаниям. Знания, как способность осмысленно и образно воспроизвести полученную ранее информацию, первый, наиболее элементарный уровень овладения информацией. Для успеш-

ной деятельности информацией необходимо владеть и на других, более высоких уровнях: знания – навыки – умения – программы профессиональной деятельности. При этом: 1) знание понимается как такой уровень овладения информацией, когда обучаемый способен осмысленно и образно ее воспроизвести; 2) навыки = знания + способность целенаправленно перегруппировать и адаптировать информацию; 3) умения = знания + навыки + способность использовать информацию для ее практического применения и/или для самостоятельного получения на ее основе необходимой новой информации; 4) программы профессиональной деятельности = знания + навыки + умения + способность корректно ставить и решать проблемы и задачи в условиях дефицита необходимой для этого информации.

Процесс эффективного обучения понимается как последовательный «перевод» обучаемого на более высокие уровни овладения информацией. Важно отметить, что подобно тому, что научить пониманию может лишь тот, кто сам понимает, сформировать у обучаемого не только знания, но навыки, умения и программы деятельности, может лишь тот преподаватель, который сам владеет информацией на этих уровнях.

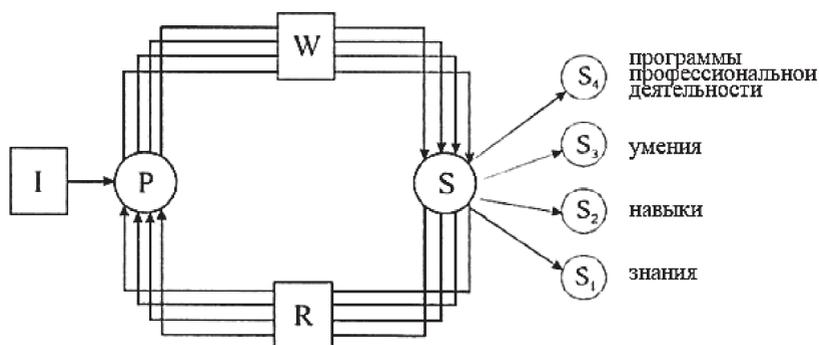

Рисунок 2. Уровни овладения информацией

Источник: *составлено авторами*

Функциональная структура обучения как процесса управления предполагает наличие следующих элементов: I – программы обучения; P – преподавателя; S – студента; W – средства и методы информационного воздействия; R – средства и методы контроля усвоения информации.

Уровни овладения информацией как цели обучения детерминируют выбор наиболее эффективных методов обучения и контроля.

Таблица 1

**Соответствие методов обучения и контроля
уровням овладения информацией**

Уровни	Методы обучения (W)	Методы контроля (R)
4. Программы профессиональной деятельности	4.3. Диспуты и дискуссии	
	4.2. Проектные разработки	
	4.1. Анализ альтернативных концепций	4.1. Дипломная работа
3. Умения	3.3. Индивидуальные экзаменационные задания	3.2. Курсовая работа
	3.1. Проблемная лекция	3.1. Семинар-пресс-конференция
		2.3. Экзамен-беседа
2. Навыки		2.2. Реферирование
	2.1. Тематическая лекция	2.1. Семинарконференция
		1.3. Семинар-беседа
1. Знания	1.2. Установочная лекция	1.2. Фронтальный опрос
	1.1. Обзорная лекция	1.1. Понятийный диктант

Источник: *составлено авторами*

Компетентность как результат эффективного обучения

В рамках Болонского процесса европейские университеты в разной мере и с различающимися степенями энтузиазма принимают и осваивают компетентностный подход, который рассматривается как своего рода инструмент усиления социального диалога высшей школы с миром труда, средством углубления их сотрудничества и восстановления в новых условиях взаимного доверия. При этом «Компетенции интерпретируются как единый (согласованный) язык для описания академических и профессиональных профилей и уровней высшего образования. Иногда говорят, что язык компетенций является наиболее адекватным для описания результатов образования» (Bajdenko 2005).

В качестве исходного зададимся следующим определением: компетентность есть иерархически упорядоченная, логически непротиворечивая система знаний, навыков, умений и профессиональный

программ деятельности, позволяющие решать проблемы и задачи в определенной сфере рациональным и оптимальным образом.

Представляется очевидным, что качество высшего образования следует оценивать не только по процессу (качество учебных планов и программ, качество академического персонала, качество информационно-методического обеспечения и др.), но и по результату — качеству выпускника. И именно поэтому наиболее конструктивным представляется подход к оценке качества выпускника вуза посредством оценки его компетентности, как системы необходимых для успешного осуществления его будущей профессиональной деятельности, компетенций.

Структуре и содержанию необходимых выпускнику вуза компетенций посвящена достаточно обширная литература, содержащая различные подходы к решению данных вопросов. Будем исходить из того, что для получения социально-значимых результатов современный специалист с высшим профессиональным образованием должен обладать следующими минимально необходимыми компетенциями: *профессиональная (предметная и инструментальная) + информационная + коммуникативная + социально-правовая + методологическая + мировоззренческая компетенция.*

Предлагаются следующие предметные и смысловые содержания этих понятий.

Профессиональная компетенция — ее содержание определяется спецификой профессиональной деятельности. Однако, всякая профессиональная деятельность предполагает не только наличие определенных знаний, но и специфических методов данной профессиональной деятельности. Поэтому профессиональная компетентность с необходимостью включает инструментальную компетенцию.

Информационная компетенция — наличие знаний о полноте и точности информационного поиска; навыки оценки степени достоверности информации; способность ориентироваться в информационном потоке; умение самостоятельно искать, анализировать, преобразовывать и использовать необходимую информацию; использование современных информационных технологий — программы, базы данных, электронная почта, якуре и др.

Коммуникативная компетенция — понимание ценности сотрудничества и готовность вступить в общение по познавательным, деловым, личностным мотивам; знание особенностей формального и неформального общения, умение слушать и слышать другого; навыкииро-

левого поведения: исполнитель, коллега, руководитель; 5) знание алгоритмических и иностранных языков.

Социально-правовая компетенция – понимание значения своих социальных функций как гражданина, члена общества, устойчивое позитивное отношение к своим общественным обязанностям; знание прав и свобод человека и гражданина, умение их реализовывать в различных жизненных ситуациях; умение соотносить свои интересы с интересами общества, нацеленность на совершенствование и развитие общества на принципах гуманизма, свободы и демократии; способность брать на себя ответственность, участвовать в функционировании и улучшении демократических институтов; толерантность, уважение и принятие Другого (раса, национальность, религия, статус, пол).

Методологическая компетенция – рефлексивное отношение к окружению; знание методов анализа проблемных ситуаций и корректной постановки проблем, методов и технологий принятия решений; умение рационализировать и оптимизировать профессиональную и другие виды деятельности.

Мировоззренческая компетенция – наличие научного, т.е. системного и обоснованного мировоззрения, способствующего пониманию окружающего мира и успешной адаптации к нему; наличие ценностных ориентиров и системы ценностей; понимание духовно-нравственных основ жизни человека и человечества; знание основ общечеловеческой и национальной культуры; наличие знаний о наиболее общих закономерностях природы, общества и познания.

Формирование профессиональной компетентности осуществляется посредством преподавания специальных (профилирующих) учебных дисциплин, которым в вузах традиционно уделяется основное внимание. Но как показывает опыт многих поколений, успеха, в том числе и профессионального успеха, многие добиваются не только и не столько благодаря профессиональным знаниям, навыкам и умениям, сколько умения построить отношения с окружением, содержательно, доказательно и убедительно проводить деловые диалоги и публичные выступления (коммуникативная и информационная компетенции), способности адекватно оценивать окружение и себя в этом окружении (методологическая и мировоззренческая компетенции). К этому следует добавить и то, что согласно статистике последних десятилетий, более 50% имеющих высшее образование, работают совсем не по той специальности, которая записана у них в диплом.

Следует также отметить, что далеко не все студенты латвийских вузов имеют хоть какое-либо представление о том, где и кем они будут работать по завершению обучения и даже в какой стране... Эти и другие особенности современного рынка труда делают не менее значимыми, чем профессиональная, такие компетенции как информационная, коммуникативная, методологическая и мировоззренческая.

Общеобразовательные дисциплины как средства формирования непрофессиональных компетенций

Под общеобразовательными учебными дисциплинами понимаются курсы, читаемые студентам, магистрантам и докторантам всех специальностей. В Балтийской международной академии (Латвия, Рига) читаются следующие общеобразовательные курсы: 1) теория и методика учебной и научной работы студента; 2) основы права; 3) основы экономики и предпринимательской деятельности; 4) информатика; 5) иностранные языки; 6) логика; 7) риторика; 8) общая психология; 9) социальная психология; 10) социология; 11) политология; 12) философия; 13) логика и методология научных исследований; 14) методика подготовки дипломных работ.

Формирование этими учебными дисциплинами минимально необходимых компетенций осуществляется следующим образом.

Таблица 2

Основные учебные дисциплины, обеспечивающие важнейшие компетенции

1	2
Информационная компетентность:	Теория и методика учебной и научной работы студента Логика Информатика Методика подготовки дипломных работ
Коммуникативная компетентность	Общая психология Социальная психология Риторика Иностранные языки
Социально-правовая компетентность	Основы права Социология Политология Основы экономики и предпринимательской деятельности

1	2
Методологическая компетентность	Теория и методика учебной и научной работы студента Логика Философия Логика и методология научных исследований Методика подготовки дипломных работ
Мировоззренческая компетентность	Философия

Источник: составлено авторами

Естественно, что некоторые учебные дисциплины формируют разными своими темами различные компетенции.

Традиционная технология обучения и технология научения деятельности

Потребность в обучении не только знаниям, но навыкам, умениям и программам профессиональной деятельности требует отказа от традиционной линейной технологии вузовского обучения, которую можно выразить следующей схемой: эффективных форм передачи информации и формы контроля ее усвоения обучаемыми.

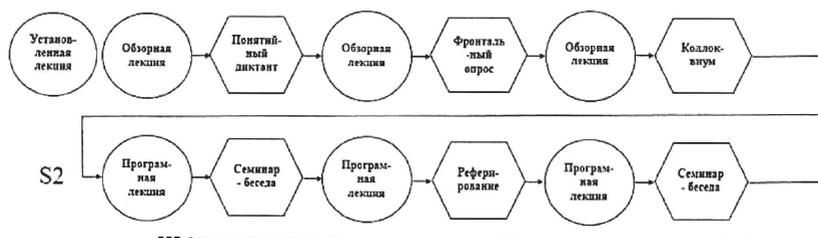

Рисунок 3. Последовательность методов трансляции информации обучаемому и методы контроля ее усвоения

Источник: составлено авторами

Можно обоснованно утверждать, что эффективность методов трансляции информации обучаемому и методы контроля ее усвоения им, на различных уровнях овладения информацией, различна. Так, например, понятийные диктанты и фронтальные опросы весьма эффективны на уровне знаний, в то же время использование на этом

уровне таких методов как диспуты и дискуссии неэффективно, ибо споры неподготовленных не имеют познавательного или любого другого социально значимого смысла.

Естественно, что обзорные и проблемные лекции, в отличие от тематических и предметных, требуют от обучаемых дополнительной самостоятельной работы. Но она не только позволит сократить аудиторное учебное время, но и будет способствовать развитию все более необходимых навыков самостоятельной учебной работы.

Традиционная технология обучения строится по дисциплинарному принципу: программа обучения распределяется по фиксированным периодам (семестрам) в каждом из которых осуществляется параллельное изучение определенного числа учебных дисциплин. Каждая учебная дисциплина изучается последовательно и контактно (аудиторно).

Традиционное обучение является самым распространенным и представляет собой обучение знаниям и навыкам по схеме: изучение нового — закрепление — контроль — оценка. В настоящее время традиционное обучение постепенно вытесняется другими видами обучения, т.к. определяются другие требования к личности и процессу ее развития в вузе. Их суть в том, что прежняя образовательная парадигма, основанная на мнении, что можно определить достаточный для успешной жизнедеятельности запас знаний и передавать его студенту, себя исчерпала.

Традиционное обучение может быть охарактеризовано как контактное, сообщающее, основанное на принципе осознания предмета освоения, целенаправленно неуправляемое, построенное по дисциплинарно — предметному принципу, вне контекстное (в системе высшего образования — без целенаправленного моделирования будущей профессиональной деятельности в процессе учебной деятельности студента в профессиональную деятельность специалиста).

Контекстное обучение опирается на теорию деятельности, в соответствии с которой, усвоение социального опыта осуществляется в результате активной деятельности субъекта. В нём получают воплощение следующие принципы: активности личности; проблемности; единства обучения и воспитания; последовательного моделирования в формах учебной деятельности слушателей содержания и условий профессиональной деятельности специалистов. Особое внимание обращается на реализацию постепенного, поэтапного перехода студентов к базовым формам деятельности более высокого ранга: от учеб-

ной деятельности академического типа к квази профессиональной деятельности (практики, стажировки).

Обучающая информация дается в виде различного рода текстов, которые самостоятельно (внеаудиторно) прорабатываются обучаемыми а затем обсуждаются на аудиторных занятиях с преподавателем.

В определенной степени контекстное обучение моделирует предметное содержание профессиональной деятельности специалиста, формируя навыки самостоятельного овладения новой информацией. Способствует трансформации учебной работы студента в профессиональную деятельность специалиста (более полно см. Verbickij 2000).

Технология программированного обучения

Цель концепции заключается в стремлении повысить эффективность управления процессом обучения на базе кибернетического подхода. В своей основе программированное обучение подразумевает работу обучаемого по некоей программе, в процессе выполнения которой, он овладевает знаниями. Роль преподавателя сводится к отслеживанию психологического состояния слушателя оценке эффективности поэтапного освоения им учебного материала и, при необходимости, регулированию программных средств. В соответствии с этим были разработаны различные схемы, алгоритмы программированного обучения – прямолинейная разветвленная, смешанная и другие, которые могут быть реализованы с использованием компьютеров, программированных учебников, методических материалов и др.

Технология проблемного обучения

Структура проблемного обучения представляет собой следующую последовательность учебных процедур:

- 1) описание и анализ проблемной ситуации как противоречие между некоторой потребностью и средствами ее удовлетворения;
- 2) постановка проблемы как отражение проблемной ситуации и путем «перевода» содержательного противоречия между потребностью и средством в противоречие «знание – незнание»;
- 3) расщепление проблемы на научную проблему и систему задач;
- 4) формирование научной проблемы; постановка задачи под задач;
- 5) использование имеющихся у обучаемых знаний для решения сформулированных задач.

Следует отметить, что проблемное обучение целесообразно использовать лишь применительно к уже имеющим в данной области определенные знания и навыки. Проблемное обучение будет высокоэффективным способом формирования умений лишь при выполнении следующих условий:

- проблемные ситуации должны отвечать целям формирования системы знаний;
- должны быть доступным для учащихся и соответствовать их познавательным способностям;
- должны вызывать собственную познавательную деятельность и активность;
- задания должны быть таковыми, чтобы учащийся не мог выполнить их опираясь на уже имеющиеся знания, но достаточными для самостоятельного анализа проблемы и нахождения неизвестного (более полно см. Nikiforov 2002).

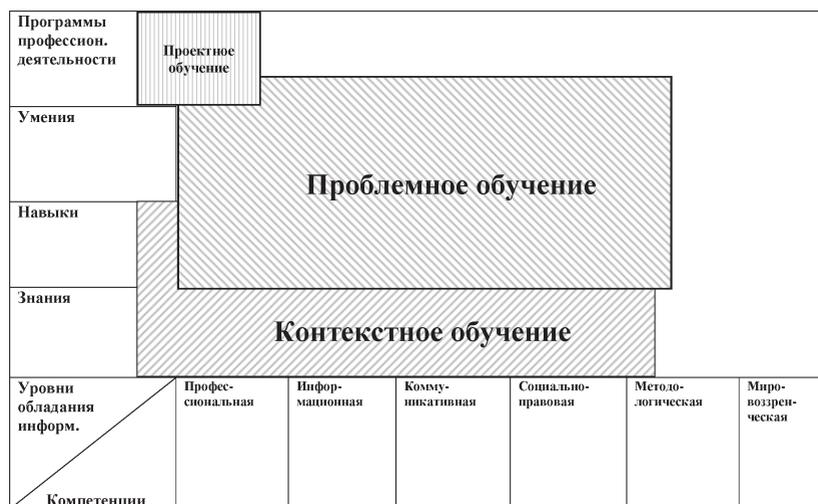

Рисунок 4. Элементы технологии проектного обучения

Источник: составлено авторами

Главным отличием метода проектов является то, что в результате совместной групповой деятельности обучаемые не просто получают новые знания, а создают какой-либо учебный продукт, материальный результат совместного труда. Результаты выполненных группо-

вых проектов должны быть «осязаемыми», т.е. если решалась теоретическая проблема, то должно последовать ее конкретное решение, если ставилась практическая задача – то конкретный результат, готовый к внедрению.

Целью метода проектов является развитие познавательных навыков учащихся, критического и творческого мышления, умения самостоятельно перегруппировывать использовать свои знания, ориентироваться в информационном пространстве. Работа над проектом тщательно планируется преподавателем и обсуждается с учащимися. При этом проводится подробное структурирование содержательной части проекта с указанием поэтапных результатов и сроков представления их «общественности», т. е. другим учащимся группы, внешним экспертам по данному вопросу и т. п.

В процессе проектного обучения необходимо создать условия, при которых студенты: 1) самостоятельно приобретают новые знания из разных источников; 2) учатся пользоваться приобретенными знаниями для решения познавательных и практических задач; 3) приобретают коммуникативные умения, работая в группах; 4) развивают у себя исследовательские умения (умения выявления проблем, сбора информации, наблюдения, проведения эксперимента, анализа, построения гипотез, обобщения и др.) и системное мышление.

Сформулируем два правдоподобных предположения: 1) ни одна из технологий обучения не является универсальной в смысле эффективной для формирования любой из компетенций; 2) для успешного овладения обучаемым информацией на различных уровнях необходимо использовать разные технологии обучения. Представляется, что овладение информацией обучаемыми не только на уровнях знаний и навыков, но и на уровнях умений и программ профессиональной деятельности и формирование компетентности как набора определенных компетенций будущего специалиста является главной проблемой и наиболее перспективным средством повышения эффективности вузовского обучения.

Библиография

- Bajdenko V.I. (2005) *Issledovatel'skij centr problem kachestva podgotovki specialistov*, M. Rossijskij Novyj Universitet. 379 s.
- Nikiforov V.E. (1987) *Metodologiya problem: Osnovnye ponyatiya i procedury. International Congress of Logic, methodology and philosophy of Science*, Abstreet. Vol. 4. M., s. 46–53.

- Nikiforov V.E. (2002) *Problemnaya situaciya i problema...* Riga, 262 s.
- Nikiforov V.E. (2004) *Logika: kurs-konspekt lekcij i kontrol'nye zadaniya*, Riga, 140 s.
- Nikiforov V.E. (2008) *Izbrannye raboty raznyh let*. Riga, s. 263–270.
- Nikiforov V.E., Kachan V.YA., Nikiforov N.V. (2016) *Teoriya i metodika ucbebnov i nauchnoj raboty studenta*, Riga: BMA 157 s.
- Verbickij A.A. (2000) Kontekstnoe obuchenie i stanovlenie novoj obrazovatel'noj paradigmy. *Nauchnye trudy MIM LINK*.

The Problems and Solution Approaches for Improvement of Learning Effectiveness in Higher Education Institutions

Summary

The paper is devoted to the problem statement and a short description of the problem-solution approaches pertaining to higher education issues in the post-Soviet area over the last decade. The educational experience of the authors as academics and their colleagues from other higher education establishments of the above area served as the empirical basis for the research. Theoretical and methodological framework of the research constitutes the authors' interpretation of methodology as the theory of methods to rationalize and optimize any types of activity. The solution approaches considered and proposed in the paper deal with the following issues: 1) adaptation of the content and methods of higher education to state-of-the-art IT solutions; 2) the methods of knowledge acquisition and professional training; 3) traditional learning technology and technology of training for the activity; 4) problem-based learning; 5) competence as the result of effective learning; 6) general study subjects as a means of competence development.

Key words: effective learning; teaching method; learning technology; problem-based learning; levels of information learning; competence.

ZIŅAS PAR AUTORIEM

Monika Dorota ADAMCZYK

Dr., Department of Sociology
of Knowledge and Education,
The John Paul II Catholic
University of Lublin, Poland
monika_dorota@wp.pl

Alina BETLEJ

Dr., Department of Social
Microstructures and
Contemporary Sociological
Theories, John Paul II Catholic
University of Lublin, Poland
alinabetlej@kul.lublin.pl

Dawid BŁASZCZAK

Dr. sc. soc., Academic teacher in
the State Higher School of
Pope John Paul II in Byala
Podlaska, Poland
dawid-blaszczak@wp.pl

Agnieszka DREWNIAK

Dr. sc. soc., Regional Center
of Culture in Lublin, Poland
wok@wok.lublin.pl

Jekaterina ĶĒNIŅA-ARESTOVA

PhD student of Management
Department, Daugavpils
University, Latvia
lvjt83@gmail.com

Aira Aija KRŪMIŅA

Doc., Dr. chem., Mg.,
Rīgas Stradiņa universitāte,
Sabiedrības veselības un sociālās
labklājības fakultāte, Latvija
Aira.krumina@inbox.lv

Dorota KUREK

PhD, Institute of Management,
War Studies University,
Warszawa, Poland
d.kurek@akademia.mil.pl

Ivans Jānis MIHAILOVS

Doc., Dr., Mg., Rīgas Stradiņa
universitāte, Komunikācijas
fakultāte, Latvija
Ivans.mihailovs@inbox.lv

Sławomir PARTYCKI

Prof., Dr. hab., Department
of Social Microstructures and
Contemporary Sociological
Theories, John Paul II Catholic
University of Lublin, Poland
spartyck@kul.lublin.pl

Marzena PIOTROWSKA-TRYBULL

Prof., Dr. hab., War Studies
University, Warsaw, Poland
mtrybull@yahoo.co.uk

Anastasiia SIMAKHOVA

Candidate of Economic
Sciences, Associate professor
of the Department of Economics
and Management of National
Economy of Oles Honchar
Dnipro National University,
Ukraine
simakhova_a@fme.dnulive.dp.ua

Nataliia STUKALO

Doctor of Economic Sciences,
professor, Dean of the faculty
of International Economics
of Oles Honchar Dnipro
National University, Ukraine
nstukalo@ukr.net

Татьяна Максимовна БОГОЛИБ

Prof., Dr., Pereiaslav-Khmelnytskyi Hryhorii Skovoroda State Pedagogical University, Ukraine

Вера Николаевна ВАСИЛЬЕВА

Доктор социологических наук, профессор кафедры философии и социальных наук Мурманского арктического государственного университета, Мурманск, Россия
Vasilevavn99@mail.ru

Ольга ВОЛКОВА

Mg. oes., Научный ассистент Центра социальных исследований Института гуманитарных и социальных наук Даугавпилсского университета, Латвия
olga.volkova@du.lv

Виктор Васильевич ВОРОНОВ

Доктор социологических наук, профессор, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия, Даугавпилсский Университет, Латвия
viktor.voronov@du.lv

Мария Викторовна ВОРОНОВА

Аспирантка Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия
tesamia@gmail.com

Галина Владимировна ЖИГУНОВА

Доктор социологических наук, профессор, проректор по научной работе Мурманского арктического государственного университета, Мурманск, Россия
galina-zhigunova@yandex.ru

Валерий НИКИФОРОВ

Хаб. доктор философии, проф. Балтийской международной академи
info@bsa.edu.lv

Никита НИКИФОРОВ

Доктор политологии, доцент Балтийской международной академи
info@bsa.edu.lv

VISPĀRĪGĀS PRASĪBAS ZINĀTNISKAM RAKSTAM

Raksta apjoms: 6–7 lpp (A4 formātā).

Raksta manuskripts iesniedzams pa elektronisko pastu ikgadeja.konference@du.lv. Teksts jāsaliek, izmantojot *Times New Roman* šriftu (*MSWord*); burtu lielums – 12 punkti, intervāls starp rindām – 1,5. Teksta attālums no kreisās malas – 3,5 cm, no labās malas – 2,5 cm, no apakšas un no augšas – 2,5 cm. Ja tiek izmantotas speciālās datorprogrammas, tad tās iesniedzamas kopā ar rakstu.

Raksta anotācija: raksta sākumā tūlīt pēc tā nosaukuma jāievieto informatīva anotācija. Anotācijā jānorāda raksta mērķis un uzdevumi, jāformulē pētījuma problēma, jāparāda novitāte un jāsniedz galvenie secinājumi. Atsevišķā rindkopā jānorāda atslēgas vārdi (termini, kas izsaka rakstā aplūkoto jautājumu būtību). Nepieciešams arī šo atslēgas vārdu tulkojums valodā, kurā ir kopsavilkums.

Raksta kopsavilkums: Rakstiem latviešu valodā kopsavilkums jā sagatavo angļu vai krievu valodā; rakstiem angļu valodā jāpievieno kopsavilkums latviešu vai krievu valodā; rakstiem krievu valodā jāpievieno kopsavilkums latviešu vai angļu valodā.

Raksta valoda: literāra, terminoloģiski precīza. Ja autors gatavo rakstu svešvalodā, tad viņam pašam jā rūpējas par raksta teksta valodniecisko rediģēšanu, konsultējoties pie attiecīgās sociālo zinātņu nozares speciālista – valodas nesēja. *Raksti, kuru valoda neatbilst pareizrakstības likumiem, netiks izskatīti un recenzēti.*

Raksta zinātniskais aparāts (atsauces un piezīmes, bibliogrāfija, tabulas, shēmas, diagrammas, grafiki utt.). Atsauces ievietojamas tekstā pēc šāda parauga: (Turner 1990); (Mills 1998); (Bela 1997). Piezīmes un skaidrojumi ievietojami raksta beigās. Tabulas, grafiki, shēmas, diagrammas un citi ilustratīvie materiāli noformējami, norādot materiāla avotu, nepieciešamības gadījumā arī atzīmējot tabulu, grafiku, shēmu izveides (aprēķināšanas, datu summēšanas utt.) metodiku. Visiem tādiem materiāliem ir jābūt ar kārtas numuriem un virsrakstiem. Materiāliem jāizveido to elektroniskā versija un jāiesniedz konferences organizatoriem pa e-pastu ikgadeja.konference@du.lv

References (rakstā izmantoto iespieddarbu saraksts) jāveido un jānoformē precīzi pēc šādiem paraugiem:

Monogrāfijām (grāmatām un brošūrām):

Turner, J. H. (1974) *The Structure of Sociological Theory*. Homewood (Illinois): The Dorsey Press.

Mills Ch. R. (1998) Sociologischeskoje voobrazhenie. Moskva: Strategiya. (In Russian)

Rakstiem krājumos:

Turner, R. H. (1990) "A Comparative Content Analysis of Biographies." In: Øyen, E., ed. *Comparative Methodology: Theory and Practice in International Social Research*. London, etc.: Sage Publications. pp. 134–150.

Rakstiem žurnālos:

Bela B. (1997) Identitātes daudzumsība Zviedrijas latviešu dzīvesstāstos. *Latvijas Zinātņu Akadēmijas Vestis*, A, 51, Nr. 5/6, 112.–129. lpp. (In Latvian)

Shmitt K. (1992) Ponyatie politicheskogo. *Voprosi sotsiologii*, № 1, str. 37–67. (In Russian)

Rakstiem laikrakstos:

Strazdins I. (1999) Matemātikā pasaule un Latvija. *Zinātnes Vestnesis*, 8. marts. (In Latvian)

Materiāliem no interneta:

Soms H. *Vestures informatika: Saturs, struktūra un datu bāze Latgales dati*. (In Latvian) Pieejams: <http://www.dpu.lv/LD/LDpublik.html> (skat. 20.10.2002).

References sakārtojamas autoru uzvārdu vai nosaukumu (ja autors ir institūcija) latīņu alfabēta secībā.

RAKSTI, KURI NEATBILST PRASĪBĀM, NETIKS PUBLICĒTI!

GENERAL REQUIREMENTS FOR THE PAPER

The size of the article: 6–7 ph. (A4 format).

The manuscript of the article is to be submitted by e-mail ikgadeja.konference@du.lv. The text should be typed using MS Word *Times New Roman*; the size of letters 12, the interval between lines 1,5. Left margin 3,5 cm; right margin 2 cm; from the top and from the bottom 2,5 cm. If were used special computer programs, they are to be submitted together with the article.

Abstract of the article: in the beginning of the article after title is to be located abstract of the article. In the abstract should be indicated aim, tasks, problem of the research, novelty of the research and main conclusions. The the separate paragraph should be noted key words (terms that reveal the essence of the issues discussed in the article).

Key words should be translated on the language, in which is written abstract of the article.

Summary of the article: for articles in Latvian summary should be prepared in English or Russian; for articles in English summary should be prepared in Latvian or Russian and for articles in Russian summary should be prepared in English or Latvian.

Language of the article: literary, terminologically precise. If the author is preparing the article in a foreign language, the author is responsible for the quality of the language. Author can ask consultation of specialist of relevant social sciences. *Articles in which the language will not follow the rules of spelling, will not be accepted for reviewing.*

Scientific appliance of the article: (references and remarks, bibliography, tabels, diagrams, charts, graphs and etc.). References in the article should be placed according to this pattern: (Turner 1990); (Mills 1998); (Bela 1997). Remarks and explanations should be placed at the end of the article. Tables, graphs, diagrams, charts and other illustrative materials in the article should be presented indicating the source of the material and, if necessary, the methods applied to draw up tables, graphs, diagrams, charts (calculation, data summarizing and etc.). All materials should have a number and the title. For these materials should be prepared electronic version, which is to be submitted to Conference Team by e-mail ikgadeja.konference@du.lv

References (the list of sources used in the article) formed and executed in accordance with these samples:

For monographies (books and brochures):

Turner, J. H. (1974) *The Structure of Sociological Theory*. Homewood (Illinois): The Dorsey Press.

Mills Ch. R. (1998) Sociologischeskoje voobrazhenie. Moskva: Strategiya. (In Russian)

Collected articles:

Turner, R. H. (1990) "A Comparative Content Analysis of Biographies." In: Øyen, E., ed. *Comparative Methodology: Theory and Practice in International Social Research*. London, etc.: Sage Publications. pp. 134–150.

Articles in journals:

Bela B. (1997) Identitates daudzbarsiba Zviedrijas latviesu dzivesstastos. *Latvijas Zinatnu Akademijas Vestis, A, 51, Nr. 5/6, 112.–129. lpp.* (In Latvian)

Shmitt K. (1992) Ponyatie politicheskogo. *Voprosi sociologii, № 1, str. 37–67.* (In Russian)

Articles in newspapers:

Strazdins I. (1999) Matematiķi pasaule un Latvija. *Zinatnes Vestnesis, 8. marts.* (In Latvian)

Materials from the Internet:

Soms H. *Vestures informatika: Saturs, struktura un datu baze Latgales dati.* (In Latvian) Pieejams: <http://www.dpu.lv/LD/LDpublik.html> (skat. 20.10.2002).

References should be compiled in the Roman alphabet's order according to the authors' names or titles (if the institution is the author).

THE ARTICLES, WHICH DO NOT COMPLY WITH THE GENERAL REQUIREMENTS, WILL NOT BE PUBLISHED!

Tehniskā redaktore,
atbildīgā par izdevumu: **Olga Volkova**
Maketētājas: **Marina Stočka, Vita Šotaka**

Izdevējdarbības reģistr. apliecība Nr. 2-0197.
Iespīests DU Akadēmiskajā apgādā “Saule” —
Vienības iela 13, Daugavpils, LV-5401, Latvija.